

Либерализм Запада XVII-XX века

Коллективная монография под общей редакцией В.В.Согрина.

Введение, заключение, главы 1, 2, 6, 7 – д.ист.н., проф. В.В.Согрин

Главы 4, 8 – д.ист.н., проф. А.И.Патрушев

Главы 5, 9 – к.ист.н. Е.С.Токарева

Главы 3, 10 – к.ист.н. Т.М.Фадеева

Издано Институтом всеобщей истории РАН

М., 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. XVII-XIX века: СТАНОВЛЕНИЕ

Глава 1. Великобритания: от Дж.Локка до У.Гладстона

Дж.Лильберн, Дж.Мильтон, Дж.Гаррингтон, Дж.Локк, А.Смит, Э.Берк, Т.Пейн, У.Коббет, Д.Рикардо, Дж.С.Милль, Т.Мальтус, Р.Кобден, Дж.Брайт, И.Бентам, Д.Морлей, Актон, Т.Грин, У.Гладстон, Дж.Чемберлен

Глава 2. Два лика американского либерализма

В.Л.Паррингтон, Л.Харц, А.Гамильтон, Д.Адамс, Д.Мэдисон, Дж.Вашингтон, Т.Джефферсон, Д.Мейсон, Б.Раш, Б.Франклайн, Г.Моррис, Т.Пейн, Г.Клей, Э.Джексон, А.Линкольн, Д.Б.Кларк, Г.Спенсер, Э.Карнеги, Дж.Рокфеллер, Дж.Херст, Дж.Хилл, У.Самнер, Дж.Кэлхун, Л.Уорд, Р.Эли

Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

Ш.-Л.Монтескье, А.Токвиль, Вольтер, Ф.Кине, А.Тюрго, Э.-Ж.Сийес, Дестют де Траси, П.Дону, Жермена Сталь, Б.Констан, Ф.-Р.Шатобриан, Г.Барант, П.Руайе-Коллар, Ф.Гизо, В.Кузен, Ф.Вильмен, Э.Лабуле, А.ТЬер, В.Брольи, Ж.Греви

Глава 4. Пути и драмы немецкого либерализма

Теоретические основы. – На заре немецкого либерализма. – Проблема гражданского общества. – «Государственный лексикон» - библия либерализма. – Проблема конституционализма. – **Либерализм и создание империи.** – Либерализм в эпоху империализма

Фридрих Лист, Э.-Р.Хубер, Ф.-К.Дальман, Р. фон Моль, В.Гумбольдт, И.Кант, Ф.Гегель, Штейн, Гарденберг, К.Роттек, К.-Т.Велькер, Р.Вирхов, Ф.Вальдек, Ф.Дункер, Ф.Шульце-Делиг, О.Бисмарк, О.Рихтер, Э.Ласкер, Р.Беннингсен, И.Микель, Х. фон Герлах, Л.Квидде, Т.Барт, Г.Риккерт, В.Шюкинг, Р.Брейтшайд, Макс Вебер, Ф.Науман, Л.Бамбергер, Гуго Пройс.

Глава 5. Италия: от либеральных идей к либеральному государству

Д.Вико, Л.Муратори, П.Верри, Ч.Беккариа, Марио Пагано, В.Куоко, Г.Филанджери, В.Альфьери, Н.Спедальери, К.Лауберг, Дж.Романьози, М. д'Адзелио, В.Джоберти, Дж.Дурнадо, Ч.Бальбо, К.Кавур, Дж.Мадзини, К.Каттанео, Ф.Буонаротти, М.Мингетти, Ф. де Санктис, Л.Луццатти, Ф.Криспи, Депретис, Альберто Марио

ЧАСТЬ 2. XX век: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ и РАЗВИТИЕ

Глава 6. США: от социального либерализма к неолиберализму

У.Уэйл, Г.Кроули, У.Липпман, Л.Брандейс, Т.Рузвельт, В.Вильсон, Д.Кеннеди, Л.Джонсон, Ю.Маккарти, Д.Макговерн, Г.Харт, М.Дукакис, Б.Брэдли, У.Клинтон

Глава 7. Великобритания: перипетии социального либерализма

Г.Асквит, Г.Кэмпбелл-Баннерман, Г.Ллойд Джордж, У.Черчилль, Л.Хобхауз, Д.Гобсон, Р.Мюир, Дж.-М.Кейнс, У.Беверидж, Д.Гримонд, Д.Торп, Д.Стил, Д.Оуэн,

Глава 8. Крах и возрождение германского либерализма

От революции к республике. – Крах либерализма в Веймарской республике. – Доктрина «социального рыночного хозяйства». – СвДА: традиции и новации. – «Новый либерализм» и либеральный неоконсерватизм.

Г.Стиннес, Э.Борзиг, Я.Шахт, Ф.Науман, К.Петерсен, Э.Кох-Везер, Г.Штреземан, Г.Штальпер, В.Ойкен, «фрейбургская школа», Т.Хейсс, К.-Г.Флах, Х.-Д.Геншер, Р.Дарендорф, К.Кинкель, О.Марквард, Г.Люббе

Глава 9. Италия: между либерализмом и либеральным социализмом

Дж.Джолитти, Л.Эйнауди, Г.Сальвемини, Б.Кроче, Дж.Джентилле, Г. де Руджерио, П.Гобетти, А.Гармши, К.Роселли, Д.Спадолини, К.Каттанео, М.Паннунцио, Н.Боббио, Ф.Маттеи

Глава 10. Современная Франция: модель консервативного либерализма

В. Жискар д'Эстен, М.Понятовский, Ф.Мало, Ж.-П.Суассон, Ж.Ширак, Г.Сорман

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Понятие либерализм было впервые употреблено в 1810 году в Испании - стране, которая не была ни оплотом, ни родиной, ни даже сколько-нибудь влиятельной или заметной выразительницей либеральной идеологии. В странах же, которые всегда были главными носителями либеральной традиции, в первую очередь в Великобритании и США, это понятие стало употребляться, а тем более вошло в обиход гораздо позднее. Это историческое обстоятельство, однако, отнюдь не дает основания говорить об относительной молодости либерализма: идеино-политическая традиция, которая обрела свое название только в XIX веке, зародилась на много веков раньше, а свою зрелую, завершенную форму приобрела уже в XVII-XVIII веках.

Идейные истоки либерализма, прообразы ряда его классических концепций уходят корнями еще в античность. Но все же о зарождении либерализма в подлинном смысле можно говорить только относительно завершающей эпохи средневековья. Среди исследователей либерализма не вызывает особых споров вопрос о том, кто был его истинным отцом - основателем таковым практически единодушно признают буржуазный класс - независимых самостоятельных и по большей части имевших определенное состояние обитателей западноевропейских городов, выступивших в пору возмужания против феодально-монархических оков. Никто не оспаривает и того очевидного обстоятельства, что подлинным отечеством либерализма в котором он зародился, успешно развивался и добился триумфа, является цивилизация Запада. Судьбам либерализма в пяти ведущих странах Запада посвящена настоящая книга.

Целью книги является анализ общего и особенною в судьба к либерализма в этих странах. Уместно предварить его характеристикой основных общих принципов, черт и антиномии либерализма, что облегчит читателю отслеживание их национальных проявлений и особенностей. Первой основополагающей чертой либерализма, его ядром, был и остается индивидуализм, провозглашающий приоритет человеческой личности по отношению к обществу, государству, социальным общностям. Идея суверенитета и верховенства индивидуума логически добавляется концепцией его неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть отчуждены государством и обществом, а могут только гарантироваться и защищаться. Исторически первым неотъемлемым правом личности была объявлена свобода вероисповедания, но впоследствии, а окончательно в XVII-XVIII вв., главным неотъемлемым правом было провозглашено обладание и свободное распоряжение собственностью.

Либерализм сотворил свою первую антиномию, когда причислил обладание собственностью к естественным правам всех индивидуумов. Если все индивидуумы обладали естественным правом на собственность, то какую позицию должны были занять общество и государство по мере того, как собственность отчуждалась от все большей массы людей. Разногласия по этому вопросу породили серьезное разделение среди либералов: часть их доказывала, что все надо предоставить «естественному ходу вещей» и не вмешиваться в процесс стихийного распределения собственности, другая часть полагала, что «естественная справедливость» заключалась в проявлении заботы о тех, кто лишался права собственности, а особенно о тех, кто попадал в ряды обездоленных.

Вторая фундаментальная антиномия возникла для либерализма при обсуждении проблемы "естественных и равных" политических прав человека.

Концепция естественно-правового равенства индивидуумов логически приводила к провозглашению принципов народного суверенитета, права каждого человека на участие в образовании политической власти и участие в государственном управлении. При таком подходе либерализм оказывался равнозначен демократии Но большинство либералов XVII-XVIII вв. как раз заняли в отношении демократии резко отрицательную позицию. Главный аргумент сводился к следующему: в условиях разделения общества на имущих, с одной стороны, и малоимущих и неимущих, с другой, последние, которые будут всегда в большинстве, неизбежно используют право голоса и политическую власть для передела собственности и установления своей тирании над богатыми. Другой аргумент, находившийся в определенном противоречии с первым, заключался в том, что неимущие будут голосовать так, как им укажут экономические владыки их округа, а поэтому предоставленное им избирательное право не будет равнозначно реальному праву политического выбора. По этим причинам предоставление избирательных прав неимущим оказалось для либерализма неприемлемо. Со временем - в XIX веке во все большей степени, а в XX веке полностью - либерализм в силу разнообразных причин стал соединяться с демократией. Но отношение либералов к демократии не становилось восторженным, а тем более апологетическим. Для них центральным стал вопрос о том, при каких условиях демократия может приносить добро, а не зло. Вопрос этот не утратил актуальности для либерализма и в конце XX века.

Еще более сложными оказались отношения либерализма с идеей равных социально-экономических прав. В отличие от социализма, либерализм относился и относится отрицательно к идее социально-экономического равенства людей, которая в практическом отношении, как показал опыт реального социализма в XX веке (а либералы не сомневались в этом никогда), ведет к подавлению разнообразия индивидуальных способностей и к социально-экономической стагнации общества. В XVII-XIX вв. либералы противопоставляли идею социально-экономического равенства идею равенства возможностей, которое должно было предоставить каждому индивидууму максимальные возможности для самореализации. Но и подобная идея равенства воспринималась либералами неоднозначно: ведь при ее последовательном развитии можно было, например, прийти к отрицанию права наследования, ибо именно оно в первую очередь и препятствует равенству «стартовых возможностей» индивидуумов.

На рубеже XIX-XX вв. в западном либерализме выделилось новое направление, которое объявило о необходимости выработки концепции социально-экономических прав человека и предоставлении их с помощью государственного законодательства тем, кто не мог собственными усилиями выбраться из нищеты, не имел средств на образование, медицинское обслуживание, приобретение жилья. XX век в странах Запада прошел под знаком нарастающих успехов этого нового, или социального, как стали его называть, либерализма. Раскол между старым, классическим, и новым, социальным, либерализмом составил главный водораздел в развитии либерализма в новейшее время. В ряде случаев новые либералы, как это имеет место, например, в США, утвердили практически монополию в либерализме, так что сторонники классического, буржуазно-индивидуалистического либерализма перестали называть себя либералами, предпочитая именоваться консерваторами (по иронии судьбы ряд современных российских политиков и идеологов, поклоняющихся заветам Р.Рейгана и М.Тэтчер, именуют себя либералами, хотя в глазах их западных кумиров, особенно американских, это слово стало таким же бранным, как и социализм).

В XX веке либерализм становился во все большей мере открытой идеологией, включающей в себя доктрины и идеи из других традиций, в том числе

социалистической, что помогало ему сохранять и упрочивать свою популярность. Одновременно он становился все менее монолитным, в нем сложилось несколько течений, так что плюрализм, который либерализм исповедовал во взаимоотношениях с другими учениями, в полной мере воплотился внутри него самого. Эта открытость и многовариантность либерализма явились, по-видимому, одной из причин нараставших успехов либерализма в конкуренции с другими традициями. Но все же главная причина успехов либерализма видится в другом: он изначально заключала себе и пестовал идеи и ценности, которые в их практическом воплощении способствовали утверждению либеральных обществ и западной цивилизации в целом на ведущих позициях в мире, которые стали образцом для подражания иным регионам и странам и которые сегодня признаются, в том числе представителями иных идеологий, в качестве универсальных человеческих ценностей. Среди них неотъемлемые права человека на духовные, политические, экономические свободы, конкуренция как основа экономического и политического развития общества, плюрализм политических течений и идеологий, их открытое свободное состязание и одновременно терпимость друг к другу, приоритет личности по отношению к обществу и государству, а общества по отношению к государству, гражданское общество и свободное формирование социальных взаимосвязей, корпоративных и общих норм и обязательств в качестве первоосновы человеческого общежития, разделение властей и правовое государство как основа функционирования политической власти.

ГЛАВА 1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: от Д.Локка до У.Гладстона

Британская историческая традиция богата идеально-политическими истоками либерализма. Важное место среди них принадлежит государственно-правовым документам. Именно такой документ — Великая хартия вольностей 1215 года — широко признается в качестве идеологической первоосновы произрастания либеральной традиции в Великобритании. Впрочем, по классическим меркам “либеральное” содержание хартии скучно: так ее экономические мотивы ограничиваются защитой неприкосновенности собственности. Идейным источником либерализма должна быть признана в первую очередь политico-правовая часть, а 39-ый параграф хартии, провозгласивший, что ни один свободный человек не может быть арестован, заключен в тюрьму, лишен собственности, изгнан без судебного приговора пэров и в нарушение законов страны, звучит почти как классическая формулировка из концепции естественных и неотчуждаемых прав человека.

В британско-еволюционном духе идеи Великой хартии вольностей дополнялись и расширялись каждое последующее столетие. В том же XIII столетии упрочился представительный характер верховной государственной власти: парламент включил в себя не только представителей земельной аристократии, но также городскую верхушку. Взаимоотношения монархии и парламента на протяжении последующих столетий стали центральным “местом” вызревания принципов разделения властей, смешанного правления, правового государства. Подлинный же прорыв в их утверждении произошел в XVII веке, который и можно считать главным веком формирования принципов либерализма в Великобритании.

Согласно концепции, широко принятой среди разных историографических школ, XVII век стал веком рождения современной Великобритании, то есть оформления в ней основ либерального общества, сохраняющихся по сегодняшний день. Огромная, если не решающая роль в формировании либеральных принципов и основ принадлежала двум Английским революциям — середины и конца XVII века. Две эти революции традиционно противопоставляются многими историками как “кровавая” и “мирная” (“славная”), однако очевидна преемственная связь между ними, как и то, что без радикальной очищающей и созидающей “работы” “кровавой” революции была бы невозможна легкая победа “славной революции”, как и торжество основ либерализма.

В канун революции середины XVII века лидеры парламента стали все более смело выдвигать либеральные лозунги. В Петиции о праве 1629 года прозвучал тот, ставший знаменитым принцип, что право налогообложения может принадлежать только представительному органу власти, как и позаимствованное из Великой хартии вольностей положение о неправомочности лишения кого либо собст-

венности или заключения в тюрьму без надлежащего судебного рассмотрения и приговора. Реакция короля — роспуск парламента — привела к тому, что оппозиция укрылась под религиозными одеждами. Идеология религиозного протестантизма продолжала пестовать либеральные принципы: невмешательство власти в экономические дела граждан, договорное и выборное формирование властей предержащих, личная ответственность индивидуума за свои поступки и дела.

Когда в 1640-ом году парламент собрался вновь, его программа включала уже набор характерных для либерализма экономических, социальных, политических и религиозных требований. Свобода промышленности и торговли, отмена государственных монополий, свободное распоряжение земельной собственностью, признание представительного органа власти, парламента, главным носителем государственного суверенитета и создание ответственного перед парламентом правительства, ликвидация власти монархии над церковью, — эти и другие требования прозвучали в “Великой ремонстрации” парламента в 1641 году. Для монархии они оказались неприемлемы, страна встала на путь революции.

Революция свершила прорыв в реализации и дальнейшей разработке тех принципов, которые вскоре вошли в классику либерализма. Экономические реформы сопровождались утверждением свободы предпринимательства, торговли, распоряжения собственностью, в том числе и провозглашением закона о свободе рыцарских держаний, что означало утверждение чистой буржуазной собственности на землю для ее главного держателя — дворянства. Еще более радикальными оказались политические реформы и идеи Великой Английской революции.

В революционном лагере двумя главными силами, выступавшими выразителями либерализма, были индепенденты и левеллеры. И если индепенденты заняли умеренную позицию, ограничиваясь защитой уже известных принципов, в политической области прежде всего требованием перераспределения в интересах буржуазных слоев избирательных округов, то левеллеры встали на радикальную позицию и выдвинули ряд новых оригинальных доктрин и требований.

Среди историков не было и нет единства в оценке идеально-политического наследия левеллеров. Ряд исследователей, зачисляя левеллеров в “радикальные либералы”, в то же время отказывали им в праве именоваться демократами. Но большинство авторов склоняется к тому, что левеллеры одними из первых в Англии попытались соединить либерализм с демократией. Данное мнение и представляется справедливым.

Левеллеры и их признанный лидер Д.Лильберн со всей определенностью преобразовали идею государственного верховенства парламента в концепцию государственного верховенства народа. В чеканых формулировках “Народного соглашения” 1647 года объявлялось, что государственная власть может быть только продуктом общественного договора, народ является подлинным и единственным сувереном нации. Концепции народного суверенитета и общественного договора, ставшие основополагающими и классическими в либеральной идеологии, были дополнены в левеллеровской программе целой серией необычайно смелых демократических требований

Главными стали требования упразднения монархии и провозглашения Англии республикой, ликвидации палаты лордов и признания палаты общин единственной представительницей народного суверенитета, введения регулярных двухгодичных перевыборов парламента, наконец, перераспределения избирательных округов и расширения избирательного права¹.

Одним из центральных в дискуссии левеллеров и индепендентов стал вопрос об избирательном праве. И если индепенденты объявили, что право собственности является, бесспорно, главенствующим, а к выборам могут допускаться только состоятельные люди, то левеллеры полагали, что право голоса не может увязываться с величиной состояния и что даже бедные, но независимые граждане могут участвовать в образовании государственной власти. Но вот в вопросе о том, кого из представителей малообеспеченных слоев можно считать независимыми и допускать к выборам, среди левеллеров возникла разноголосица, которая то и породила различающиеся интерпретации идеологии левеллеров среди историков.

Господствующим среди левеллеров было все же мнение, что экономическая независимость, гарантирующая и независимость политического выбора, предполагает обладание определенной собственностью. По этой причине большинство людей, работающих по найму, среди них рабочие, ученики, домашние слуги, не могут быть наделены правом голоса. Но все англичане, имевшие земельные участки, лавочки, мастерские или даже арендаторы, работающие на самих себя, должны были, независимо от их достатка, получить избирательные права. Этот политический демократизм дополнялся у левеллеров и эгалитаризмом: они были противниками имущественных контрастов и полагали, что ликвидация нищеты, с одной стороны, и ограничения роскоши и богатства, с другой, только и являются надежной основой благодеяния и политических свобод нации². В целом левеллеры выступили зачинателями эгалитарно-демократического течения в либерализме.

Английская революция завершилась победой индепендентов. Провозглашенный ими республиканский строй вскоре сменился режимом личной власти О.Кромвеля. Новый общественный порядок благоприятствовал развитию умеренных вариантов либерализма, и его главными выразителями в постреволюционный период выступили люди, близкие по взглядам индепендентам. Среди них наибольший вклад в либеральную идеологию внесли Джон Мильтон и Джеймс Гаррингтон.

И Мильтон, и Гаррингтон отстаивали концепцию естественного состояния и естественных свобод людей как образца моделирования общественных отношений. Оба они способствовали дальнейшему развитию теории народного суверенитета и общественного договора как основы образования государственной власти. Оба считали образцовым республиканский строй и теоретизировали о возможностях его сохранения в Англии. Наиболее весомые рассуждения при этом были выдвинуты Гаррингтоном.

Гаррингтон активно разрабатывал тезис: форма государственного устройства зависит не столько от благих пожеланий народа и избирателей сколько от благоприятных обстоятельств.

по его заключению, тем, что три четверти земель находились в руках короны, аристократии и церкви. Когда же в первой половине XVII века “баланс собственности” радикально изменился, возникла объективная потребность и возможность смены государственной формы на республиканскую. Только поддержание и развитие “народного баланса собственности” могло, по его убеждению, способствовать сохранению республики. В связи с этим в его главном произведении, “Республика Океания”, в семнадцатой статье составленной им конституции образцового государства устанавливается твердый предел на доходы с земельной собственности (не более 2 тысяч фунтов в год для одного индивидуума). Эта и другие ограничительные меры должны были, по его мнению, привести к более равномерному распределению собственности, создать баланс, необходимый для поддержания республиканских устоев.

Гаррингтон развил также идеи “смешанного правления” и ротации государственных должностных лиц, занявших важное место в идеологии либерализма. В отличие от левеллеров он полагал, что парламент должен состоять из двух палат, при этом верхняя должна олицетворять мудрость нации и формироваться из самых одаренных от природы индивидуумов (“естественной аристократии”), а нижняя — выражать интересы всего сообщества и избираться всеми гражданами. При этом как нижняя, так и верхняя палата должны подвергаться регулярной периодической ротации, ибо мудрецов и талантов в государстве гораздо больше, нежели мест в парламенте³.

Революционная эпоха принесла с собой целый сонм оригинальных доктрин. Но освоить, а тем более воплотить их в жизнь английскому обществу и его элите оказалось не по плечу. После же утверждения в Англии в 1660-ые годы режима реставрации и возвращения на престол Стюартов либерализм и его выразители стали подвергаться гонениям (книги Мильтона были сожжены!). Но и возвращение к дореволюционным порядкам было невозможным. Противники абсолютизма, объединившиеся в партию вигов, вели достаточно жесткое противоборство со своими оппонентами-тори, пытаясь сохранить наиболее важные в их глазах экономические и политические нововведения. В 1679 г. они даже смогли провести через парламент Хабеас корпус акт, который, развивая принципы Великой хартии вольностей, требовал, чтобы в случае ареста любому из задержанных было предъявлено обвинение. Соперничество же вигов и тори способствовало укреплению политического плюрализма.

1680-е гг. обнаружили, что новый “баланс собственности”, о котором так много рассуждал Гаррингтон и которому было дано даже арифметическое выражение, не давал шансов на увековечение феодально-монархического строя. В 1688 году вигская оппозиция смогла свершить бескровную — “славную” — революцию, которая уже окончательно освободила Англию от Стюартов, утвердила конституционную парламентскую монархию и освятила буржуазные социально-экономические перемены предшествующего периода.

1688-ой год подвел итоги радикальных общественных изменений в Англии. Он высветил и одобрил ту их “меру”, которая оказалась приемлемой для двух групп английской элиты — дворянства и торгово-финансовой буржуазии, достигших пари в таких компромис-

закреплявшем всю полноту законодательной власти за парламентом, лишавшем монарха каких либо законодательных прерогатив, но сохранявшем за ним власть исполнительную. Идеологическое выражение компромиссы английской элиты получили в "Двух трактатах о правительстве" Джона Локка, написанных еще до 1688 года, но опубликованных только после свершения Славной революции. Именно эти трактаты и были широко признаны классическим выражением либерализма: отсчет его принципов от работ Локка ведется не только в Англии, но так же в США, других западных странах.

Трактаты Локка — это полнокровное, законченное во всех частях теоретическое и одновременно пропагандистское произведение. В то же время в них мало абсолютно четких, поддающихся однозначной трактовке выводов (именно этим в значительной мере определяются нескончаемые дискуссии о Локке среди исследователей). Расплывчатость и даже противоречивость ряда выводов Локка могут быть объяснены именно тем, что он стремился найти общий знаменатель для разных социальных интересов в английском обществе, предложить компромиссный вариант подходов для политических сил его века — индепендентов, левеллеров, вигов, тори. Взгляды всех их так или иначе отразились в его теории. Кроме того, идеи Локка предназначены и для разных исторических ситуаций: он советует, как жить в спокойные времена и как поступать в случае наступления общественного кризиса. И все же взгляды Локка — это не какая-то эклектика, которая обрекла бы его на место в ряду заурядных мыслителей. В его трактате заключен ряд оригинальных идеологических конструкций, в которых чутко уловлены и выражены долговременные общие интересы элиты и всего общества. Это определило непреходящее значение идей Локка.

В своих трактатах Локк решительно встал на позицию естественно правового подхода к социальному-политическому моделированию: признание естественных и неотъемлемых прав людей давало возможность поиска некоторых основополагающих, нерушимых общественных истин. Вместе с тем, подход Локка к естественным правам не лишен и своеобразного историзма: он прослеживает их изменение по мере взросления человека, его более тесного взаимодействия с окружающим миром и себе подобными. Ярче всего сочетание естественно-правового подхода и историзма проявилось в интерпретации Локком собственности: именно эта его концепция признается большинством исследователей как главное теоретическое нововведение выдающегося мыслителя.

Не подлежит сомнению, что проблема собственности — главная для Локка, какой она, впрочем, была для многих англичан его времени. По поводу ее было сломано немало копий: отталкиваясь от одного и того же естественно правового подхода, дигтеры приходили к коммунистическим, левеллерам — к умеренно-эгалитарным, а виги — к буржуазно индивидуалистическим выводам. Подход Локка — эта своего рода попытка разрешения этого спора.

Вся земля, рассуждал Локк, делая очевидный реверанс в сторону эгалитариев, была создана как общее достояние. Но эта общественная собственность не могла сохраниться даже в естественном состоянии в силу характера взаимоотношений людей с природой и самими собой. Как только человек пытался использовать окружаю-

шую его среду, в первую очередь вкладывая свой труд в землю, он неизбежно и закономерно обращал обрабатываемый участок в свою собственность⁴. Если бы этого не происходило, трудовой энтузиазм индивидуума лишался бы смысла, у него не было бы стимула совершенствовать обработку и использование земли. Из этого рассуждения Локка вытекали по крайней мере три важных заключения. Во-первых то, что частная собственность имела трудовое происхождение, а посему ее справедливость трудно было оспорить. Во-вторых то, что без возникновения и признания частной собственности прогрессивное развитие общества было невозможно. В-третьих то, что обращение индивидуумом обрабатываемой им земли или добытых им продуктов в частную собственность не ущемляло интересов и возможностей других индивидуумов, поскольку земельные просторы были необозримы и каждый, приложив труд к земле, мог добиться благ, полагаясь на свой талант и трудолюбие.

Как видно, в естественном состоянии, по Локку, существовала и общественная, и частная собственность, при этом образование частной собственности отвечало интересам прогресса, было справедливо, не ущемляло ничьих интересов. Рассуждая далее, Локк вновь держал линию на примирение социальных сил и политических групп, чьи взгляды на частную собственность существенно расходились. Как бы апеллируя к тем, кто таковой не обладал, Локк отказывался от узко буржуазной трактовки частной собственности и включал в нее не только недвижимость и капитал, что было общепринято, но также труд и саму жизнь человека. В интерпретации Локка все люди оказываются собственниками, ибо все они распоряжаются своим трудом и жизнью, должны дорожить и гордиться этим правом, ничуть не меньшим по значению, чем право на недвижимость и капитал. И обращаясь уже ко всем слоям общества, Локк доказывал неизбежность и полезность возникновения неравенства во владении собственностью: с появлением обмена и денег возникает фундаментальная причина неравенства, а поскольку без денег цивилизованное существование невозможно, с ними, как и с неравенством, необходимо примириться⁵.

Учение Локка о собственности прочно легло в основу либерализма. Оно удовлетворяло интересы элиты и настраивало массы на восприятие частной собственности как естественного и неотъемлемого права индивидуума. Менее оригинальны, но также весомы были рассуждения Локка об общественном договоре и праве на революцию.

Идея общественного договора, как первоосновы образования государства, уже была достаточно прочно освоена в Англии. Локк добавил к ней ряд нововведений. Одно из них было добыто в дискуссии с тори, доказывавшими, что отношения власть предержащих, то есть монархов, и поданных строятся по аналогии с отношениями в семье между отцом и детьми, когда власть отца не требует ни согласия, ни договора. Локк твердо отверг эту "патриархальную" концепцию государства, заявив, что природа и бог не даровали государю власть отца и что его прерогативы вытекают исключительно из общественного договора, заключаемого по добровольному согласию подданных. Локк не предполагал, что общественные договоры должны периодически перезаключаться, а государственная власть соответственно отменяться и создаваться вновь. Для поддержания

однажды созданной власти вполне, по его мнению, было пригодно “спокойное согласие” граждан, выражающих его периодически на выборах.

И все же Локк не отрицал и возможности замены власти даже при помощи насильственной акции подданных. В данном случае он воспроизводил и интерпретировал концепцию права народа на революцию, которую в свое время твердо защищали Лильберн и Мильтон. Интерпретация Локка гораздо более осторожна. Право граждан на вооруженное сопротивление властям, по Локку, должно использоваться крайне редко, когда их права явно попраны и не остается никакой надежды устраниТЬ зло обычным конституционным способом. Но все же это право признавалось Локком недвусмысленно⁶. Это вытекало из фундаментальной, ставшей для либерализма классической теоретической предпосылки: признание приоритета гражданского общества в отношении государства. Общество с естественными и неотъемлемыми правами индивидуумов на жизнь, свободу, собственность возникает раньше государства, последнее обращается в первую очередь для защиты этих прав, а посему их попранье, доказывал Локк, и создает легитимную основу для революционного ниспровержения тирании.

Локк с его осторожностью и склонностью к компромиссам все же может показаться Монбланом свободомыслия среди большинства тех английских идеологов и политиков, с именами которых связывают развитие либерализма в конце XVII — первой половине XVIII веков. Современный британский историк Г.Дикинсон, автор блестящего исследования политической мысли Великобритании XVIII века, даже полагал, что они вообще вряд ли были “подлинными либералами”⁷. Действительно, вигская идеология в первой половине XVIII века развивалась в направлении все большего смягчения суждений Локка, изменения предложенных им компромиссов в интересах узких элитных групп, размывания либеральных принципов.

А ведь среди тех, кто в первой половине XVIII века принял эстафету от Локка, были яркие личности: А.Сидней, У.Блэкстоун, Д.Юм, Г.Болингброк. Этот период исследователи даже называют эпохой Просвещения в Великобритании. Но то было своеобразное Просвещение: в отличие от Франции или США, где эта идеология имела своим историческим предназначением подготовку первых либерально-демократических революций и отличалась смелостью, новизной, радикализмом, британское Просвещение развивалось в стране, в которой эпоха буржуазных революций свершилась и где пришедшие к власти буржуазные элиты были озабочены упрочением своего положения и прав, а не думали о мобилизации поддержки народа для завоевания политической власти. Постреволюционный характер британского Просвещения предопределил его умеренность.

Политическим триумфатором той эпохи была партия вигов, находившаяся у власти почти беспрерывно с конца XVII века до 1770-х гг. В ее действиях обнаружилась тенденция установить как политическую, так и идеологическую монополию, которая бы надежно обслуживала интересы собственных элит, утвердившихся у власти в результате перипетий XVII века. Концепция естественных и неотъемлемых прав человека все более и более втискивалась вигскими идеологами и политиками в прокрустово ложе защиты одного права

— частной собственности. Из всей триады естественных прав безусловный приоритет был отдан собственности; она была объявлена первоосновой и главным достижением общественного прогресса, а государству предназначалось охранять именно ее. Локковская трактовка собственности, включавшая в нее, кроме недвижимости и капитала, так же труд и жизнь человека, была отвергнута: труд и жизнь были из нее исключены. Вместе с тем вигская трактовка собственности все более подчеркивала, что основой процветания Англии является не только земля, но также финансы и коммерция. Такой подход был логичен: в вигской партии сплотились лендлорды, финансисты, торговцы.

В вигский период было принято наибольшее количество законов в защиту частной собственности. Резко выросло число смертных казней за преступления против нее. Были зафиксированы случаи смертной казни за кражу нескольких шиллингов и даже посевного платка⁸. Упрочению частной собственности на землю лендлордов способствовали парламентские законы об огораживании: во второй половине XVIII века их было принято две тысячи. Вигский либерализм создал надежные гарантии права на частную собственность.

В политической области виги произвели умеренно охранительную ревизию идеологического наследия XVII века. Теория общественного договора как вместилища и гаранта прав англичан не вызывала их энтузиазма. При защите прав граждан и прерогатив парламента они предпочитали апеллировать не к естественному праву, а к историческим прецедентам, как и к государственно-правовым актам, которые ограничивали власть монарха. Эти акты начиная с Великой хартии вольностей 1215 года стали все чаще называть конституцией или фундаментальным законом Великобритании. Самым ярким выражителем вигской трактовки конституционализма выступил У.Блэкстоун, который в своих трудах доказывал, что все указы и поступки монарха, как и парламентские акты, должны строго соотноситься с фундаментальным законом, ни в коем случае ему не противоречить. Указы и акты, противоречащие фундаментальному закону, недействительны — этот вывод Блэкстоуна стал правовой максимой вигской идеологии.

Вслед за принципами общественного договора и естественного права из вигской идеологии исчез и республиканский идеал. Виги были твердыми сторонниками конституционной и парламентской монархии, и одним из главных для них оказался вопрос о распределении прерогатив в треугольнике палата общин — палата лордов монархия. В его решении возобладала концепция "смешанного правления". Она означала, что три властных института обладают самостоятельными функциями и вместе с тем взаимодействуют и уравновешивают друг друга. Монархия представляла единую волю нации, лорды — мудрость страны и интересы самых достойных граждан, общины — интересы всех англичан.

С идеей смешанного правления соседствовала идея разделения властей, которая в вигской идеологии означала наделение монарха исполнительной, а парламента — законодательной властью. Современный парламент обнаружил стремление к расширению сроков полномочий и сужению монарших. В билле о правах 1689 г. монарх был лишен права запретительного и даже отлагательного законов, то есть

ного вето. Во времена пребывания вигского лидера Р.Уолпола на посту главы правительства министры стали собираться и принимать решения втайне от короля (Ущемление прав монарха в качестве верховного носителя исполнительной власти в значительной мере определилось безволием и ограниченностью короля Георга II).

Парламент серьезно упрочил свои позиции в 1716 году, когда расширил срок полномочий палаты общин с трех до семи лет. Этот закон еще более расширил возможности коррупции парламентариев: в вигский период политическая деятельность стала рассматриваться фактически как законный способ обогащения. Годом позже парламент повысил имущественный ценз для избирателей, в результате чего их численность сократилась до 250 тыс. человек, что составляло пять процентов от населения страны. Противоположная же идея демократизации избирательного права не находила никакой поддержки в вигском лагере.

Из самых смелых идей XVII века виги XVIII века восприняли только идею о праве на сопротивление тирании. Но и ей были даны умеренные трактовки. Так, право на революционное действие народа отрицалось, возможность сопротивления тирании предоставлялась только элите, которая могла обратиться к оружию в случае нарушения монархией ее прав и прерогатив парламента. Мысль о том, что в качестве узурпатора власти может выступить парламент, не допускалась.

При всем умеренно охранительном характере вигской идеологии и политической практики они представляли в глазах многих самых передовых европейских умов в качестве образцов, достойных для подражания и перенесения в другие страны. Ф.Вольтер, побывавший в Англии в 1726-1729 гг., поделился впечатлениями о ее духовных, экономических и политических устоях в "Философских письмах". Он с восторгом отзывался об английских мыслителях, а самую лестную характеристику выдал Локку. Англия представилась ему воплощением свободы, которая по заключению французского философа являлась основой динамичного развития всего общества, включая промышленность и торговлю. Что касается английского политического правления, то оно, согласно Вольтеру, удачно сочетало монархию, аристократию и демократию, обеспечивая удовлетворение разнообразных социальных интересов и их баланс.

В 1730-1731 гг. Англию посетил другой знаменитый французский просветитель, Ш.Монтескье, который также пришел в восторг от ее общественного и политического устройства. Именно английский политический опыт брался им за образец при конструировании идеальной государственной модели в "Духе законов", увидевшем свет в 1748 г. Как и Вольтер, Монтескье восхищался системой "смешанного правления", разделением законодательной и исполнительной власти. Что касается недостатков общественно-политического устройства Великобритании, то французские вольнолюбцы замечали их даже меньше, нежели английские виги.

В первые две трети XVIII века вигская идеология практически утвердила монополию в британском либерализме. Но все же ее господство не было безраздельным. То один, то другой выразитель либерализма выступал с критикой вигской ортодоксии. Самым ярким и крупным среди них оказался Адам Смит, вставший на один уровень

с Локком. Наибольший вклад Смит внес в формулирование принципов экономического либерализма.

Смит родился в 1723 г. в Шотландии, которая за полтора десятилетия до того заключила государственную унию с Англией. Свою научную деятельность он начал с философии, но наибольших успехов добился на поприще политической экономии. В конце 1750-х годов в своих философских трудах Смит оспорил один из главных постулатов Пресвящения, заключавшийся в том, что человеческим и общественным развитием управляет разум и что именно по его законам должны строиться отношения между людьми. Сам Смит делал упор на чувственную природу человека, его страсти, желания и интересы, которые должны были высвобождаться и удовлетворяться для того, чтобы придать развитию общества наибольшую энергию. Идея обеспечения "естественной свободы" индивидуумов, как наилучшего условия общественного прогресса, легла в основу и экономических трудов Смита, главный из которых, "Богатство народов", увидел свет в 1776 году.

Политико-экономическая конструкция, выстроенная Смитом, обозначалась им самим, как "система естественной свободы". (Он никогда не использовал в отношении нее определений "капитализм" или "*laissez faire*")⁹. Согласно ей, государство и общество должны были обеспечить максимальную свободу экономики как внутри страны, так и ее взаимосвязей с миром. Теория и программа, предложенные Смитом, серьезно разошлись с тем, что исповедовала официальная экономическая доктрина.

В экономической мысли Великобритании, как и в вигской идеологии, в тот период господствовала доктрина меркантилизма. Она доказывала, что правительство должно обеспечить тепличные условия национальной промышленности и торговле при помощи протекционистских тарифов, торговых привилегий, иных льгот. Согласно теории меркантилизма, государство должно было ограничивать и даже запрещать вывоз из страны сырья, чтобы максимально использовать его для загрузки отечественной промышленности. В то же время оно должно было сдерживать ввоз в страну готовой продукции из других стран. Во времена Смита британское правительство обложило высокими ввозными пошлинами около 1200 иностранных товаров, так что ввоз большинства из них в страну был практически закрыт. Одновременно правительство предоставляло всевозможные льготы отечественным производителям.

Смит отверг доктрину и практику меркантилизма, как абсолютно нелепую, порождающую коррупцию в рядах государственных чиновников и оказывающую самое пагубное влияние на развитие промышленности. Вместо этого он требовал полностью довериться "невидимой руке" рынка и конкуренции, которая наилучшим образом отберет наиболее жизнеспособные и полезные нации отрасли и продукцию, отсеет малоэффективные и ненужные, определит стоимость товаров и труда. Смит объявил абсурдом стремление производить именно в Великобритании все, что ей было необходимо. Вместо этого он исповедывал принцип открытой национальной и мировой экономики, согласно которому Великобритания должна была сосредоточиться на производстве продукции, приносящей наибольшую выгоду на внутреннем и мировом рынке, и отказаться от производства

товаров, которые было целесообразнее ввозить из других стран. Экономический либерализм внутри страны должен был быть дополнен фритредерством во взаимоотношениях с другими странами.

Среди исследователей, в особенности леворадикальной ориентации, распространился взгляд на Смита как идеолога промышленного переворота, укоренившегося в Великобритании второй половины XVIII века, выразителя классовых интересов торгово-промышленной буржуазии. В действительности Смит был меньше всего выразителем некоего чистого классового подхода, теоретически и методологически выступая как аналитик, исследующий способы умножения "богатства народа", а не благополучия какого-то одного класса. К такому выводу приводит и анализ отношения Адама Смита к реальным классам, существовавшим в тот период в Великобритании.

В поле зрения Смита оказались основные классы Великобритании: предприниматели, крупные землевладельцы, независимые крестьяне и рабочие. Наименьшую симпатию вызывали у него верхние классы британского общества. Ни в коем случае не отрицая пользы предпринимателей, Смит в то же время считал их главным свойством эгоизм, стремление взвинтить цены до максимума и снизить заработную плату рабочих до минимума. Типичному предпринимателю было свойственно стремление к монополизму, вступление в сделки, которые подрывали позиции конкурентов и ущемляли интересы потребителей. Общество, предупреждал Смит, должно с большой настороженностью относиться к законопроектам, исходящим от предпринимателей, поскольку "их интерес никогда в точности не совпадает с общественным" и поскольку они "в целом склонны обманывать и угнетать общество"¹⁰.

Еще большую критику со стороны Смита вызывал класс аристократов-землевладельцев, присваивавший львиную долю богатства нации без вложения какого либо труда. Им противопоставлялись мелкие независимые землевладельцы, которые надеялись Смитом всевозможными добродетелями, в первую очередь трудолюбием и честностью. Более равное распределение земли и увеличение численности независимых землевладельцев являлось, по Смиту, одним из главных условий увеличения "богатства народов".

Значительное место в "Богатстве народов" удалено рабочему классу. Отношение к нему Смита исполнено уважения и признания особой, даже решающей роли труда в создании национального богатства. Смит не только восстанавливал локковскую теорию труда, как первоисточника собственности, но и объявлял "трудовой ресурс любой нации" "фондом, из которого черпаются все ее потребности и запросы"¹¹. Мастерство и трудолюбие рабочих — это основа основ национального процветания, поэтому капитал и государство должны проявлять о них особую заботу. Неразумно со стороны капитала ограничивать под всевозможными ложными предлогами рост заработной платы, а со стороны государства — подавлять стремление рабочих организовываться с целью защиты своих прав. Общество, не уставал повторять Смит, не будет счастливо, если большинство его граждан будет пребывать в бедности.

Защищая "естественную свободу" экономических взаимосвязей, Смит вместе с тем не был противником любого государственного вмешательства в общественные процессы. В ряде случаев он призна-

вал государственное участие в делах общества полезным. В функции государства, например, он включал строительство дорог и каналов. Особой же заботой государства, согласно Смиту, должно было стать создание и развитие системы образования. Прочные знания населения, всех его классов, в том числе рабочих и земледельцев, неизменно относились им к главным источникам "богатства народов".

Управление образцовым государством, согласно Смиту, не могло быть доверено ни одному отдельно взятому классу: государство в таком случае стало бы опасным орудием в руках или бедных, или богатых. Идеально было бы вручить государственную власть "естественной аристократии": она должна была включать в себя разнообразные таланты нации, которые могли быть легко отобраны в случае утверждения системы "естественнной свободы". Эта мечта венчала рассуждения Адама Смита, который был отнюдь не чистым экономистом, а создателем либеральной идеологии, включавшей в себя концепции оптимального экономического развития, взаимоотношений классов, государственной социально-экономической политики.

Не будет преувеличением сказать, что Смит преодолел узко классовый подход вигского либерализма и создал либеральную модель, которая выражала общенациональные интересы. Такая либеральная модель была в Великобритании исключительным явлением на протяжении большей части XVIII века. Массированные, а не единичные атаки против вигской ортодоксии были предприняты в стране только в последней трети столетия.

Новый этап в развитии либерализма, начавшийся в 1760-1770-е годы и продолжавшийся в 1780-1790-е годы, был в значительной мере обусловлен революционными потрясениями в Северной Америке и Европе. Сначала Американская, а затем Великая Французская революции оказали непосредственное воздействие на изменение расстановки идеино-политических сил в Великобритании: с одной стороны, в вигской идеологии усилилось охранительное направление, во главе которого выступал Э.Берк, с другой стороны, возникло радикальное направление либерализма, выдвинувшее широкую программу политических и социально-экономических реформ.

Эволюция вигской идеологии в последней трети XVIII века имела неоднозначный характер, в ней существовали разные тенденции, но главенствующим все же явилось направление, которое с известной долей условности можно определить как консервативно-либеральное. Его самого яркого представителя, одного из наиболее оригинальных политических мыслителей Великобритании Эдмунда Берка многие исследователи не без оснований зачисляют в классики консерватизма. И действительно, консерватизм Великобритании, да и в целом стран Запада, как в XIX, так и в XX веках в существенной мере основывался на идеологических установках Берка. Но было бы ошибкой на этом основании вычеркивать Берка из либеральной традиции. Интерпретации Берка не означали тотального отрицания принципов либерализма, а представляли скорее их искусственную селекцию и препарирование отобранных принципов в консервативном духе.

Как политик и идеолог, Берк прошел весьма сложную эволюцию. В 1760 — 1770-е годы он оказался среди тех вигских политиков, которые возглавляли оппозицию строптивому монарху Георгу III, воз-

намерившемуся возвысить королевскую власть над парламентом. Берк выдвинул оригинальную и весьма смелую концепцию партийно-политического плорализма: одним из первых в Великобритании он доказывал, что соперничество партий не только не вредит, но даже помогает успешному проведению в жизнь национальных интересов. При этом, согласно Берку, сами британские партии должны были быть реформированы: из узких фракций, озабоченных исключительно защитой собственных интересов, борьбой за власть и прибыльные государственные должности, они должны были превратиться в политические партии с полноправной идеологией, центральное место в которой занимало обоснование национальных интересов и общественного блага. В тот же период Берк и его вигские единомышленники выступали в пользу реформы Британской империи и решительно осуждали попытки монархии и тори подавить при помощи репрессий патриотическое движение в североамериканских колониях.

Вместе с тем и в тот, как и особенно в последующий период, Берк защищал основополагающие принципы вигской ортодоксии: основой общественно-политического устройства и эволюции Великобритании объявлялся не утопический "общественный договор", а конституционная традиция, из нее же, а не из естественно правовой традиции выводились свободы и права англичан. Либеральный "акцент" в вигском мышлении Берка в 1760 — 1770-е годы объяснялся тем, что реальную угрозу для британских основ тогда представляла собой не североамериканская Война за независимость, а реакционная политика Георга III и тори. Ситуация резко изменилась с началом Великой французской революции: последняя реально угрожала перекинуться на другие европейские страны, и ее радикальные естественно правовые лозунги выступили в глазах Берка и его единомышленников как воплощение абсолютного зла. Уже в 1790 году Берк опубликовал пространный антиреволюционный манифест "Размышления о революции во Франции". Он и стал платформой всего последующего вигского консерватизма¹².

Берк и его единомышленники осудили все главные принципы, начертанные на знамени Великой французской революции. Консервативной ревизии было подвергнуто и вигское либеральное наследие, в первую очередь заветы Локка. Главный огонь критики сосредоточился на концепции естественного состояния и естественных и неотъемлемых прав людей. Берк категорически отверг утверждение о том, что люди когда либо существовали в чистом "естественном состоянии", доказывая, что в индивидууме изначально были соединены "естественный" и "гражданский" человек и что гражданское общество стало формироваться вместе с сотворением мира. Не было никогда и "естественного равенства": неравные способности людей привели к тому, что они разделились в отношении к собственности, а следовательно в собственнических и иных правах. Собственность и право на нее стали первыми фундаментами человеческого общества, на этой основе неизбежно произросло неравенство между людьми. Это было "органическое строение" общества, неподвластное никаким естественно-правовым химерам и революциям.

Столь же категорично Берк отверг теории общественного договора и народного суверенитета. Последователям Локка указыва-

лось, что им не удалось отыскать еще ни одной копии "общественного договора". Столь же утопичной и еще более опасной была идея народного суверенитета, который, как замечал Берк, в случае его практической реализации приведет к краху собственности, законности и морали. Тому было простое объяснение: бедное большинство народа использует свое волеизъявление для перераспределения собственности и сокрушения гражданского общества. Демократию Берк объявляли равнозначной тирании большинства и противопоставляли ей в качестве образца исторически сложившееся "смешанное правление". Подобно А.Смиту, Берк полагал, что наибольшую пользу государственному управлению окажет "естественная аристократия" и уже в отличие от Смита склонялся к тому, что основным пропуском в ее ряды является богатство.

Идеи Берка носили антиреволюционный и антидемократический характер. Но при всем при том они не были антилиберальны: Берк и его последователи объявляли главными ценностями владение и свободное распоряжение собственностью, верховенство права, приоритет гражданского общества. Берк и беркианцы жестко отделили от либерализма демократию, освободили его от эгалитаризма, подчинили интересам элиты. Среди либеральных ценностей приемлемыми для них оказывались те, которые, по их убеждению, были отображены временем, приобрели "органический" характер. "Органический либерализм" — еще одно определение, которое можно было бы дать беркианству — подвел итог эволюции вигизма в XVIII веке.

С 1760 — 1770-х гг. идеологии и политике вигов стало противостоять течение, которое получило название радикализма. Его возникновение означало возрождение той тенденции в британском либерализме, начало которой положили левеллеры и Д.Лильберн в середине XVII века. Радикалы последней трети XVIII века вновь пытались соединить либерализм с демократией и эгалитаризмом.

Возникновение радикализма связано в первую очередь с фигурой Джона Уилкса. В апреле 1763 г. Уилкс, тогда входивший в парламентскую группировку вигов, выступил в печати с резкой критикой узурпаторских действий Георга III. После этого он был арестован, но тут же освобожден в силу депутатской неприкосновенности. Далее последовало нечто неслыханное: парламент исключил Уилкса из своих рядов и тот вынужден был бежать во Францию. В 1768 г. с началом новой избирательной кампании в Англии Уилкс возвращается на родину, включается в политическую борьбу и уверенно проходит в депутаты парламента. Но парламент объявляет его избрание незаконным, и Уилкса заточают в тюрьму. В поддержку Уилкса выступает уже весьма широкое политическое движение, во главе которого становится "Общество защиты Билля о правах". В 1774 г. общество и поддерживавшие его силы смогли провести в парламент более десяти своих сторонников во главе с Уилком. Уилкс к тому же был избран лорд-мэром Лондона. Десятилетняя героическая борьба Уилкса с истеблишментом завершилась его триумфом.

Политическая борьба Уилкса сопровождалась выдвижением ряда радикальных по тем временам требований: перераспределение избирательных округов и ликвидация "гнилых местечек" (малочисленные, как правило, сельские избирательные округа, легко покупавшиеся богатыми кандидатами — авт.), введение тайных выборов,

расширение избирательного права. Постепенно к ним были добавлены требования ежегодных перевыборов парламента и всеобщего избирательного права для мужчин, воспроизведенные лозунги левеллеров. Еще двумя популярными требованиями радикалов стали отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты и оплата деятельности членов палаты общин.

Политические требования радикалов 1760-х — 1770-х гг. составили программу демократического движения Великобритании на целое столетие. Вместе с тем в отличие от левеллеров середины XVII века они не выдвигали требования ликвидации монархии и палаты лордов. Эти требования прозвучали уже из уст второго поколения радикалов последней трети XVIII века, выдвинувшихся на ведущую позицию в 1780-е и особенно в 1790-е годы, когда содержание политических дебатов в Великобритании непосредственно определялось перипетиями Великой Французской революции. Радикалы второго поколения включили в свою программу ряд эгалитарных экономических требований. У них появились и новые кумиры. Главным среди них был Томас Пейн. Уроженец Великобритании, он в 1780-е — 1790-е годы неизменно оказывался в революционных эпицентрах, сначала в США, потом во Франции. Политическую активность Пейн сочетал с публицистической и теоретической деятельностью, в результате которой из под его пера появились многочисленные памфлеты и трактаты. Из них в Великобритании наибольшей популярностью пользовались два — “Прав человека” и “Аграрная справедливость”.

При всех достаточно серьезных различиях радикалов двух поколений между ними существовала и преемственность, теоретическое и идеологическое родство. Теоретическая позиция радикалов представляла прямой вызов доктриналиям вигов, Берка и беркианцев. Одновременно в идеологическом плане именно британские радикалы оказались наиболее близки к классическим образцам Просвещения.

Центральной в теоретическом арсенале радикалов стала концепция “естественного состояния” и естественных прав людей. В отличие от Локка, для которого “естественное состояние” было все же идейно-теоретической абстракцией, радикалы исходили из того, что оно реально существовало и в историческом плане предшествовало гражданскому обществу. И именно естественное, то есть первозданное состояние человечества, являлось, по их убеждению, образцом при формулировании принципов справедливого общественного строя. Далее радикалы провозглашали как абсолютную максиму, что все люди были наделены равными естественными правами, и доказывали, что принципиальных, качественных различий в умственных способностях, талантах и нравственности людей в естественном состоянии не существовало. В связи с этим отрицалась возможность как “искусственной”, так и “естественной аристократии”, справедливым объявлялось только то общество, которое признавало равные гражданские права всех людей.

Радикалы не случайно называли основополагающие “естественные права” неотъемлемыми, доказывая, что после возникновения государства люди не утрачивают ни одного из них, и государство в первую очередь и создается для их сохранения и защиты. Среди естественных и неотъемлемых прав человека радикалы последней трети

XVIII века, наряду с правами на жизнь, которую они, как и Локк, включали в собственность человека, и свободу особо выделяли права на участие в политическом управлении и свободу вероисповедания.

Законным, по убеждению радикалов, могло быть только политическое управление, созданное на основе общественного договора. Рассматривая общественный договор как идеальный и в то же время единственно легальный способ образования государственной власти, радикалы последней трети XVIII века возрождали и идею о праве народа на сопротивление власти в случае нарушения соглашения об основах управления. Т.Пейн проповедовал ту идею, что общественный договор вообще должен перезаключаться каждым новым поколением людей, поскольку, как утверждал он, “ни одно поколение не имеет права собственности на другое”, а государственное управление должно приводиться в соответствие с меняющимися интересами общества¹³.

Радикалы двух поколений расходились в вопросе об идеальной форме государственного управления. Если Уилкс и его единомышленники склонялись в пользу сохранения в Великобритании парламентской монархии, то радикалы конца XVIII века возродили левеллеровскую идею об установлении республиканского строя. Наиболее последовательными защитниками республики выступали Т.Пейн и У.Коббет¹⁴.

Политический демократизм был дополнен радикалами конца XVIII века идеей эгалитаризма. Оставаясь в целом последователями основополагающего либерального принципа о приоритете естественных и неотъемлемых прав человека, в которые включалось и право каждого индивидуума на свободное распоряжение собственностью, радикалы в то же время считали нетерпимым чрезмерное имущественное неравенство и выдвигали проекты борьбы с бедностью. Т.Пейн, придерживаясь той точки зрения, что в естественном состоянии все люди располагали равным правом на землю, требовал денежной компенсации для индивидуумов, которые в ходе общественного развития лишились этого права. Проект, выдвинутый им в трактате “Аграрная справедливость”, предполагал создание национального денежного фонда за счет налогообложения латифундистов, — из него каждому безземельному англичанину старше 21 года выплачивалась сумма в 15 ф.ст., а всем жителям страны, достигшим 50 лет, выдавалась ежегодная рента в 10 ф.ст.¹⁵.

Д.Освальд выступал в пользу раздела между бедными пустующих и общинных земель. Наиболее радикально рассуждал Т.Спенс, выступавший в пользу перераспределения земельной собственности на основе “естественной справедливости”¹⁶. Эгалитаризм Спенса, фактически перераставший в антилиберализм, был для радикалов все же не типичен.

Идейно-политические схватки последней четверти XVIII века завершились в пользу консервативных сил. В первой четверти следующего века в Великобритании утверждается даже некое подобие собственного режима реставрации: у руля власти становится правительство тори, принимающее ряд жестких репрессивных мер. В 1799 г. был принят закон о запрещении рабочих союзов. В 1812 г. одобрен закон о преследовании луддитов (рабочих-разрушителей машин), за

которым последовал ряд смертных приговоров. В 1817 г. было приостановлено действие Habeas Corpus Act'a. В 1819 г. в "сражении при Питерлоо" (поле св. Петра близ Манчестера) власти разгромили безоружных демонстрантов, при этом 11 человек были убиты и 400 ранены.

Изменились экономические акценты деятельности правительства: оно все более открыто проводило линию лендлордов, защищая их интересы при помощи разнообразных мер, главной среди которых стал "хлебный закон" 1815 года, фактически закрывавший доступ иностранного хлеба в Великобританию и обеспечивавший земельной аристократии монопольные сверхприбыли.

Политика правительства обострила его отношения не только с трудовыми массами, но и с буржуазией. В положении буржуазии в тот период происходят принципиальные качественные изменения. Под воздействием и в ходе промышленного переворота в ней все более возрастает удельный вес предпринимателей, удельный же вес финансово-торговых кругов, находившихся после 1688 года в политическом альянсе с земельной аристократией, снижается. Экономический вес промышленной буржуазии, реально изменившийся, если воспользоваться выражением Гаррингтона, "баланс собственности" в Великобритании, не подкреплялся, однако, перераспределением политической власти. Сельские избирательные округа продолжали явно преобладать над городскими, неизменно формируя подавляющее большинство парламента. Предприниматели были не в состоянии противостоять парламентским актам, ущемлявшим их интересы (высокие цены на продовольствие, утвердившиеся вследствие хлебных законов, вынуждали их увеличивать заработную плату рабочих).

Земельная аристократия в первой половине XIX века объективно оказалась для промышленной буржуазии противником №1. В борьбе с ней предпринимательский класс мог опереться и опирался в первую очередь на либеральную идеально-политическую традицию. Но понимание и истолкование им и его представителями принципов либерализма означало серьезное обновление последнего. Для промышленной буржуазии оказались неприемлемы обе главные трактовки либерализма последней четверти XVII века.

Вигско-беркианская концепция аристократического, или "органического", либерализма не могла удовлетворить предпринимательский класс, поскольку освящала статус кво, в то время как он был заинтересован в серьезных политических переменах. Но его не устраивала и радикально-либеральная интерпретация, в первую очередь в силу присущего ей эгалитаризма. И хотя выразителей буржуазного либерализма первой половины XIX века от Д.Рикардо до Д.С.Милля в литературе зачастую именуют радикалами, они существенно отличались от радикалов конца XIX века и вряд ли заслуживают такого поименования.

Главное отличие либералов первой половины XIX века от радикалов конца XVIII заключалось в том, что большинство среди них были принципиальными и твердыми противниками эгалитарных реформ в пользу трудящихся классов. Положение рабочего класса Великобритании первой половины XIX века является одной из хорошо изученных в историографии тем. И хотя среди историков и сегодня нет единства в его оценке — "пессимисты" полагают, что оно стало

катастрофическим, а “оптимисты” доказывают, что промышленный переворот создавал не только предпосылки, но и реальные возможности улучшения материальных условий рабочих — большинство среди них все же сходится в том, что эксплуатация трудящихся была в тот период одной из наивысших в британской истории. И не случайно именно британский исторический материал первой половины XIX века дал основание К.Марксу и Ф.Энгельсу для самых неутешительных для капитализма прогнозов. Отношение британских предпринимателей и их идеологов к рабочему классу отнюдь не находилось в противоречии с этими прогнозами.

В исследовательской литературе распространено представление, что в первой половине XIX века британский либерализм окончательно порывает с абстрактно рационалистической методологией просветителей и в теоретическом плане полностью вверяет себя эмпиризму и прагматизму. Представление это, однако, уязвимо по той причине, что именно в тот период идеологи, имена которых связывают в Великобритании с либерализмом, выдвинули наибольшее количество так называемых “железных” общественных законов. Самые известные среди таких законов принадлежат Т.Мальтусу и Д.Рикардо.

Отнесение к либеральным идеологам Мальтуса может быть, конечно, подвергнуто сомнению, но дело в том, что большинство британских исследователей “вписывают” его в либеральную традицию, а, кроме того, многие стопроцентные либералы Великобритании, среди них Д.Рикардо и Д.С.Миль, считали его своим учителем. В идеологическом плане связь Мальтуса с либерализмом выражалась в признании и твердой защите главного постулата британского предпринимательского класса той эпохи — никакого государственного вмешательства во взаимоотношения труда и капитала и никакой правительственной помощи труженикам! Мальтус дал и обоснование этого постулата в своем известном трактате о народонаселении.

Мальтус сформулировал “железный” закон народонаселения: если последнее не ограничивать, то народонаселение возрастает в геометрической прогрессии, в то время как производство продуктов питания увеличивается только в арифметической прогрессии. Ответственность за катастрофическую ситуацию Мальтус возлагал на трудящиеся массы, которые воспроизводят потомство, ни в коей мере не сообразуясь со своими материальными возможностями. Жесткой критике подвергались им любые планы государственной помощи бедным семьям: это, доказывал Мальтус, только поощрит бедных к дальнейшему увеличению своего потомства и в результате нищета еще более углубится. Бедные, которые вступают в брак, создают и расширяют потомство, не имея достаточных материальных средств, должны, настаивал он, наказываться за неспособность сдерживать себя и жить в соответствии со своими реальными возможностями. И если английские трудящиеся не научатся этому, заключал Мальтус, то никакой рост национального богатства не поможет им вырваться из состояния бедности.

Мальтусовская теория народонаселения оказала сильнейшее воздействие на Д.Рикардо, самого известного британского экономиста первой четверти XIX века. В его главном труде “Принципы политической экономии и налогообложения”

выдержанном при жизни Рикардо три издания (он скончался в 1823 году в возрасте 51 года), выводился "железный" закон заработной платы рабочих. Согласно Рикардо, существовал жесткий потолок для роста заработной платы: в случае его превышения неизбежно следует быстрый рост потомства рабочих (этот вывод сделан явно под влиянием мальтусовской теории), в результате чего предложение рабочей силы на рынке труда резко увеличивается и зарплатаозвращается к своему "естественному" уровню или даже падает ниже его. На этой основе делался вывод о тщетности борьбы рабочих за увеличение заработной платы или попыток государства какимлибо образом регулировать ее. Единственным рычагом определения заработной платы мог быть рынок¹⁷.

Но могли ли рабочие надеяться на улучшение своего положения? Рикардо отвечал на этот вопрос утвердительно и даже предлагал несколько способов повышения материального уровня рабочих и ликвидации бедности. Но ни один из них не предполагал увеличения фонда заработной платы и какоголибо ущемления интересов предпринимательского класса. К первым из этих способов Рикардо относил контроль самих рабочих семей за рождаемостью. Другой способ видел в совершенствовании производительных сил и улучшении условий труда. Но самым реальным и эффективным средством улучшения жизни рабочих Рикардо считал снижение цен на продовольствие, что, как доказывал экономист, делало актуальным совместную борьбу трудящихся и предпринимателей за отмену хлебных законов.

Социальному анализу Рикардо был присущ подход, который в полной мере можно назвать классовым. В случае с британским экономистом он отвечал интересам предпринимателей, а своим острием был направлен против лендлордов. Подход этот можно было бы одновременно характеризовать и как антипролетарский, но с той существенной оговоркой, что Рикардо, отвергая притязания рабочего класса на часть прибылей предпринимателей, вместе с тем не считал пролетариат антагонистом промышленников, но полагал, что у них есть как объединяющий интерес, так и общий враг — земельная аристократия. Такой подход стал не только типичным, но даже доминирующим в британском либерализме первой половины XIX века. Отвергая требования рабочих поделиться с ними хотя бы частью прибылей, предприниматели и либералы активно мобилизовали их на свою поддержку в политических и экономических схватках с земельной аристократией. И немало в этом преуспели.

Первая серьезная победа окрепшей промышленной буржуазии над земельной аристократией была достигнута в 1832 году. Ее сторонники сумели с третьей попытки провести закон о парламентской реформе. Закон этот стал одним из самых знаменитых в истории, и многие справедливо ставят его по значению в один ряд с Великой хартией вольностей и Славной революцией 1688 года. Действительно, закон мирным способом привел политическую систему Великобритании в соответствие с "балансом собственности", сложившимся в ходе промышленной революции. Согласно закону, ликвидировалось большинство "гнилых" избирательных округов. Из 143 высвободившихся депутатских мест половину получили города, выросшие в эпоху промышленной революции, но не имевшие политического представительства в высшем органе законодательной власти. Про-

мощленная буржуазия наконец-то получила солидный государственный куш. Но цензы для избирателей не были снижены, так что рабочий класс, активно поддерживавший предпринимателей в борьбе за реформу, был ограничен ролью “таскающего каштаны из огня” на стол новому экономическому и политическому хозяину.

После достижения политической победы предпринимательский класс с еще большей активностью развернул борьбу против экономических привилегий земельной аристократии. Главным объектом его критики стали хлебные законы. Кампания за их отмену активно велась на протяжении 1820 — 1830-х гг., а в 1839 г. политически активные предприниматели объединились в Лиге борьбы против хлебных законов. Ее лидерами стали манчестерские предприниматели во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Лига, не ограничиваясь политическими акциями, пестовала и своеобразную идеологию, которая получила название манчестерского либерализма.

В идеологическом плане манчестерский либерализм во многом перекликался с идеями Давида Рикардо, которого не случайно зачислили не только в предшественники, но и в отцы-основатели новой школы либеральной идеологии. Манчестерство было отмечено ярко выраженным классовым эгоцентризмом: объектом его всепоглощающих забот стал предпринимательский класс. И хотя манчестерцы активно зазывали в свои союзники рабочий класс, они решительно противились любым мерам, отвечавшим собственным интересам пролетариата. Р. Кобден, ставший в 1840-ые годы главным глашатаем манчестерского либерализма, неизменно осуждал предложения о сокращении продолжительности рабочего дня пролетариата, как и любые законопроекты, стихийно регламентирующие рыночные условия найма рабочих предпринимателями. Манчестерцы отказали рабочим в праве объединяться в профсоюзы, объявляя последние образцом монополии и тирании. Свободные рабочие, как и свободные предприниматели, доказывали они, должны следовать букве экономического либерализма: их отношения могут основываться исключительно на индивидуальных контрактах¹⁸. Манчестерцы любили называть себя наследниками Адама Смита, но совершенно очевидно, что их отношение к рабочему классу, как и понимание национальных социальных интересов, отличались от смитовских.

Центральным пунктом манчестерской идеологии экономического либерализма стало фритредерство. Именно фритредерство, означающее свободу торговли с другими странами и, конечно же, отмену ввозных пошлин на зарубежные товары, объявились основой национального процветания. Р. Кобден в своих многочисленных выступлениях 1840-х годов настаивал на внеклассовом характере фритредерства, создающем условия материального благополучия и для предпринимателей, и для рабочих, и для земледельцев, в целом для подавляющего большинства нации. Единственно, кто проигрывал от фритредерства, так это узкий слой лендлордов, откровенно паразитирующих на хлебных пошлинах¹⁹. Риторика Кобдена и манчестерцев ни разу не приоткрывала центрального экономического мотива фритредерства: английская промышленность, ставшая самой конкурентоспособной в мире, извлекала колоссальные непосредственные барыши от режима свободной торговли между странами.

Манчестерцы и предпринимательский класс Великобритании добились отмены хлебных законов в 1846 году. После одобрения парламентской реформы 1832 года это была вторая крупная политическая победа британских промышленников. Горжество фритредерства создавало условия для дальнейшего быстрого подъема промышленности Великобритании. Политическая активность и маневры предпринимательского класса привели к серьезному ослаблению его главного соперника — земельной аристократии. В те же 1840-ые годы фритредерам удалось расколоть партию тори, и ее значительная часть (Р. Пиль и его сторонники) сомкнулась с вигами и манчестерцами в поддержке британской промышленности. Новый политический альянс означал рождение Либеральной партии, выражавшей интересы всего буржуазного класса. Поистине середина XIX века ознаменовалась триумфом буржуазной либерализма.

В исследовательской литературе именно либерализм первой половины XIX века чаще всего называют классическим. Главным основанием для этого является возвеличивание им индивидуализма, провозглашение индивидуальной независимости и успеха главным мерилом раскрепощения общества и его прогресса. Большинство исследователей вместе с тем сходятся и в том, что либерализм первой половины XIX века, признавая значение политической и духовной свободы индивидуума, все же особенно подчеркивал значение экономической свободы, считал приоритетной прежде всего ее. Такой подход в наибольшей степени соответствовал интересам буржуазии, приобретавшей "свободу рук" в процессе накопления капитала и взаимоотношениях с рабочим классом. Но он же все больше и все чаще натыкался на непонимание и отторжение со стороны рабочего класса, который во второй четверти XIX века встал на путь самостоятельных политических действий и защиты собственных интересов. Созданное рабочим классом чартистское движение отчетливо обозначило линию раскола между трудом и капиталом: цели чартизма, включившего в свою программу политические и социальные реформы в интересах трудящихся классов, и фритредерства, решительно эти реформы отрицающего, разошлись.

Социальная база классического либерализма со временем обнаруживала тенденцию не к расширению, а к сужению. Узко классовый характер либерализма создавал почву и для политических маневров британской аристократии, у которой как выяснилось все в те же 1840-ые годы, в случае определенного изменения и обновления ее идеологии, возникал шанс привлечь на свою сторону хотя бы часть рабочих. Так оформился социальный торизм, или, как определял его Маркс, "реакционный", "феодальный социализм", обещавший от имени аристократических элит государственную защиту насущных интересов рабочего класса. В случае успеха социального торизма политические завоевания либерализма становились бы весьма зыбкими, а угроза аристократической реставрации становилась бы реальной. Соперничество с социальным торизмом стало важным стимулом для "перестройки" либерализма уже в третьей четверти XIX века. Теоретический же материал для такой перестройки нарабатывался некоторыми либеральными умами еще в первой половине XIX века.

Либералов, расходившихся во взглядах с манчестерцами уже в первой половине XIX века, мыслявших более широко, в исследовательской литературе часто называют "переходными фигурами", имея в виду, что они, будучи связанными с классическим либерализмом, в то же время оказывались предтечами нового, социального либерализма. Главными среди них были И. Бентам и Д.С. Милль.

И. Бентам (1748 — 1832 гг.) написал огромное количество трудов, до сих пор порождающих разноречивые оценки исследователей. Центральным является спор по вопросу о том, был ли Бентам представителем классического либерализма или же сторонником государственного социального законодательства²⁰. Представляется, что ответить на этот вопрос однозначно в случае с Бентамом, как впрочем, и в случае с Миллем, невозможно. Их взгляды весьма амбивалентны, из них можно выделить взаимоисключающие ответы по поводу идеологической принадлежности Бентама и Милля. Скорее всего, возможно только компромиссное решение этого вопроса: оба мыслителя одной ногой стоят на почве классического либерализма, а другой ногой уже ступили на почву либерализма социального. По поводу того же, к какому либерализму они больше привязаны, можно спорить до бесконечности.

Бентам известен как создатель теории утилитаризма, включающей в себя психологическое рассмотрение и обоснование индивидуализма. По Бентаму движущей пружиной человеческих взаимоотношений и общества являются заключенные в каждом индивидууме ощущения удовольствия и боли. Бентам насчитывал четырнадцать основных ощущений, приносящих индивидууму удовлетворение и удовольствие, и двенадцать основных ощущений, доставляющих ему боль. Стремление к получению положительных ощущений и снятие ощущений отрицательных, согласно его учению, составляет неизменную основу поведения человека. Теоретически наибольший эффект для человека и общества достигается, если каждый индивидуум существует и действует автономно, самостоятельно определяя свой интерес и возможности. В этом случае между интересами и устремлениями индивидуумов устанавливается естественная гармония, они действуют к своей собственной и общей пользе.

Но это по Бентаму все же оптимальная и идеальная модель. Индивидуальные интересы в реальной жизни приходят в столкновение друг с другом, поэтому для государства возникает потребность нахождения баланса между индивидуальной и общей пользой, их примирения, руководствуясь формулой нахождения "наибольшего счастья для наибольшего количества людей". Поиску этой формулы способствуют не только и не столько абстрактные рассуждения, сколько эмпирические разработки конкретных законодательных решений.

Бентам стоит на платформе классического либерализма, когда требует обеспечить каждому индивидууму максимальную свободу и суверенитет. В соответствии с этим подходом он настаивал на приоритете и неотчуждаемости прав человека на свободу слова, совести, выбора профессии, смену места жительства, в том числе передвижения в любую другую страну. Исходя из этой позиции, Бентам считал государство и государственное регулирование злом, противостоящим индивидуальной свободе. Парадокс же Бентама заключался в

положении, что это зло необходимо как противоядие от большего зла — агрессии и эгоизма тех индивидуумов, которые извлекают пользу для себя, отказывая в таком же праве всем другим. Рассматривая государственное законодательство не более, как "необходимое зло", Бентам полагал, что оно должно быть дополнением к режиму индивидуальной свободы, но не выступать в качестве самоценности. Каждый законопроект должен быть поэтому всесторонне просчитан и взвешен с тем, чтобы не наносить вреда индивидуализму и индивидуальным свободам, как общественной первооснове.

В последние годы жизни Бентам наряду с созданием теоретических трудов, таких как "Катехизис парламентской реформы" и "Церковь Англии", уделил особое внимание разработке законодательных сводов, среди которых главным стало "Конституционное уложение". У него появился целый сонм учеников и последователей, среди них не только идеологи либерализма, такие как Т. Маколей и Д.С. Милль, но также и политики, связанные с рабочими организациями, в частности с чартизмом. Влияние Бентами и его проектов нашло выражение во многих социальных законах, принятых в Великобритании в XIX веке²¹.

Джон Стюарт Милль (1806 — 1873), подобно Бентаму, считал индивидуальные права и свободы самоценными, являющимися единственно возможной основой общественного благополучия и прогресса. Его концепция индивидуализма не была равнозначна анархизму, и Милль подчеркивал, что никакое общество невозможно без порядка, для поддержания которого и создается государство. Но порядок в отличие от индивидуализма, являясь условием прогрессивного развития, не творит его. Отсюда афористичное высказывание Милля: "Прогресс содержит в себе Порядок, но Порядок не содержит в себе Прогресса"²². Подобно всем представителям классического либерализма, Милль полагал, что общество достигнет наивысших результатов, если предоставит каждому индивидууму возможность самому планировать свои действия и извлекать из них наибольшую пользу. Также в русле классического либерализма Милль считал первейшим право на собственность и был противником какого либо ограничения права распоряжения ею и права наследования. Он полагал также самоценными и не терпящими никакой регламентации права на свободу слова, совести, собраний, а его трактат "О свободе", написанный в конце 1850-х гг., признан классическим изложением либерализма по этой проблеме.

Отход Милля от классического либерализма обнаруживается в его отношении к демократии и социальным проблемам. Во всех своих трудах, а наиболее последовательно и убедительно в трактате "О представительной демократии" (1861 г.), Милль выступал в пользу допуска к государственному управлению, а следовательно наделения избирательным правом всего населения, независимо от имущественного положения и пола. По меркам британского либерализма то было действительно радикальное суждение, и Миллю пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы доказать: политическая демократия не противоречит либерализму, а вытекает из него, если следовать его духу и букве.

Вместе с тем Милль вполне разделял опасения либералов его эпохи, что всеобщее избирательное право приведет к оформлению в ка-

честве политического большинства пролетариата и в целом неимущих слоев, которые утверждают свою тиранию со всеми вытекающими из нее последствиями. Он также не питал иллюзий относительно интеллектуальных способностей большинства, полагая, что невежество еще долго будет оставаться его отличительной характеристикой. А это не внушало надежд на улучшение качества государственного управления в случае введения всеобщего избирательного права. И тем не менее Милль оставался до конца жизни его горячим защитником, предлагая в то же время отыскивать способы нейтрализации возможных негативных последствий наделения избирательным правом всех своих соотечественников.

Один из таких способов Милль видел в предоставлении разным социальным классам, независимо от их численности, равных депутатских квот в нижней палате парламента. Это предотвратило бы возможность тирании большинства, обеспечивало равную защиту интересов меньшинств, уравновешивало классы и делало парламент внеклассовым (господство классового интереса собственников в государственном управлении Милль считал столь же неприемлемым, как и господство классового интереса неимущих). Противоядие от невежества и неквалифицированных действий народных избранников Милль видел в создании верхней палаты нового образца, состоявшей не из аристократов, а отбираемой на основе различных испытаний элиты государственных деятелей²³.

Отход Милля от классического либерализма в социальных вопросах ярче всего проявился в его отношении к рабочему движению и тред-юнионизму. Милль отверг концепцию "железного фонда" заработной платы и доказывал, что рабочие могут претендовать на часть прибыли, присваиваемой предпринимателями. Цивилизованным способом достижения этой цели являлся коллективный договор, который заключали с предпринимателями от имени рабочих тред-юнионы. Поэтому профсоюзы представлялись Миллю жизненно важным институтом общества, который должен был быть непременно признан государством. В противном случае, предупреждал Милль, у пролетариата не останется иного выхода, как только броситься в объятья революционного коммунизма²⁴.

Бентам и Милль сделали важный шаг от классического либерализма к социальному, но взгляды этих крупных либеральных идеологов в первой половине XIX века являлись все же не правилом, а исключениями из него. В середине XIX века либерализм явно уступил инициативу консерватизму в борьбе за рабочие массы. Социальный торизм стал кредо Консервативной партии, во главе которой с середины XIX века выступил Б. Дизраэли. Именно консерваторы провели тогда все крупные социальные реформы, среди них запрещение夜ного труда женщин и сокращение рабочего дня сначала до 12, а потом до 10 часов. В 1867 году во время пребывания у власти правительства Дизраэли в Великобритании была проведена вторая парламентская реформа, снизившая имущественный ценз и расширявшая избирательный округ на 825 тысяч человек, в которые входила и верхушка рабочего класса. Но к тому времени и либерализм существенно изменил свое кредо, прочно вписав в него идею социальных реформ.

Острое соперничество манчестерского либерализма, с одной стороны, и социального либерализма, с другой, развернулось в третьей

четверти XIX века. Великобритания, родина классического либерализма, стала и первой страной, в которой оформился новый тип либерализма. Развитие классического либерализма при этом не прекратилось, появились его новые интерпретации, в которых индивидуализм достиг крайнего выражения. Самую известную среди таких интерпретаций выдвинул социолог Г. Спенсер, распространивший на общество законы "борьбы за существование", "выживания наиболее приспособленных" и гибели "менее приспособленных" видов, которые были сформулированы в биологии Ч. Дарвином. Прогрессивное развитие общества, доказывал Спенсер в своих сочинениях 1870-х — 1880-х гг., возможно только на основе естественной эволюции, означающей полную свободу конкуренции индивидуумов и институтов, в ходе которой осуществляется "естественный отбор" наилучших и наиболее полезных для общества "видов". Любое государственное вмешательство в этот процесс, попытки издавать социальные законы или регламентировать экономические взаимоотношения наносили, как настаивал Спенсер, непоправимый ущерб обществу, грозили его гибелью.

Г. Спенсер смог добиться научного признания и стал известен в политических кругах, но популярность его идей в Великобритании оставалась весьма невысокой, по крайней мере, она даже в малой степени не могла сравниться с популярностью и даже триумфальным успехом, выпавшим на его долю за океаном, в Соединенных Штатах Америки. Спенсерианство не приостановило и даже не затормозило трансформации либерализма в более демократическую и эгалитарную идеологию.

Среди идеологов, способствовавших соединению либерализма с демократией, выделялись Д. Морлей, лорд Актон, Т. Грин. Д. Морлей в трактате "О компромиссах", увидевшем свет в 1874 г., доказывал, что общественный прогресс предполагает не только конкуренцию и острое соперничество индивидуумов и классов, но и их взаимные уступки. Идея социального компромисса должна была поэтому войти в качестве неотъемлемой составной части в либеральное кредо²⁵. В речах и переписке влиятельного либерального мыслителя и историка лорда Актона утверждалось: либералы не могут отвергать политическую демократию на том основании, что массы невежественны, а их мышление исполнено предрассудков. Элита, заключал он, должна "разделить государственное управление с рабочим классом"²⁶. Т. Грин в эссе "Свобода контракта" (1880-ый г.) убеждал либералов, что они не могут более ограничиваться "негативным" определением свободы, а должны наполнить ее позитивным смыслом, предполагающим предоставление социальных прав и гарантий индивидуумам, которые от природы не наделены способностью добиться достойного существования собственными усилиями. Полемизируя с классической либеральной политэкономией, Грин доказывал, что рабочая сила не может приравниваться к обычному товару, ее рыночное измерение недостаточно, отношение к ней должно быть гуманизировано с помощью социального законодательства²⁷.

В третьей четверти XIX века социальный либерализм уверенно заявил о себе не только в идеологии, но и в политике. Политические успехи социального либерализма связаны с именем выдающегося британского политика Уильяма Гладстона (1809 — 1898). Именно

Гладстон признан в качестве основателя Либеральной партии, объединившей в своих рядах часть вигов, манчестерцев и тори, последователей Пиля. С 1860-х гг. Гладстон начал последовательно выступать в пользу социального либерализма, критикуя классовую ограниченность манчестерских доктрин. В 1865 г. он призвал либералов сомкнуться с народом и провести ряд реформ в пользу рабочего класса²⁸. В 1868 г., после избрания его премьер-министром, Гладстон начал проводить в жизнь политику социального либерализма, которая к концу его пребывания на высоком посту (1874 г.) увенчалась весьма впечатляющими результатами.

Политика социального либерализма Гладстона включила в себя два главных направления: первое означало реформы в интересах среднего и низшего классов, а второе включило ряд реформ, реально ущемлявших позиции британской аристократии. В 1870 г. была одобрена самая передовая по тем временам в западных странах школьная реформа, благодаря которой дети рабочих смогли получать начальное образование. В 1871 г. принят закон, наделивший профсоюзы правом юридического лица и уравнявший их с правовой точки зрения с буржуазными организациями. В 1872 г. в Великобритании вводится тайное голосование. В 1874 г., укрепляя смычку с профсоюзами, Либеральная партия поддержала их выдвиженцев на парламентских выборах, в результате чего некоторые из них попали в палату общин, примкнув к сторонникам Гладстона. Наконец, говоря о гладстоновских реформах в интересах низших классов, нельзя не назвать и избирательного закона, одобренного в период вторичного пребывания его на посту премьер-министра (1880 — 1884 гг.). В 1884 г. была принята третья парламентская реформа, расширявшая британский избирательный округ на 2,5 млн. человек преимущественно за счет представителей рабочего класса.

Среди реформ, ущемлявших интересы аристократии, выделялся билль 1870 г., который обязывал лендлордов в случае досрочного расторжения договора с арендаторами выплачивать последним компенсацию, определяемую в судебном порядке. Гладстон также покончил с монополией аристократии на офицерские и дипломатические должности. В целом реформы Гладстона положили начало практическому соединению либерализма с демократией.

Наряду с Гладстоном защитником реформ выступил и второй влиятельный лидер Либеральной партии, Джозеф Чемберлен. Настаивая на принципиальном отличии социального консерватизма, с одной стороны, и социального либерализма, с другой, Чемберлен доказывал, что если тори стремятся создать систему аристократического "патронажа" по отношению к народу, то либералы хотят помочь "всему народу научиться управлять самим собой"²⁹. Провозглашенная им линия на демократическую "спайку" с народом включила ряд приемов, характерных для американских политических партий. В своем родном Бирмингеме Чемберлен провел эксперимент американского толка: город был разделен на 16 кварталов, и в каждом из них открытое собрание местных жителей избрало низовой комитет Либеральной партии. Демократическим способом создавался и городской комитет. Чемберлен умело контролировал весь этот избирательный процесс, но все же введенная им процедура способствовала созданию либералам имиджа народной партии.

Как и Гладстон, Чемберлен полагал, что социальная политика является главной для Либеральной партии и что либералы могут успешно конкурировать с консерваторами, только опираясь на массовую национальную поддержку. Социальные реформы являлись одним из способов создания такой поддержки. Другой главный способ Чемберлен видел в цементировании Британской империи, благополучие которой, по его убеждению, только и создавало надежную материальную основу для успешной социальной политики. Вот в этом вопросе он разошелся с Гладстоном, следствием чего явился драматический раскол Либеральной партии.

В 1880 — 1890-ые годы одним из центральных в британской политике стал ирландский вопрос. И если Гладстон, следовавший либерально-реформистскому курсу как во внутренней, так и в имперской политике, считал необходимым предоставление Ирландии самоуправления, то Чемберлен твердо защищал унитарный характер государственного устройства Великобритании. В 1886-ом году сторонники Чемберлена решились на раскол с гладстоновским большинством и образование собственной юнионистской партии. Раскол либералов облегчил возвращение к власти консерваторов, находившихся во главе страны бессменно на протяжении последующих двадцати лет.

Раскол и политическое поражение Либеральной партии не означали крушения или даже ослабления социального либерализма. Большинство британских либералов продолжали связывать с ним возможность успешной идеально-политической конкуренции с противниками как справа, так и слева. Конец XIX века ознаменовался не только возвращением к власти консерваторов, но также резким нарастанием влияния левых организаций. В Великобритании возник целый сонм течений и объединений, стоявших левее Либеральной партии: Социал-демократическая федерация, Социалистическая лига, Фабиансское общество, Независимая рабочая партия, наконец, Лейбористская партия. На вызов социализма и радикализма либералы ответили углублением и расширением своей социальной программы. В конце XIX века начался новый цикл развития социального либерализма, продолжавшийся до I мировой войны и принесший британскому либерализму наибольшие политические успехи.

¹ Hill C. *The Century of Revolution. 1603-1714*. Berkshire, 1988. P. 109-111.

² Arblaster A. *The Rise and Decline of Western Liberalism*. Oxford, 1984. P. 157.

³ Gooch G.P. *English Democratic Ideas in the Seventeenth Century*. Cambridge, 1967. P. 249, 253.

⁴ Locke J. *Second Treatise of Civil Government. An Essay Concerning the True Original Extent and End of the Civil Government*. Michigan, 1971, p. 26-29.

⁵ Ibid. P. 32-34.

⁶ Ibid. P. 49-79.

⁷ Dickinson H.T. *Liberty and Property: Political Ideology in Eighteenth-Century Britain*. N.Y., 1977. P. 57.

⁸ Arblaster A. Op.cit. P. 170.

⁹ Kelley R.L. *The Transatlantic Persuasion. The Liberal-Democratic Mind in the Age of Gladstone*. N.Y., 1969. P. 67.

- ¹⁰ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. NY, 1937. P. 249-250.
- ¹¹ Ibid. P. I vii.
- ¹² Burke E. Reflections on the Revolution in France. L., 1790.
- ¹³ Пейн Т. Избр. соч. М., 1959. С. 179, 180.
- ¹⁴ Dickinson H.T. Op.cit. P. 246-248, 250.
- ¹⁵ Пейн Т. Указ. соч. С. 384.
- ¹⁶ Dickinson H.T. Op.cit: P. 267. -
- ¹⁷ Saint-Claire O. A Key to Ricardo. L., 1957. P. 110-125.
- ¹⁸ Ruggiero G. The History of European Liberalism. Boston, 1959, p. 127,
- ¹²⁹
- ¹⁹ Cobden R. Speeches on Free Trade. L., 1903. P. 50-51, 58-59, 61, 117-119, 213-221.
- ²⁰ Hart J. Nineteenth-Century Social Reform: A Tory Interpretation of History//Past and Present. 1965. No. 31, p. 47-48; Conway S. Bentham and the Nineteenth Century Revolution in Government//Victorian Liberalism: Nineteenth Century Political Thought and Practice/Ed. by R.Bellamy. L., 1990. P. 74-75.
- ²¹ Harrison W. An introduction//Bentham J. A Fragment on Government and an Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford, 1948. P. XII-XIII.
- ²² Mill JS. Three Essays on Liberty, Representative Government, the Subjection of Women. L., NY, 1975. P. 163.
- ²³ Ibid. P. 198, 227, 237-239, 245-247, 272-275, 336-339.
- ²⁴ Ibid. P. 45-46; The Liberal Tradition from Fox to Keynes/Eds A.Bullock, M.Shock. L., 1956. P. 60-61.
- ²⁵ The Liberal Tradition from Fox to Keynes. P. 127-128.
- ²⁶ Ibid. P. 125-126.
- ²⁷ Bellamy R. T.H.Green and the Morality of Victorian Liberalism//Victorian Liberalism. P. 142-147.
- ²⁸ The Liberal Tradition from Fox to Keynes. P. 143.
- ²⁹ Ruggero G. Op.cit. P. 151.

ГЛАВА 2

ДВА ЛИКА АМЕРИКАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Понятие либерализм стало широко использоваться в США только с конца XIX века. Но сам либерализм как идеологическое и социально-политическое явление начал зарождаться за два столетия до этого, а вполне оформленный вид приобрел в период обретения Соединенными Штатами независимости. Война за независимость 1775-1783 гг., или как ее еще именуют, Американская революция XVIII века, принесла с собой первую общенациональную дискуссию об общественных основах США и путях их развития. В ходе и под воздействием ее произошло оформление основополагающих идеино-политических традиций США.

По поводу характера этих традиций среди исследователей ведутся нескончаемые споры. Среди них выделяются две классические интерпретации. Первая принадлежит прогрессистской школе, главный представитель которой в изучении американской общественной мысли В.Л.Паррингтон делал вывод об оформлении в конце XVIII века двух антагонистических традиций — демократической и консервативной, которые так же определялись им как антилокковская и локковская. Суть их конфликта характеризовалась им лапидарно: "Мы пожалуй, не совершим большой ошибки, если будем рассматривать политическую историю Америки после 1790 года в основном как борьбу между идеалами "Декларации независимости", в которой провозглашались, главным образом, права человека, и положениями американской конституции, призванной служить узкопрактическим идеям защиты прав собственности"¹.

Вторая классическая интерпретация принадлежит школе консенсуса, один из лидеров которой Л.Харц доказывал, что в США с самого начала возникла и развивалась только одна традиция — либеральная, а разногласия внутри нее имели несущественный характер². Америка согласно Харцу, была верна Локку с самого рождения и сохраняла эту верность на протяжении всей своей истории. Именно безраздельное господство либерализма составляло, как доказывали представители школы консенсуса, основу американской цивилизации ее отличие и одновременно превосходство над всеми другими биологами, в том числе западноевропейскими.

Кто прав в споре разных исторических школ? Представляется, что каждой из них присущи как сильные, так и слабые черты. Согласно концепции, разрабатываемой в данной главе, либерализм成立了 в духе американского национального кредо в момент образования США. Вместе с тем различные политические силы дали разные интерпретации принципов либерализма, отразившие реальное различие социальных интересов в Соединенных Штатах. Эти различающиеся, но не антагонистические интерпретации составили основу формирования разных идеино-политических традиций США. Главными при этом были две интерпретации: эгалитарно-демократическая и умеренно-элитарная. Со временем, а в XX веке и полностью американский либерализм стал отождествляться только с эгалитарно-демократической интерпретацией. Умеренно-элитарная интерпретация стала идентифицироваться с консерватизмом. Совре-

менные американские консерваторы объявляют родоначальниками своей традиции именно умеренных отцов-основателей США: А. Гамильтона, Д. Адамса, Д. Мэдисона, Д. Вашингтона и других. Необходимо, однако, отметить, что сами эти отцы-основатели себя консерваторами не называли, а термин консерватизм был взят на вооружение их духовными последователями только в XX веке. Поэтому если строго стоять на почве историзма, то необходимо будет признать, что в XVIII-XIX вв. две версии либерализма и высупали в качестве двух главных идеально-политических традиций США. Но то, что они представляли собой интерпретации принципов либерализма, не дает основания преуменьшать, а тем более отрицать различия между ними, говорить о господстве в США либерального единомыслия, что склонна была делать школа консенсуса. Различие между двумя интерпретациями со временем не ослабевало, а усиливалось, и то что в XX веке они выступили уже под четко отличными названиями — либерализм и консерватизм при ретроспективном рассмотрении истории США выглядит как закономерность.

Усвоение Америкой принципов либерализма в качестве национального кредо было подготовлено ее социально-экономическим и политическим развитием еще в колониальный период. В XVII-XVIII вв. среди переселенческих потоков, устремлявшихся в североамериканские колонии Великобритании, главным был буржуазный. Его представители не обязательно были буржуа по социальному положению, но они переселялись в Америку с целью стать собственниками и в большинстве своем таковыми становились. Независимые собственники — фермеры, лавочники, мастеровые — возобладали в колониальный период в северо-восточных и так называемых "средних" колониях. В южных колониях на ведущих экономических позициях утвердились плантаторы, которые хотя и прибегли к эксплуатации рабского труда, но обладали предпринимательским менталитетом. Так что социально-экономические особенности колонизации Северной Америки, как и их духовно-политическая связь с Великобританией, предопределили развитие в колониях буржуазного сознания, как господствующего, и создание необходимой благоприятной социально-психологической среды для усвоения принципов либерализма. Уже в колониальный период американцы восприняли основные принципы либерализма — свободное накопление и распоряжение собственностью, договорное образование власти, свободное выражение своего мнения — не только как абстрактное теоретическое кредо, но как естественные нормы существования.

Так случилось, что с 1760-х годов эти нормы стали активно опираться в Северной Америке Великобританией. Дальнейшее свободное буржуазное развитие Америки поэтому объективно требовало освобождения от колониальной зависимости. И именно всесторонняя критика колониальной зависимости в 1760-е — 1770-е годы стала первым этапом глубокого теоретического освоения Америкой либеральной идеологии. Книги Д. Локка, Ш. Монтескье, английских вигов и французских просветителей стали настольными для многих американцев. Из их среды выделились и собственные яркие идеологи — Д. Адамс, Д. Отис, Д. Дикинсон, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Б. Франклайн, Д. Мейсон, Б. Раш, продемонстрировавшие утонченную

аргументацию при обосновании либеральных доктрин. Принципиальных разногласий в истолковании либеральных норм тогда еще не наблюдалось. Главным для духовных лидеров американцев было положение о том, что ни один закон не может приниматься без согласия граждан. На практике это означало, что законы в отношении американцев могут издаваться только их представительными органами, но никак не британским парламентом. Особенно важное значение придавали знаменитому принципу "никакого налогообложения без представительства", который лишал Великобританию права вводить какие-либо налоги в Северной Америке. Важное внимание уделялось теоретической защите свободного распоряжения собственностью. Приоритетными были также принципы верховенства законов над волей государственных деятелей, неприкосновенности жилища, неотчуждаемости прав личности на свободу слова, мысли, вероисповедания. Солидное теоретическое обоснование было дано принципу договорного происхождения любой публичной власти. Наконец, широкое признание получила радикальная локковская идея о праве народа на устранение деспотического правительства и смену формы государственного правления³.

Идейное единство политических лидеров североамериканских колоний нарушилось, когда возник вопрос о социально-экономическом и политическом устройстве независимых Соединенных Штатов. Этот вопрос выдвинулся во главу угла идеиных дискуссий после провозглашения независимости США в 1776 году и оставался главным на протяжении четверти века. В ходе острых идеинно-политических дебатов оформились две интерпретации либерализма, в целом уже прочно утвердившегося в качестве национального идеинно-политического кредо. С эгалитарно-демократическими трактовками выступили Т.Джефферсон, Б.Франклайн, Т.Пейн, Б.Раш, Д.Мейсон. С умеренно элитарных позиций интерпретировали либеральные доктрины А.Гамильтон, Д.Мэдисон, Д.Адамс. Обе эти интерпретации основывались на общетеоретических постуатах Просвещения, но вместе с тем американские идеологи все более уверено обретали собственный голос, их интерпретации становились все более оригинальными. Абстрактные принципы либерализма все более тесно увязывались с защитой тех или иных социальных интересов в самих Соединенных Штатах. Доктрина естественных и неотъемлемых прав человека, составлявшая теоретическое ядро либерализма, стала основополагающей как для демократов, так и для умеренных, но если первые приспосабливали ее к интересам средних, как и низших слоев общества, то вторые брали под особую защиту интересы верхнего класса.

Главные разногласия возникали в осмыслении права на частную собственность. Необходимо отметить, что теоретической основой этих разногласий в значительной мере являлась амбивалентность естественно-правовой концепции собственности, заключавшейся в ее классических западноевропейских трактовках. Провозглашение собственности естественным правом каждого индивидуума давало основание ряду идеологов Просвещения доказывать, что люди, лишившиеся собственности в гражданском обществе, получали право на определенную компенсацию со стороны государства. Дру-

гие же идеологи утверждали, что индивидуумы, лишившиеся собственности, утратили ее также в силу "естественных причин" (из-за "лени", меньших предпринимательских способностей и т.д.), а посему никакой компенсации им не полагается. Американские демократы и умеренные во многом воспроизводили эту аргументацию: первые доказывали, что государство должно так или иначе позаботиться о восстановлении справедливости в вопросе о собственности, а вторые возможность вмешательства государства в отношения собственности категорически отрицали.

В трактовке естественных и неотчуждаемых прав индивидуума американские демократы были солидарны в том, что главными среди естественных неотчуждаемых прав человека были, как формулировал Пейн, "все интеллектуальные и духовные права, а равно и право человека добиваться своего счастья и благосостояния, если это не ущемляет естественных прав других"⁴. Особое, главное значение при этом имели свобода совести, вероисповедания, слова, а также вытекавшие из них свобода печати, собраний и т.п. Общество, доказывали американские просветители-демократы, не вправе ограничивать и отменять эти свободы, оно может только вводить и защищать их. Эта демократическая трактовка в период Американской революции завоевала широкое признание и получила законодательное воплощение в Билле о правах, который был одобрен легислатурами всех штатов, а в 1789 г. и Национальным конгрессом США.

Вместе с тем демократы не испытывали столь же трепетного отношения к свободному распоряжению частной собственностью и наложению богатства. Они утверждали, что собственность была продуктом исторического развития, правовым установлением самого общества, которое, следовательно, могло ограничивать крайности неравенства. Б.Франклайн в 1783 г. в письме к Р.Моррису, тогда главе финансов североамериканской республики, доказывал: "Вся собственность, за исключением временной хижины дикаря, его лука, шкуры и других мелких приобретений, абсолютно необходимых для его существования, представляется мне продуктом общественного соглашения. Следовательно, общество имеет право на контроль за отступниками и всеми другими, заключившими соглашение о собственности, и даже право на ограничение его количества и способов использования"⁵. Так же рассуждали Джэфферсон⁶ и Пейн⁷, как и все либерально-демократическое крыло Американской революции. Джэфферсон, автор Декларации независимости 4 июля 1776 г., не считал возможным включить собственность в перечисленные там естественные и неотчуждаемые права человека. Декларация оказалась единственным среди подобного рода документов XVIII века, в котором триада естественных и неотчуждаемых прав состояла не из "собственности, жизни и свободы", а из "жизни, свободы, стремления к счастью".

Джэфферсон, Франклайн, Пейн, как и другие американские демо-
краты, никогда не выступали против самой частной собственности. Протестуя против крайностей неравенства, они преследовали цель наделить правом собственности всех своих сограждан вплоть до самого последнего бедняка и некоторого ограничения состояний сверхбогатых. Такой подход согласовывался с другим их принципи-

альным идеалом — развития Америки как общества, подавляющее большинство которого составлял бы средний класс. Франклайн, выражая общепринятую среди демократов точку зрения, мечтал, чтобы независимая Америка превратилась в государство "золотой середины", "страну труда", где "большинство людей обрабатывает собственные земельные участки", где встретишь "единицы крупных собственников и очень мало арендаторов", где, конечно же, нет таких бедняков и таких богатеев, как в Европе⁸.

Демократы были убеждены, что развитию Америки как общества "золотой середины" благоприятствовал сам "закон природы", в данном случае естественно-географические условия США. Наличие в стране огромного количества свободных земель создавало, по их мнению, по меньшей мере в течение ста лет, возможность обращения в независимых земельных собственников-фермеров всех неимущих американцев. Создание этого среднего класса требовало соответствующего аграрного законодательства. В связи с этим демократы предложили много конкретных проектов, которые, по их мнению, могли сделать в Америке явью мечту европейских просветителей о "царстве разума".

Наиболее приближенными к американским условиям оказались проекты Джейфферсона. Уже в первый год революции он предложил огосударствление всех свободных западных территорий (по площади они в десятки раз превосходили атлантическое побережье) и распределение их в последующем бесплатно участками по 20 гектарам между гражданами, не имевшими такого надела. Одновременно Джейфферсон вынашивал законопроекты, ограничивавшие богатства плантаторов и земельных спекулянтов. Этой цели должны были служить запрещение работорговли, отмена феодальных принципов майората и единонаследия, способствовавших концентрации земельной собственности в руках узкой горстки плантаторов, и запрещение рыночной распродажи западных земель.

Аграрный путь развития США, одобренный Джейфферсоном и другими американскими демократами, поднимался ими на щит не в последнюю очередь потому, что способствовал поддержанию ведущей роли в обществе среднего класса землевладельцев, которые наделялись всевозможными добродетелями. Развитие же США по торгово-промышленному пути, утверждали они, напротив создает неустранимую основу разделения общества на богатых и бедных, имеющее меньшинство и неимущее большинство. В этом случае невозможно будет сохранение в стране республиканских устоев и политического равенства.

Вера Джейфферсона и его единомышленников в аграрно-демократический путь развития США два века спустя может показаться безнадежной утопией. Такие суждения, однако, необходимо признать антиисторичными. Дело в том, что в течение еще нескольких десятилетий после революции аграрный путь развития в США успешно соперничал с торгово-промышленным. При этом в самом аграрном пути были заключены две возможности: первую можно определить как плантаторский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, а вторую как фермерский путь. Последний воплощал либерально-демократическую модель экономического развития. Теоре-

тическое обоснование ему дали впервые Джейферсон и его единомышленники, вполне реалистично осветившие на многие и многие десятилетия вперед линию демократического развития капитализма в сельском хозяйстве США.

Именно в их концепции обнаруживается ядро знаменитой американской мечты, которая заключалась в вере в способность каждого индивидуума, в том числе бедняка, стать экономически независимым. Вера эта, вот уже два столетия характеризующая социальную психологию американцев, меняла идеологические формы, но первое ее идеологическое обоснование в полной мере сложилось в революционный период.

Американские демократы активно боролись за претворение своего аграрного идеала в жизнь. Джейферсон, после того как его проект о бесплатном наделении каждого бедняка участком в 20 гектаров был отвергнут буржуазно-плантаторской элитой, стал выдвигать требования снижения цены на распродаваемые западные земли. Наибольшего успеха он добился в период пребывания на президентском посту (1801-1809 гг.). Борьба Джейферсона за демократический путь аграрного развития США была продолжена его последователями, а самый выдающийся среди них, Авраам Линкольн, сумел в 1862 г. осуществить джефферсоновскую мечту: конгрессом США был одобрен закон о бесплатном предоставлении простым американцам земельных участков на Западе. И именно этот закон стал основой стремительного выхода сельского хозяйства США на ведущую позицию в мире.

Одной из центральных проблем для молодого американского либерализма оказалась политическая демократия. Благодаря усилиям Джейферсона и его сторонников соединение либерализма с политической демократией произошло в США гораздо раньше, чем в Европе. В период революции они твердо настаивали на том, что право на участие в образовании государственной власти, заключение "общественного договора" не может увязываться с имущественным положением, а должно предоставляться всем гражданам. Кроме того, Джейферсон и его последователи доказывали, что политическое право народа не может быть ограничено одним избранием руководителей государства, но должно быть гораздо более многообразным. В связи с этим была развита концепция прямой демократии, которая наделяла народ правами одобрения конституции, законодательной инициативы, референдума и рядом других⁸.

По убеждению Джейферсона в США должно было произойти соединение прямой и представительной демократии. Согласно его проектам 1810-1820-х годов государственное управление в Соединенных Штатах разделялось на четыре уровня: "общая федеральная республика для всех вопросов, относящихся к внешней и федеральной политике; 2) республика штата, ведающая всеми внутриполитическими проблемами; 3) окружные республики, занятые делами и интересами округа, и 4) районные республики для мелких, но в то же время важных местных вопросов"⁹.

Особое внимание Джейферсон уделял "районным республикам", управление которыми должно было осуществляться сходами всех граждан, проживающих на их территории. Создание "районных рес-

публик", доказывал Джейферсон, превратит "каждого гражданина в активного члена правительства, сотрудничающего в тех ведомствах, которые ему ближе всего и больше всего его интересуют, и привяжет его самыми сильными чувствами к независимости своей страны и ее республиканской конституции"¹⁰.

К средствам непосредственной демократии ее сторонники какое-то время относили и право народа на насильственное ниспропрещение неугодного ему правительства. Но в конце XVIII века они пришли к заключению, что это право исчерпало себя в США и что в республиканском обществе, где узаконено мирное волеизъявление граждан, только оно и может быть средством политических и социальных преобразований, в том числе и смены правительства.

Отвечая на критику противников политической демократии, доказывавших, что народ склонен превращаться в толпу и способен на самые непредсказуемые действия, джефферсоновцы видели единственное противоядие от "слепых страстей" масс в их самом широком просвещении. Не случайно реформа образования, в частности бесплатное начальное обучение всех американцев, была поставлена ими по важности рядом с политической реформой. Б. Раш в 1786 г. заявил о необходимости второй американской революции, означавшей самое широкое распространение знаний среди народа. Только просвещенный народ, доказывал он, выражая общепринятую среди демократов точку зрения, мог использовать политические права в интересах всеобщего блага и справедливости; забитый и невежественный народ неизбежно превращается в толпу, покорную воле искусственных политических демагогов и религиозных мракобесов.

Идеологическая традиция, выпестованная Джейферсоном, Франклином, Пейном и их единомышленниками, в целом представляла собой соединение либерализма, центральным постулатом которого является приоритет прав личности, социального эгалитаризма, отвергавшего имущественные контрасти и отстаивавшего право каждого на обладание собственностью, и демократии, провозглашавшей равенство всех граждан в образовании и управлении политической власти. Эта модель эгалитарно демократического либерализма, ставшая с течением времени ведущей в американском либерализме, существенно повлияла на весь облик американской цивилизации. Она смогла сплотить вокруг себя широкие массы американцев и резко снизила шансы на успех леворадикальных, в том числе и социалистических доктрин.

Выразители другой, умеренно элитарной концепции либерализма присягали тем же общетеоретическим принципам, что и сторонники либерально-демократической концепции. По крайней мере, концепции естественных и неотъемлемых прав индивидуума, верховенства законов, общественного договора, разделения властей, республиканизма были для Гамильтона, Д. Адамса и Мэдисона столь же священны. Но в их интерпретации эти концепции приобрели иное, а порой и радикально отличное звучание.

Среди естественных и неотчуждаемых прав человека безусловный приоритет ими был отдан праву на собственность. Наиболее четко эта позиция была выражена американской элитой во время обсуждения и ратификации в 1787-1788 гг. федеральной конститу-

ции, призванной стать высшим законом страны. "Говорят, что жизнь и свобода, — подытоживал мысли участников конституционного конвента в Филадельфии Г. Моррис, — должны цениться выше, чем собственность. При более внимательном рассмотрении вопроса необходимо будет, однако, признать, что высшей ценностью общества является именно собственность". "Собственность, безусловно, высшая ценность общества", — так еще более лапидарно высказался другой делегат конвента, Д. Ратледж¹¹.

Следующий важнейший идеологический постулат американской элиты заключался в положении о неизбежности неравного разделения собственности в обществе, явившегося следствием "естественног" неравенства способностей людей и неизбежной в свободном обществе экономической конкуренции. "Совершенно очевидна та истина, — говорил Гамильтон, — что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие существования самой свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть"¹².

Американская элита единодушно приняла идею о неизбежности разделения каждого общества на классы, неустранимости классовых различий и высмеяла, как утопию, представления джефферсоновцев о возможности развития Америки как общества "золотой середины" и преобладании в нем среднего класса. По заключению идеологов элиты двумя главными классами американского общества в условиях экономической свободы должны стать имущее меньшинство и неимущее и малоимущее большинство. В связи с этим со всей остротой был поставлен вопрос о политической защите интересов имущего меньшинства, которое в условиях политической свободы сталкивалось с постоянной угрозой уравнительских пополнений неимущего большинства.

Идеологи элиты решительно высказывались против любых форм прямой демократии, одобрили только представительное правление, моделированию которого и посвятили себя авторы федеральной конституции весной-осенью 1787 года. Не скрывая намерения создать сильное государство, способное поддерживать прочный социальный порядок и надежно защищать интересы верхнего класса, они вместе с тем, будучи политическими реалистами, хотели придать своей политической философии и замыслам легитимный характер на основе заключения общественного договора с нацией. Компромисс классового и общенационального подходов в существенной степени воплотился в конституции.

Конституция США признала и закрепила такие популярные среди американских граждан принципы, как народный суверенитет, общественный договор, разделение властей, "сдержки и противовесы", республиканизм. Все это создавало почву для консенсуса между нацией и отцами-основателями, а еще более он упрочился в 1789 году, когда под давлением "снизу" конституция США была дополнена Биллем о правах. Вместе с тем умеренные отцы-основатели изыскали уточненные средства защиты в рамках общественного договора низов и верхов интересов последних. Отвергнув любые формы прямой

демократии, они смогли выработать такую модель представительного правления, которая позволяла осуществлять государственное управление с помощью политической элиты. Сенат, которому в отличие от нижней, "народной", палаты, предназначалось специально защищать интересы собственности, был наделен большими полномочиями. Вся полнота исполнительной власти была вручена президенту, который предстал в глазах критиков как "выборный монарх". В целом американское государство, созданное в соответствии с теоретическими принципами Просвещения, обрело, благодаря их препарированию умеренными отцами-основателями, способность обеспечивать экономическую и социальную стабильность.

Либерализм умеренных отцов-основателей США в целом был близок к той модели, которая в Европе выступила в качестве классической, образцово буржуазной. Приоритет среди всех прав человека права на собственность, свободное распоряжение ею, возвеличивание экономического либерализма, увязывание политических прав с владением собственностью — вот черты, которые объединяли их. Вместе с тем у либерализма умеренных отцов-основателей США были и определенные отличия от классического английского образца.

Взять, например, отношение американских отцов-основателей к экономическому либерализму, который стал святая святых в глазах английских либералов во главе с А. Смитом. Его американские поклонники, с одной стороны, были сторонниками абсолютно свободной, ничем не ограниченной экономической конкуренции внутри страны. Но, с другой стороны, они же потребовали от государства взять под свое покровительство интересы национальной промышленности, финансов и капиталов в их соперничестве с иностранными, в первую очередь английскими капиталистами. Они отвергли принцип фритредерства, который в глазах А. Смита и его последователей был неотъемлемой частью экономического либерализма. И это было вполне объяснимо: если английская буржуазия, являвшаяся тогда самой мощной в мире, получала благодаря фритредерству возможность господствовать на мировом рынке, то американская буржуазия в случае принятия того же фритредерства неминуемо попадала в зависимость от английского капитала.

Экономическая программа американского капитализма была наиболее полно разработана А. Гамильтоном в бытность его министром финансов США в конце 1780-х — начале 1790-х годов. Эта программа среди прочих мер предполагала введение защитительных или даже, если необходимо, запретительных пошлин на товары — дубликаты отечественной продукции, запрещение вывоза сырья из страны и поощрение в случае его нехватки ввоза из-за границы, государственное строительство новых дорог, каналов, поощрение развития крупных промышленных предприятий, создание Национального банка и контроль за финансами страны. Гамильтон даже выдвинул требование предоставления правительству "универсальной направляющей власти" в торгово-промышленном развитии, что председовало цель помочь американскому капитализму успешно конкурировать с английским и бороться за ведущую позицию в мире. Его концепция получила название "гамильтоновского пути развития

США", став на многие десятилетия путеводной для финансово-промышленных кругов.

В конце XVIII — нач. XIX в. элитарная модель либерализма получила развитие в идеологии Федералистской партии США. Одно из идеологических нововведений федералистов заключалось в попытке развести республиканизм, который был объявлен основой основ американской системы, и демократию. Самый утонченный их аргумент в критике демократии состоял в утверждении, что именно эта форма заключала в себе истоки всякой деспотии, в том числе и монархии. Представляя себя в качестве истинных ревнителей республиканизма, федералисты объявляли его злейшим врагом политическую демократию. Федералисты при этом ссыпались на примеры античных республик, свидетельствовавшие, как те или иные демагоги использовали завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Но чаще всего они апеллировали к опыту великой Французской революции, метаморфозы которой, по их убеждению, доказывали: диктатура вырастает из демократии, является ее оборотной стороной.

В начале XIX века эгалитарно-демократическая и умеренно элитарная модели приобрели законченный вид. Различия между ними в глазах ряда исследователей оказались столь существенными, что они готовы были объявить их классово разнородными идеологиями. Такого вывода придерживался, например, В.Л.Паррингтон, увидевший во взглядах Джейфферсона и его последователей "окончательный разрыв с учением вигов о правах собственности, завещанного Локком английской буржуазии"¹³. Это, конечно, явное преувеличение. Взгляды Джейфферсона и его единомышленников представляли собой демократическую модель либерализма, которой-то с течением времени и суждено было стать в Америке образцовой, в то время как умеренная модель стала отождествляться с американским консерватизмом.

На следующем историческом этапе — 1820-1860-е годы — главное содержание американской истории составило бурное развитие капитализма "вширь" и "вглубь" и противоборство между ним и плантационным рабством. Либерализм сохранил два своих лика и на этом этапе.

Умеренно-элитарная модель либерализма была представлена в идеологии Вигской партии, сменившей федералистов в качестве выразительницы интересов финансово-промышленных кругов. Признанным лидером Вигской партии был Генри Клей, продолжатель дела Александра Гамильтона. Клей вошел в историю как автор так называемой "американской системы", которая в теоретическом плане по преимуществу воспроизводила идеи А.Гамильтона и Д.Адамса. Покровительство интересам национальной промышленности и торговли, жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях, строительство дорог и каналов, поддержание финансовой монополии Национального банка, приоритет власти федерального правительства в отношении властей штатов, охранительная интерпретация принципа "власть законов", защита представительного правления против охлократии, — вот ее основные черты. Система Клея все же удовлетворяла новые предпринимательские слои, рождавшие-

ся в ходе бурного промышленного переворота и колонизации Запада, обнаруживая консервативный характер.

Интересы нового среднего класса, молодой предпринимательской буржуазии, фермерства, как и пополнившего их ряды рабочего класса находили выражение в эгалитарно-демократической модели либерализма. Ее дальнейшее прогрессивное развитие воплотилось в идеологии и политике Э.Джексона и Демократической партии в конце 1820 — 1830-х годов, а также А.Линкольна и Республиканской партии в 1850 — 1860-е годы.

Э.Джексон и Демократическая партия 1820 — 1830-х годов представляли разнородные социальные слои. Как и в джефферсоновской партии конца XVIII — начале XIX вв., в ней преобладали сельские жители, включая фермеров и плантаторов. Но, как и во времена Джeffersona, противоречия между ними оставались еще под спудом, а объединяла их совместная оппозиция финансово-промышленной элите страны. Но между партиями Джексона и Джeffersona были и весьма серьезные отличия: партия Джексона пользовалась более широкой поддержкой, прежде всего благодаря тем слоям из среднего и низшего классов, которые появились в ходе промышленного переворота и колонизации Запада. Если партия Джeffersona являлась аграрной, то партия Джексона была аграрно-индустриальной. Но, как и ее предшественница, партия Джексона использовала либерально-эгалитарную веру: плодами бурного промышленного развития и колонизации Запада должны были, согласно ее кредо, воспользоваться самые широкие слои населения, а задача правительства заключалась в обеспечении равных экономических шансов всем американцам.

Идеологи джексоновского движения, описывая окружающую их действительность, пользовались понятиями "классы", "аристократия", "капитал" и "производители", свидетельствовавшими, что Америка воспринималась ими как неоднородное и конфликтное общество. Главными, как доказывал Уильям Леджет, были две силы: первая включала фермеров, рабочих, механиков, других производителей из низшего и среднего классов, вторая — узурпаторов богатства, превращавшихся в финансово-промышленную аристократию¹⁴. Джексоновцы заявляли подчас, что осуждают капиталистов, но чаще всего обрушивали гнев на финансовых тузов, взращенных правительственными привилегиями. Против этих привилегий и должен был в первую очередь направляться гнев масс: отсюда и название, которое все чаще стали брать себе джексоновцы — "антимонополисты". Главной монополией, которую нужно было разрушить, в их глазах был Национальный банк США.

Сторонники Джексона подхватили джефферсоновскую концепцию прав человека: право на свободу, жизнь, стремление к счастью ставилось ими выше права на частную собственность¹⁵. Право на собственность при этом не отрицалось и ими, ибо, как утверждал Уильям Гудж, не имея средств к существованию, невозможно реализовать и право на жизнь. Но чрезмерное накопление богатства рассматривалось как безусловное зло, ибо разворачивало человеческую душу, делало личность рабом денежного мешка. Самое главное заклю-

жалось в том, чтобы обеспечить каждому человеку обладание той собственностью, которая создавалась его собственным трудом.

Джексоновское движение не исчерпывалось мелкими и средними собственниками, в нем все более активную роль играли рабочие и их организации. Первые партии рабочих появились в конце 1820-х годов: за пять лет в разных штатах возникло более 60 партий. Они протестовали против тяжелых условий на производстве, добивались ограничения женского и детского труда, введение 10-часового рабочего дня. Рабочие стали прибегать к стачкам, организовывать профсоюзы. Но по своим целям это движение все же тяготело к мелким собственникам: большинство рабочих мечтали, накопив необходимую сумму денег, обзавестись фермой или открыть собственное дело. Идеалы равенства предпринимательских возможностей, равных шансов в накоплении богатства, антимонополизм были им не менее близки, чем сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Поэтому рабочие легко объединялись с мелкими и средними собственниками в джексоновском движении.

В годы президентства Джексона ряд требований его партии получили практическое воплощение. Был ликвидирован Национальный банк, облегчена возможность доступа к западным землям для масс американцев, укреплена политическая демократия. При всей противоречивости эта политика расширила предпринимательские возможности массы американцев и демократические начала капитализма.

Эгалитарно-демократические черты либерализма получили дальнейшее развитие в идеологии и политике А.Линкольна и Республиканской партии в 50-60-е годы XIX века. А.Линкольн, как идеолог и политический деятель, неизменно рассматривал себя как правомерного последователя Джефферсона. Линкольн указал соотечественникам, что Декларация независимости, подготовленная Джефферсоном, не содержит в перечне естественных прав человека владения собственностью. По его убеждению, это отнюдь не было случайностью, а свидетельствовало о том, что Джефферсон считал право собственности второстепенным по отношению к правам на жизнь, свободу, стремление к счастью¹⁶.

Либерализм Линкольна и Республиканской партии эпохи борьбы с рабством отразил переходное состояние американского общества, в котором сохранялись подвижные границы между буржуазией, сельским и городским пролетариатом, а среди буржуазии преобладали численно мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной части вчерашние рабочие. Сам Линкольн неизменно подчеркивал, что выражает интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает, но которые и сами никого не нанимают, а работают на самих себя. Такой предприниматель и фермер, утверждал он, являются центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Статус наемных рабочих характеризовался Линкольном как переходный, со ссылкой на свой жизненный опыт он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие в Соединенных Штатах имеют

стопроцентный шанс завести собственное дело и просто обязаны стремиться к этой цели¹⁷.

Обращение масс американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению Линкольна и Республиканской партии, было невозможно без свободного доступа к западным землям. Этой цели нельзя было достичь, не запретив распространение на свободные территории рабства. Логичен был и их заключительный вывод: рабство и свободный труд несовместимы.

Республиканская партия эпохи борьбы с рабством не была просто антирабовладельческой партией. Она являлась выразительницей либерально-демократического кредо и своеобразного американского эгалитаризма, который сплачивал вокруг нее широкие народные слои. А то, что пестовавшаяся Линкольном либерально-демократическая "американская мечта" не была абстракцией, а была вполне реализуема, подтвердилось в период Гражданской войны. Самым крупным достижением линкольновского эгалитарного либерализма стал закон о гомesteadах, одобренный конгрессом США 20 мая 1862 года.

Согласно этому закону все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из общественного фонда после занятия и пользования соответствующим участком в течение пяти лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долларов. Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность быстрее, но не ранее чем через 6 месяцев после заявки, должны были уплатить также весьма небольшую сумму — по 1,25 доллара за акр. Закон о гомesteadах реализовался на практике со многими противоречиями и издержками. И все же именно он означал торжество фермерского, демократического пути в развитии капитализма в сельском хозяйстве США. А этот путь в свою очередь обеспечил американскому сельскому хозяйству передовую позицию в мире.

Эгалитаризм идейных и политических лидеров американского либерализма второй трети XIX века от Э.Джексона до А.Линкольна заключает в себе в существенной мере ответ на вопрос, почему левые идеологии, в том числе социализм, не смогли тогда укорениться в Соединенных Штатах. Правда, в тот период в отличие от предшествующего, социалистические идеи все же стали известны в США. Но выдержать конкуренцию с либерализмом они были не в состоянии: эгалитаризм и демократизм американского либерализма, соответствовавшие как историческим условиям США, так и массовой психологии, легконейтрализовали их.

Линкольн и его последователи существенно развили святая святых либерализма — концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, распространив ее на всех небелых американцев. Наконец, они углубили доктрину политической демократии, когда признали за бывшими черными рабами право избирать и быть избранными в законодательные органы.

Все это не означает, что американский либерализм к исходу Гражданской войны стал неким совершенством. Он продолжал быть отмечен весьма серьезными противоречиями, которые объясняют многие парадоксы и загадки политической практики американского

либерализма. Не подлежит сомнению, что многие либералы готовы были распространить концепцию естественных и неотъемлемых прав человека, как и избирательные права, на черных американцев не в силу внутренних убеждений, а под давлением обстоятельств. И даже самые искренние среди них, включая Линкольна, в глубине души плохо верили или вообще не верили в возможность совместного мирного проживания белой и черной рас, тем более их интеграции, смешения в американском "плавильном котле".

Эта глубокая внутренняя противоречивость либерализма в отношении черных американцев, намного пережившая Гражданскую войну, в существенной мере объясняет, почему многие прогрессивные федеральные законы, одобренные в тот период, в первую очередь законы о наделении бывших рабов равными с белыми избирательными и гражданскими правами, так плохо "пошли" на практике. В последней четверти XIX века в южных штатах произошло утверждение режима расовой сегрегации, сводившего на нет значение 14, 15 и 16 поправок к федеральной конституции, одобренных на исходе Гражданской войны и провозглашавших равенство гражданских и политических прав черных американцев.

По окончании Гражданской войны Соединенные Штаты вступили в новый этап исторического развития. Отныне они существовали как чистое буржуазное общество: освободившийся от рабовладельческой аномалии, американский капитализм стал развиваться поистине семимильными шагами, но его блестящие экономические успехи сопровождались не менее поразительными социальными контрастами — не только между трудом и капиталом, но и между разными слоями буржуазии, в первую очередь крупной и мелкой.

На ведущей позиции в американской экономике быстро утвердились самые предприимчивые промышленные и финансовые цезари — рокфеллеры, морганы, вандербильды и карнеги. Плоды победы над рабством, добытой всем народом, все более пожинались крупным бизнесом: он постепенно подчинил себе обе главные политические партии, республиканскую и демократическую, а также законодательные, судебные, исполнительные органы власти. Как это часто бывает в истории, на смену демократической революции пришел консервативный термидор. Он получил и идеологическое выражение: эгалитарно-демократический либерализм, пестовавшийся Джейфферсоном, Джексоном, Линкольном, уял, а бал стал править умеренно элитарный либерализм, приобретший откровенно антидемократический, консервативный характер.

Идейные защитники крупного капитала возвеличили принципы экономического либерализма, переложив их в доктрины "твердого", "грубого", "неограниченного" индивидуализма. Одной из главных радетельниц "твердого индивидуализма" в последней трети XIX века выступила политэкономия, канонизировавшая принципы экономического либерализма. Ее единственной задачей объявлялось толкование "абсолютных" законов нигде не ограниченной экономической свободы. Глава официальной политэкономии Д.Б.Кларк в книге "Распределение богатств" объявлял, что принцип "свободной игры" продолжал оставаться единственным возможным регулятором справедливого распределения национального дохода между обществен-

ными классами. Требования профсоюзов о законодательном регулировании условий труда и заработной платы, как и популярные среди масс требования о прогрессивном налогообложении доходов корпораций, регулировании тарифов и рыночных цен, Кларк считал абсолютно безосновательными и вредными.

Ведущую же позицию среди индивидуалистических учений занял социал-дарвинизм, распространивший на общество дарвиновские законы биологической эволюции. Родоначальник социал-дарвинизма, известный английский социолог Г. Спенсер, посетивший Соединенные Штаты в 1882 г., был поражен выпавшим на его долю триумфом: его чествовали как национального героя. Известный американский историк Р. Хофтедтер имел основания утверждать: "В первые три десятилетия после Гражданской войны никто не мог утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера"¹⁸.

Главной темой американского социал-дарвинизма — и здесь он развил традицию А. Гамильтона и Дж. Адамса, впрочем, так же, как и Дж. Кэлхуна и Дж. Фицхью — было обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей, происхождения всех социальных явлений и противоречий капитализма, таких как разделение на классы, конкуренция, экономические контрасты, богатство одних и нищета других. Обосновывались эти явления уже при помощи модных биологических законов. Признанный глава американских социал-дарвинистов, У. Г. Самнер, утверждал, что природа предоставила человечеству только один вариант общественных взаимоотношений — войну всех против всех. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частно-капиталистическая конкуренция. У. Г. Самнер неизменно называл финансовых и промышленных магнатов, сокрушивших "менее приспособленных" конкурентов, "продуктом естественного отбора", элитой общества, выявленной самой природой.

Самнер требовал от правительства руководствоваться в своей социально-экономической политике принципами экономического либерализма и индивидуализма, в первую очередь государственного невмешательства, уходящего корнями в XVIII век: "Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-нибудь социального архитектора-энтузиаста . . . Общество должно быть свободно от их вмешательства, т.е. предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле — государственного невмешательства"¹⁹.

Американские монополисты, познакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяли их на вооружение. Все они — Э. Карнеги, Дж. Рокфеллер, Дж. Херст, Дж. Хилл и другие — неизменно изображали себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими финансовые и промышленные империи как высшее достижение "естественного отбора". Некоторые из них становились пропагандистами социал-дарвинистских доктрин, распространяя их через газеты, журналы, а то и в пухлых сочинениях. Э. Карнеги, создатель стальной империи, производившей металла

больше, чем вся Великобритания, был признан даже в качестве теоретика социал-дарвинизма. Одной рукой он беспощадно истреблял в своей отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах "выживания" в условиях благословленной экономической свободы. Его книга "Триумфальная демократия" стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Доктрина "государственного невмешательства" в экономику и социальные отношения оставалась на протяжении всей последней трети XIX в. и официальным кредо американского правительства, обеих ведущих партий — и демократов, и республиканцев. Президент США демократ Г.Кливленд в речи при вступлении на этот пост в 1893 г. решительно отмахнулся от социальных запросов низов, заявив: "... хотя народ и поддерживает правительство, правительство не обязано поддерживать народ". Один из его предшественников на президентском посту, республиканец Дж.Гарфилд, твердо стоял на том, что "в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости"²⁰.

Эта приверженность принципам твердого индивидуализма при соотнесении ее с политической практикой зачастую выглядела весьма лицемерной. Ведь "капитаны индустрии" активнейшим образом использовали государственную власть, когда речь шла о покровительстве их собственным экономическим интересам. Железнодорожные империи Гульда и Вандербильда, например, были созданы благодаря щедрым подачкам из государственного земельного фонда, который согласно гомстед-акту 1862 г. предназначался исключительно для целей организации мелких фермерских хозяйств. Уже с самого возникновения первых предпринимательских объединений власти штатов соперничали друг с другом в создании наиболее благоприятных условий для развития корпораций на своих территориях. В 1875 г. в штате Нью-Джерси, известном как "родина корпораций", был принят закон, отменявший большинство ограничений на предельные размеры предпринимательских объединений, резко расширявший их возможности при получении займов и выпуске акций и облегчавший условия их ответственности перед кредиторами. Вскоре этому примеру последовали и другие штаты.

В последней трети XIX в. доктрины "грубого" индивидуализма, приобретшие консервативный промонополистический характер, преобладали в американской мысли и средствах массовой информации. С их критикой выступали социалистические и антимонополистические движения, впервые набравшие тогда силу в США. С 1880-х годов все более весомо начинает звучать и критический голос выразителей демократического либерализма, опиравшихся на наследие Джейфферсона, Э.Джексона и Линкольна. Идеалы эти были существенно преобразованы, так что многие исследователи говорят даже о рождении на рубеже XIX-XX вв. нового либерализма, соединившего прежние принципы с новыми концепциями социального реформизма. Подобная эволюция демократического либерализма позволила ему поддержать и даже упрочить свое влияние среди масс американцев, и она же существенно расширила и углубила его отличия от

идеологии “чистого” индивидуализма, превратившегося в консервативное кредо.

В разработке теории нового либерализма в конце XIX века особенно заметную роль сыграли социолог Л.Уорд и экономист Р.Эли.

Л.Уорд решительно отверг концепции социал-дарвинистов об “естественному отборе”, выживании “наиболее приспособленных” и гибели “менее приспособленных” видов как основе не только биологической, но и общественной эволюции. Согласно его оригинальной концепции общественного прогресса, последний осуществлялся на основе все более расширяющегося воздействия человека, социальных классов и групп, политических партий, государства и гражданского общества на социальную среду, ее совершенствования в направлении смягчения человеческих страданий и увеличения всеобщего благосостояния²¹.

Концепция Уорда о способности человека и общества вершить свою судьбу и выбирать альтернативы исторического развития была подхвачена многими либералами. Но одновременно они сочли принципиально важным определить, какой способ воздействия на общественное развитие является оптимальным. Либералы единодушно отвергли все революционные теории ломки общественных структур, противопоставив им концепцию их реформаторского изменения и совершенствования. При этом либеральные теоретики опирались на позаимствованное у О.Конта, других европейских социологов и ставшее к тому времени классическим учение об органическом характере общественного развития и прогресса, доказывавшее, что наработанные в ходе многовековой человеческой истории общественные структуры и взаимосвязи являются органическими и структурно-функциональными, а потому их революционная ломка является, безусловно, зрячной.

К органическим были отнесены такие общественные установления и структуры, как частная собственность, государство, классы, партии, общественные объединения, при этом новые либералы видели в органических структурах как позитивные, так и негативные стороны. Вот как, например, характеризовал противоречивые стороны разделения общества на классы Р.Эли: “Существование классов имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, существование нескольких классов способствует развитию различных по своему характеру дарований и способностей. Отрицательная же сторона классовых различий состоит в том, что они по мере дальнейшей дифференциации ведут к разобщению нации”²². Совершенствование и реформа органических структур и взаимосвязей призваны были устраниТЬ их негативные черты, но не их самих.

Каким образом должны были быть реформированы американские институты? Отвечая на этот вопрос, некоторые новые либералы приходили к выводу, что фундаментальные ценности либерализма и демократии должны были быть определенным образом дополнены принципами социализма. Р.Эли в 1894 г. первым заявил, что социалистическое учение обладает “могущественным характером обличения существующих институтов” и что “сила социализма объясняется не только его обличениями существующих институтов, но и его

позитивной программой". Эли предложил разработать "практическую социальную реформу", которая смогла бы добавить "консервативным и осторожным путем" к существующей системе "сильные качества социализма". Самым выдающимся среди социалистических учений Эли признавал марксизм, который по его убеждению имел все шансы реализоваться в условиях господства "естественных" социально-экономических сил и "пассивного государства"²³.

Подобное отношение к социализму и марксизму восприняли в тот период очень многие американские либералы: самые известные примеры — экономист Э. Селигман и историк Ч. Бирд. Они развернули широкий конструктивный спор-диалог с социалистическим учением, который положил начало процессу социализации американского либерализма. Но обретение либерализмом социал-реформистских черт не было только защитной реакцией на весьма быстрое распространение социализма в США. Оно было и следствием естественного саморазвития, дальнейшей реализации гуманистического потенциала американского демократического либерализма. Выдвигая способы обновления органических структур, либералы конца XIX — нач. XX вв. заимствовали и развивали аргументы, заключенные не только в социалистических доктринах, но и в национальной либеральной традиции. Ими была реанимирована идея Джейфферсона, Франклина и Пейна о собственности как продукте общественного договора: обнаружив в ней не только "частный", но и "социальный" элементы, либералы декларировали право государства на социально-экономическое регулирование и планирование.

В конце XIX века в США сложилась весьма прочная модель социального либерализма. Она опиралась как на наследие демократического либерализма Джейфферсона, Джексона, Линкольна, так и на собственные наработки выразителей так называемого нового либерализма. Однако поколебать позиции элитарно-индивидуалистического либерализма либерализму социальному тогда не удалось. XIX век заканчивался в США под знаком экономического, политического и идеологического господства монополистического капитала.

Но уже в начале следующего века соотношение сил сторонников двух ветвей либерализма резко поменялось. В последующем же именно социальный либерализм стал идентифицироваться в США с либерализмом в целом. Что же касается элитарно-индивидуалистического либерализма, то он в XX веке стал прочно отождествляться с американским консерватизмом.

1 Партингтон В.Л. Основные течения американской мысли. В 3-х т. М., 1962-1963. Т. 3. С. 355.

2 Hartz L. The Liberal Tradition in America. An Interpretation of American Political Thought Since the Revolution. NY, 1955 (рус.пер.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993).

3 См. подробно: Согрин В.В. Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980, глава 2.

4 The Complete Writings of Thomas Paine. Vols. 1-2. Ed by P.S. Foner. NY, 1945, Vol. 1, P. 275-276.

- 5 The Writings of Benjamin Franklin. 10 vols. Ed. by A.H.Smyth. New York — London. 1905-1907, Vol. 9. P. 138.
- 6 The Papers of Thomas Jefferson. Vols. 1-21. Ed. by J.P.Boyd, Ch. T.Cullen. Princeton, 1950-1983. Vol. 1. P. 292; Vol. 8. P. 682; Vol. 11. P. 49.
- 7 The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 610-612.
- 8 The Writings of Benjamin Franklin. Vol. 8. P. 604.
- 9 Американские просветители. Избр.произв. В 2-х т. М., 1968-1969. Т. 2. С. 119.
- 10 Там же.
- 11 The Records of the Federal Convention of 1787. 4 vols. Ed. by M.Farrand. New Haven-London, 1966. Vol. 1. P. 422-423.
- 12 The Papers of Alexander Hamilton. 25 vols. Ed. by H.C.Syrett. NY-L., 1961-1979. Vol. 4. P. 218-219.
- 13 Паррингтон В.Л. Указ.соч. Т. 1. С. 423.
- 14 Leggett W. The Devision of Parties. — Social Theories of Jacksonian Democracy. Ed. by J.L.Blau. NY, 1947. P. 67.
- 15 Schlesinger A.M., Jr. The Age of Jackson. NY, 1963. P. 312.
- 16 The Collected Works of Abraham Linkoln. 9 vols. Ed. by R.F.Basler. New Brunswick (NY), Vol. 2. P. 249; Vol. 3. P. 296, 375.
- 17 Ibid. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.
- 18 Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. NY, 1944. P. 33.
- 19 Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other. NY, 1920. P. 119-120.
- 20 История США. В 4-х т. М., 1983-1987. Т. 2. С. 28.
- 21 Ward L. Applied Sociology. A Treatise on Conscious Improvement of Society by Society. NY, 1906.
- 22 Ely R. Studies in the Evolution of Industrial Society. NY, 1903. P. 85.
- 23 Ely R. Socialism. An Examination of Its Nature, Its Strength and Its Weakness with Suggestions for Social Reform. NY, 1894. P. 254, 256.

ГЛАВА 3

ТРУДНЫЕ СУДЬБЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Изучая французский либерализм, его сильные и слабые стороны, исследователи обычно сопоставляют его с английским вариантом: так, для Д.Шапиро различие между ними вытекает из особенностей исторического развития, хотя системообразующие принципы и в том, и в другом случае почти идентичны. Во Франции либеральное движение нашло свое выражение преимущественно в деятельности философов-просветителей. Реальные же достижения либерализма в Англии заключались в постоянном обновлении социального организма посредством реформ и в создании особого организма, позволившего обеспечить стабильное управление страной. Основное различие между обеими разновидностями европейской либеральной традиции Д.Шапиро видит в том, что "английский либерализм отнесен печатью компромиссов, французский же, наоборот, является абстрактным, доктринерским, бескомпромиссным"¹.

Отметим, что эта верность изначально провозглашенным принципам и доктрина имела для французского либерализма двоякие последствия: она снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории (назовем среди них излишества социального либерализма и растущее пренебрежение принципом формальных свобод, едва не стершие грань между либеральной и социалистической мыслью; забвение этических начал ради экономической эффективности, важности свобод в первую очередь ради развития творческих способностей индивида, а не только ради уровня его благосостояния).

Идеи, легшие в основание либерального течения, появились, как известно, гораздо раньше самого термина. Главная из них — идея свободы, автономии индивида относительно общества, государства и его институтов. Свобода была отнесена к числу "естественных", "неотчуждаемых" прав человека. Для либерального мировоззрения, в том числе французского, характерно представление о свободе как о самоценном благе, которое не может служить каким-либо чисто utilitarным целям. Высказывая такую точку зрения, самый известный французский либеральный мыслитель XIX века, А.де Токвиль, писал: "Не думаю, чтобы истинная любовь к свободе когда-либо порождалась одним лишь зреющим доставляемых ею материальных благ... Что во все времена так сильно привязывало к ней сердца некоторых людей, это — ее непосредственные преимущества, ее собственные прелести, независимо от приносимых ею благодеяний: это — наслаждение, заключающееся в праве говорить, действовать, дышать без стеснения, повинуясь только богу и законам. Кто ищет в свободе чего-либо другого, а не ее самой, тот создан для рабства"².

Либерализм, как воплощение стремления к свободе индивидуума, не следует смешивать с социальным строем, в рамках которого он сформировался, и с классом буржуазии, который сыграл первостепенную роль в развитии и утверждении либеральной доктрины. В период с XVI по XVIII вв., когда новый класс только еще боролся за политическую власть, его идеологи не стремились тесно связывать

свободу и независимость индивида с уровнем его экономического процветания, как в более позднее время. Умственные способности, воображение, упорство и настойчивость в достижении цели — вот те черты личности, которые составляли источник ее свободы и индивидуальности.

Своим оформлением либерализм повсюду обязан в первую очередь Просвещению, а самых ярких своих выразителей Просвещение обрело во Франции. Существенное влияние на политическую и культурную жизнь Франции и Европы эпохи Просвещения оказал Шарль-Луи де Монтескье (1689-1755), один из родоначальников и европейского либерализма, писатель, философ и историк. В своих произведениях "Персидские письма" (1721 г.), "Рассуждение о причинах величия и падения римлян" (1734 г.), "О духе законов" (1748 г.) он излагал философию истории, как основанную на определенных закономерностях, а не только на воле отдельных лиц. В законах французский мыслитель видел не произвольное создание людей, а следствие данных условий. Законы в смысле человеческих установлений несут на себе отпечаток мирового разума, как и естественные законы, управляющие миром. Закон есть постоянное отношение между известными явлениями, вытекающее из природы этих явлений. Эти постоянные отношения видоизменяются сообразно с условиями, в которых живут люди — физическими свойствами страны, ее климатом, качествами почвы, образом жизни населения, степенью свободы, допускаемой государственными учреждениями, религией населения, его благосостоянием, торговлей, нравами и привычками.

В "Духе законов" Монтескье изложил свое учение о государственных учреждениях, обеспечивающих политическую свободу. В связи с этим следует отметить, что Монтескье способствовал развитию историзма. В XVIII в. господствовал рационализм, рассматривавший действительность с точки зрения отвлеченного разума, под который подгонялись факты. Так государство выводили из естественного состояния людей, у Монтескье же естественное состояние изображается как низшая ступень культуры. Общий закон разума преодоляется у него под влиянием местных условий: законы отдельных народов не только крайне разнообразны, но и не везде приложимы.

Особенно весомым было влияние политической теории Монтескье. Более всего его тревожил процесс перерождения старинной феодальной монархии в абсолютизм. Вместо восходящего к Аристотелю деления форм правления на монархию, аристократию и демократию, Монтескье давал иную классификацию: республика в двух видах — аристократическая и демократическая, а так же монархия и деспотия. Отличительным признаком монархии он считал существование посредствующих властей между монархом и народом в виде привилегированных сословий и самостоятельных корпораций (французские парламенты). Именно они препятствовали превращению монархии в деспотию. Ему принадлежит глубокое наблюдение, согласно которому всякий образ правления тесно связан с нравственным мировоззрением народа, руководящим стремлениями и потребностями граждан.

Монтескье был не только поклонником свободы, но и отличался скрупулезным пониманием ее сущности: он проводил разграничение между властью и свободой народа, подчеркивая, что демокра-

тия сама по себе не служит гарантией свободы и что последняя царит там, где власть умеренна. Задумав учение о разделении властей у Локка, Монтескье видоизменил его, подразделив государственную власть на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме этого, он считал необходимой гарантию против злоупотребления властью, то есть такой порядок вещей, при котором одна власть может сдерживать другую.

Все эти гарантии он находил в английской конституции, которую изображал скорее как идеальную модель. Едва ли Монтескье желал применения английской конституции во Франции: этому противоречит его основная мысль, согласно которой лучшие законы — те, которые соответствуют характеру и привычкам народа. Как и другие либеральные философы Просвещения, Монтескье стремился не к ниспровержению старого порядка, а к исправлению вкравшихся в него злоупотреблений, ведущих к деспотизму. Конституционная схема стала главным в наследии Монтескье: она открыла глаза симпатичным англичанам, до того мало интересовавшимся теоретической стороной своих учреждений, повлияла на организацию власти США (что касается французских либералов, то лишь спустя полвека они смогли претворить в жизнь его теорию). Вместе с тем институты имели для него лишь относительную ценность: монархия или республика, аристократия или демократия — можно принять любой из этих режимов, если это продиктовано обстоятельствами и нравами.

В его сочинениях можно найти не один пример приспособления принципов к обстоятельствам. Так, по столь серьезному для того времени вопросу, как религиозная терпимость, он писал: "Когда от нас зависит, принимать ли в государстве новую религию, или не принимать — вводить ее не стоит; когда же она введена, ее следует терпеть"³. В целом то, что существует, предпочтительнее перемен. Это станет аксиомой политики Ф. Гизо и либералов-орлеанистов в следующем веке, как и чувство политического релятивизма, обнаружившееся в их гибком приспособлении к изменениям режима. К концепциям Монтескье восходит, прежде всего, "аристократическое" направление во французском либерализме, привязанное к традициям и склонное к постепенным изменениям: оно отличается от либерализма "трех сословного", опиравшегося на "права человека" и готового искоренять злоупотребления и привилегии даже революционным путем.

Произведение столь грандиозного масштаба, как "Дух законов", отсутствует в литературно-философском наследии другого идеологического гиганта XVIII века, Ф. Вольтера (1694-1778), однако его влияние на современников было так велико, что подчас его именем называют всю эпоху Просвещения. Вольтера мало интересовали вопросы общественного устройства и конституционной реформы: разумное правление просвещенного монарха — вот его идеал: оно остановит злоупотребления и несправедливые привилегии, откроет дорогу талантам, но сохранит сословную иерархию. Вольтер сам надеялся стать советником просвещенных монархов — Фридриха II, затем Екатерины II, написал сочинение о преобразовательной деятельности Петра I. На протяжении всей жизни он пылко отстаивал основные требования индивидуальной свободы: свободу мыслить и писать, религиозную терпимость, судебные гарантии от произвола

Его влияние на современников определялось не только интеллектуальными построениями, но и духом вольномыслия, скептицизма и насмешливого сомнения в нормах и законах старого мира.

Мощный толчок развитого Просвещения и либерализма дала "Энциклопедия", вокруг которой Дени Дидро (1713-1784) объединил видных ученых и философов своего времени; ее замысел проникнут каждой знания, рационального объяснения явлений. Обличая пороки управления, ее авторы стремились устраниить уклон монархии к деспотизму. 28 томов "Энциклопедии наук, искусств и ремесел", из них 11 томов иллюстраций и гравюр, выходили с 1751 по 1772 гг. Этот компендий знаний эпохи нес на своих страницах мировоззрение рационалистическое, отвергавшее сословные предрассудки, подчеркивавшее вклад торгового и промышленного сословия в процветание нации.

С "Энциклопедией" был тесно связан кружок физиократов, крупнейшие из которых — Ф.Кенэ, А.Тюрго — оставили значительные труды, первыми провозгласили принципы экономического либерализма — *laissez faire, laissez passer*, то есть "предоставьте свободу действовать". Физиократы осудили корпоративную организацию труда, таможенные препятствия в торговле; согласно их теории, сельское хозяйство — единственный источник чистого продукта, должно развиваться фермерским путем. В 1758 г. было опубликовано "Экономическое табло" Ф.Кенэ, где обосновывалась эффективность "естественного порядка", который основывается на собственности и свободе, не предполагая вмешательстваластей. Новая экономическая программа должна была сопровождаться реформой политических институтов: она изложена в трактате Ф.Кенэ и М.де ла Ривьера "Естественный и основополагающий порядок человеческих обществ". Согласно ему, общественная власть имеет в качестве основной миссии обеспечение естественных законов, безопасности и собственности. Для их лучшего понимания подданными она должна обеспечить образование и свободу прессы, а также общественные работы. "Общий интерес" наилучшим образом обеспечивается частными интересами, а последние состоят в обладании индивидуальными правами; при этом "все права, на которые разумное существо может претендовать, заключены в правах собственности"¹. Собственность и свобода ее пользоваться — вот естественные основы социального порядка.

Философы XVIII в. не стремились к разрушению существующего порядка. Революцию 1789 года делали представители другого поколения: аристократы или буржуа, извлекшие из чтения просветителей определенные взгляды, которые подверглись радикализации в ходе самой революции. Основополагающая для французских философов-либералов концепция "естественного порядка", который даровал человеку его природные и неотчуждаемые права, имеющие универсальную ценность и значение, легла в основу принятой в 1789 г. Декларации прав человека и гражданина.

Ее текст состоит из краткого введения, в котором заявляется, что единственными причинами общественных бед и упадка правления являются незнание, забвение и пренебрежение естественными, священными и неотчуждаемыми правами человека; далее следуют 17 статей, основанные на двух идеях политической философии естеств-

венного права — идеи индивидуальной свободы и идеи народовластия. Все люди свободны и равны в правах. Цель общества — сохранение прав личности: свободы собственности, безопасности и сопротивления угнетению. Верховная власть принадлежит нации. Закон есть выражение общей воли: участвовать в издании законов имеют право все граждане лично или через представителей. Особые статьи обеспечивали личную неприкосновенность, судебные гарантии личности, свободу совести и мысли, слова и печати. Общественная власть существует для всеобщего блага; налоги для ее содержания должны быть распределены равномерно, через своих представителей граждане имеют право сами определять их размер и способ взимания. Общество имеет право требовать отчета у своих представителей: гарантия прав и разделение властей — первое условие конституции. Историческое значение Декларации и ее вариаций 1793 и 1795 гг. заключалось в стремлении дать законодательную санкцию самым важным принципам политической философии естественного права, которая произвела переворот в политических взглядах и отношениях нового времени.

Конституционные акты Франции, как и прежние конституционные акты Великобритании (Билль о правах 1689 г.), США (конституция 1787 г.), объединяла общая идея — вера в уникальность индивида, "который является одновременно источником своих прав и конечной целью всех политических и социальных институтов"⁵. В то же время в этих документах в качестве "основы свободы", наряду с автономией индивида и его личной безопасностью утверждалась частная собственность.

В истории французского либерализма его первая стадия была гораздо более революционной, чем все последующие. Несмотря на давние и богатые историко-философские и политические традиции, французский либерализм дозревает позднее, чем в англосаксонских странах: в начале XIX в. он все еще остается аристократическим, склонным к компромиссу с королем и дворянством. В ходе революции на первое место вышло понятие "равенство", нанесшее понятию "свобода", равно как и реальным свободам предшествующего времени, немалый ущерб. Развитие либерализма, идеями которого отмечена первая фаза революции, было прервано в годы Террора. Именно этим ранним столкновением "свободы" и "равенства", обнаружившим их несовместимость, мотивирует известный французский историк Пьер Шоню "консервативный" характер французского либерализма и его последующую трудную судьбу: "Революция, избрав путь равенства, перестает быть либеральной. Либералы станут монархистами и отправятся в эмиграцию. На многие годы революция закрыла двери либерализму"⁶.

Период с 27 июля 1794 г. по 9 ноября 1799 г., в ходе которого террористический Конвент установил режим Директории, принявший новую конституцию (1795 г.), называют "буржуазной республикой". В это неустойчивое, переходное время группа либерально настроенных деятелей — "идеологи" — попытала омолодить философию XVIII в. и дать более прочные основы миру, возникшему в результате революции. Все они осуждали ее якобинскую fazu, но тем не менее искренне поддерживали республику и стремились развить принципы 1789 г. в прочные институты власти, приняв с этой целью ак-

тивное участие в подготовке конституции 1795 г. Была сохранена Декларация прав человека и гражданина (из которой, правда, исключалась статья "все люди рождаются свободными и равными в правах"); она была дополнена Декларацией обязанностей, в которой подтверждалось нерушимое право собственности ("обработка земель, все производство, весь общественный порядок покоятся на сохранении собственности")⁷.

Поколение либералов, так называемых "идеологов", во многом связано с XVIII веком и его мыслью. Аббат Сийес родился в 1748 г. — в год появления "Духа законов" Монтескье. Дестют де Траси, 1754 г. рождения, — современник Лафайета. Младший среди "идеологов" — Дону (1761-1840) — современник следующего поколения либералов, связанного с именами Жермены де Стель и Бенжамена Констана.

Аббат Сийес (1748-1836) знаменит своими брошюрами, в которых отожествлял третье сословие со всей нацией и выступал против привилегий, проповедуя созидание "новой Франции". Соблюдение прав человека — первостепенная забота общества. Для Сийеса, как и для остальных "идеологов", прямая демократия соответствует первичной стадии цивилизации. Политическое же представительство следует доверить компетентной эlite. Представительство есть единственное выражение нации, поскольку без него не было бы возможно собрать все сообщество. Благоразумие требует ограничить представительские полномочия как во времени, так и в целях. После 1803 г. роль Сийеса была исчерпана. Однако в некоторых отношениях он является предшественником Констана, настаивая на необходимости гарантировать гражданину достаточно обширную сферу, куда политической власти запрещено вмешиваться.

Траси (1754-1836), пожалуй, самый известный из "идеологов", — это позитивист, утилитарист, радикал и антиклерикал. История представлялась ему "музеем человеческих заблуждений". Эволюцию нравов ускорить невозможно, но государство должно создавать для нее условия, устранивая привилегии и гарантируя индивидуальную свободу. Конституционная монархия еще долго будет лучшим из правительств в Европе и особенно во Франции. "Чистая демократия" и "чистая монархия" (прямая демократия античности и деспотия) свойственны младенческому состоянию обществ. Современное правительство есть репрезентативное: оно зависит от состояния нравов и от продуманной конституции.

Дону (1761-1849), как и Сийес, во многом разделял идеи 1789 г. Умеренный член Конвента, затем Совета Пятисот, он стал профессором в Коллеж де Франс, а после Реставрации избирался депутатом, затем стал пэром Франции. Его "Эссе о личных гарантиях, которых требует нынешнее состояние общества", было опубликовано в 1818 г. и многократно переиздавалось. В нем защищались институты, гарантирующие безопасность личности, собственности, промышленности, мнений и т.д. Развитие частной сферы деятельности отворачивает от политики, которая поглощает невежественные и грубые народы, поэтому забота о практических делах становится "подлинным патриотизмом, залогом спокойствия государства, как и его процветания". Граждане, далекие от погони за общественными должностями, рассматривают их как неизбежное зло. государственные дела ин-

тересуют лишь немногих, и то в экономическом аспекте. Представительное правление — благо потому, что избавляет гражданина от подобной заботы; ибо лучше всего быть собственником, на этом основана личная независимость.

Традиции старого порядка и после революции еще очень долго жили в умах, сердцах и позициях целого поколения. Режим Реставрации, установившийся в 1814 г., стал политической опорой для всех, чьи симпатии были на стороне старого порядка. Реставрация привела к возвращению династии Бурбонов, а вместе с нею — идеи монархии божьей милостью. Вместе с королем вернулись из эмиграции старая аристократия и двор, изгнанные их страны в период якобинского террора. Именно эти группы, желавшие возвращения им всех привилегий, стремились по возможности перечеркнуть все, что совершила революция и наполеоновская империя. Однако от начала революции прошло уже 20 лет, и некоторые ее завоевания невозможно было уничтожить. Нельзя было отменить принцип равенства перед законом, нельзя было не согласиться с новым разделом собственности. Переход значительной части феодального имущества в руки крестьян и буржуазии стал необратимым.

Поэтому несмотря на возвращение, казалось бы, к старому порядку, шло дальнейшее формирование государства и общества французской буржуазии, которая шла к осуществлению своих политических замыслов, овладевая ареной парламентской игры. Можно было бы назвать период 1815-1848 гг., особенно первое пятнадцатилетие до революции 1830 г., дальнейшим столкновением двух эпох, знаменовавшим вторую fazу послереволюционного процесса.

Традиционные институты после 1814 года должны были сосуществовать с новыми. Король "божьей милостью" сам признал необходимым поделиться своей властью с представителями общества, принял хартию-конституцию, которая стала неизбежной уступкой принципиальным переменам в общественных мнениях и позициях. Конституционная хартия закрепляла многие важные результаты революции — отмену сословных привилегий, всеобщее обложение граждан налогами, свободу личности и некоторые другие буржуазно-демократические свободы. Особая статья гарантировала неприкосновенность распроданных церковных и эмигрантских земель, перешедших в руки буржуазии и зажиточного крестьянства.

Хартия превращала Францию в конституционную монархию с двухпалатной системой. Члены палаты первов назначались королем, это звание становилось наследственным. Палата депутатов была избирной, но избирательными правами пользовались только лица, платившие не менее 300 франков прямых налогов и достигшие 30-летнего возраста. Еще уже был круг лиц, из которых выбирались депутаты: здесь имущественный ценз составлял 1000 франков, возрастной — 40 лет.

Монарх формально сохранял полноту власти, но законодательную функцию осуществлял совместно с парламентом. Таким образом, конституционная хартия 1814 г. была компромиссом между различными общественными силами, между дворянско-аристократической партией и партией умеренной крупной буржуазии, допущенной к участию в руководстве политической жизнью. Около короля, как символа традиции и прошлого, и около парламента — символа ре-

волюционных перемен и послереволюционного будущего — сосредоточились основные темы и проекты будущего государственного устройства Франции.

Либеральная мысль той эпохи была сосредоточена в группе интеллигентов, игравших довольно активную роль в политике: это были Г.де Барант, П.Руайе-Коллар, Ф.Гизо, Ш.Ремюза, В.де Брольи и др. Их называли доктринерами. Цель их заключалась в проведении теоретических положений либерализма в практику управления государством. Доктринеры пережили революцию и принимали сложившееся в ее результате новое общество, однако собственно революционный способ действия ими решительно осуждался. Ремюза писал: "Тerror сыграл роковую роль в Революции. Он затормозил ее ход, обратил его вспять; однако есть люди, считающие, что он был ее неизбежным следствием: это ложная и опасная идея, как раз наоборот, террор был случайностью. Его причиной явились обстоятельства, которых могло бы и не быть, а вовсе не дух времени, которого не могло не быть"⁸. Ни революция, ни империя не сумели создать правительство, которое стабилизировало бы ее результаты, закрепило бы добытые свободы: создать такое правительство и поставили своей задачей доктринеры. Общая для них идея, которую провозглашал с кафедры университета Ф.Гизо, состояла в следующем. Революция есть высшая стадия вековой эволюции, ведущей к обществу равных прав, а фактически — к преобладанию средних классов. Средние классы заметно приблизились к высшим, вторил ему Руайе-Коллар. Богатство создает досуг, досуг ведет к просвещению; люди из средних классов вполне подошли к занятиям общественными делами, считая их своим кровным делом.

В аристократическом либерализме Реставрации господствовала личность Ф.Шатобриана. Автор "Опыта о революциях", "Гения христианства", он сосредоточился на осмыслиении недавней истории. В 1814 г. Шатобриан опубликовал трактат "О монархии согласно Хартии", где оправдывал новый парламентский режим, хотя большинство в нем тогда занимали ультраполясты. В нем было живо чувство аристократической свободы, которая противостоит всякому произволу, в том числе чрезмерно централизованной, обюрократившейся монархии. Вернуть былое значение духовенству и знати с помощью представительных институтов — значит создать систему противовесов королевской власти. Король царствует, но его подданные должны быть вне досягаемости для его администрации и двора. "Этот либерализм скорее вдохновлялся понятиями рыцарской чести, нежели Декларацией прав. Явившись из отдаленного прошлого, эпохи вольностей и привилегий, — пишет Жирар, — он противостоит в равной мере абсолютной монархии, как и революционному равенству... Эти либералы продолжают тенденцию децентрализации. Токвиль вышел из их среды"⁹.

В основанном им журнале "Консерватор", "Исторических исследованиях", "Загробных мемуарах" Шатобриан проводил мысль, согласно которой каждая политическая форма, подобно живому существу, должна пройти цикл своего развития. Суть процессов нашего времени — упадок абсолютной монархии и наступление века республик. Нереально игнорировать этот факт, химерична всякая попытка реставрировать старый порядок, но столь же химерична опасна для

свободы и человеческого достоинства всякая попытка ускорить неумолимый ход исторического процесса. Для наступления республики необходимо улучшение нравов, распространение образования. Революция и Империя пытались прежде всего осуществить подобный режим — первая с помощью Террора, вторая — войной в погоне за славой. В обоих случаях свобода, высшая ценность, была принесена в жертву.

Шатобриан отвергал революционные действия, он верил в историческую преемственность, которую не следует прерывать: к живому телу традиции следует бережно прививать ростки нового.

В эпоху Реставрации весьма широким было влияние знаменитой пары — Жермены де Стель и Бенжамена Констана, воплощавших самый дух либерализма. Де Стель (1766-1817) была дочерью банкира Неккера, ставшего министром Людовика XVI. Ее мать принимала в своем салоне последнее поколение философов. Жермена с энтузиазмом встретила движение 1789 г., когда ее отец был членом Учредительного собрания. Этот период закончился с падением короля; Жермена вместе с отцом отправилась в изгнание в Швейцарию, где на берегу Женевского озера в замке Коппе ожидала конца Террора. Здесь в 1794 г. она знакомится с Констаном; после Термидора они вместе возвращаются в Париж, где она становится умеренной республиканкой и вновь открывает знаменитый салон. По мере проявления характера власти Наполеона все более обнаруживалась его несовместимость с протестантским либерализмом дома Неккеров. Мадам де Стель изгнана из Парижа; ее резиденцией вновь становится замок Коппе, где собирается вся интеллектуальная Европа, независимая от Наполеона. Коппе становится прибежищем либерализма, как и романтизма, его обитатели черпают вдохновение в культуре Англии, Германии — стран, сопротивлявшихся наполеоновскому влиянию.

"Размышления об основных событиях французской революции" написаны де Стель в начале эпохи Реставрации, когда взоры вновь обратились к наследию революционной эпохи. Де Стель хотела прежде всего защитить память своего отца: якобинскому террору и империи она противопоставляет конституционную монархию на английский лад и дает свою интерпретацию Хартии. Монархисты обвиняли Неккера в том, что он способствовал революции. Де Стель показывала, что событие подобного масштаба не могло быть делом рук одного человека, это результат постепенной эволюции идей. Неккер стремился установить во Франции представительные институты при короле: он потерпел поражение, но Учредительное собрание тоже потерпело поражение! Объясняя неудачу, автор указывала на неопытность конституционного правительства, но главную причину видела в поведении двора. Эмиграция сделала конституционную монархию невозможной, поскольку лишила ее поддержки консервативных элементов. "Поскольку вельможи не оказали никакой поддержки свободе, демократические силы неизбежно одержали верх... Революция изменила предмет и сферу действия: уже не свобода, а равенство стали ее целью, и низший класс общества начал с этого дня брать верх над теми, кто призван управлять благодаря просвещению"¹⁰. Де Стель, как и все либералы той эпохи являлась сторонницей цензового подхода. Кроме того, она больше доверяла

институтам, нежели уникальным личностям, вроде Наполеона, противопоставляя ему опыт своего отца. Неккер, писала она, был убежден, что гениальный человек должен трудиться, чтобы сделать себя ненужным, основывая институты, способные выдержать испытание временем.

Автор ставила в пример французам Англию, неизменно ее идеализируя. Французов же она сравнивала со вчерашними англичанами: распространение представительных институтов, и прежде всего Хартии, должно было исцелить их от рабского преклонения перед властью, улучшить общественную мораль. Будучи убежденной протестанткой, де Стель полагала, что католицизм менее благоприятствует духу свободы. Ссылаясь на тех же англичан, она писала, что религия есть опора государства и морали. Вслед за ней все либералы станут связывать мораль, религию и политику, и это заметно отличает их от "идеологов", которые в духе философии Просвещения проводили резкую грань между "добротелью" и "предрассудками", как именовалась ими религия. Для де Стель "именно потому, что французы не соединили религию со свободой, их революция столь рано уклонилась от своего первоначального направления"¹¹.

Центральной темой для послереволюционного либерализма Франции была проблема свободы личности. Государственный строй должен был быть для этой свободы только гарантой. Главным теоретиком свободы среди либералов был Бенжамен Констан. "Индивидуальная независимость — самая важная потребность современного человека. Поэтому никогда нельзя приносить в жертву эту независимость при установлении политических свобод"¹² — такова была ведущая идея рассуждений Констана, центральный пункт его расхождений с демократической концепцией Ж.Ж.Руссо. Для Констана концепция народного суверенитета и демократии, содержавшаяся в трудах женевского философа, означала навязывание современному человеку свободы, которой могли удовлетвориться лишь древние люди. Зависимость личности от общества в античных условиях была полной в экономическом, политическом и духовном смысле. Свобода древних означала поэтому только право на участие в политической жизни общества, соучастие в принятии важных решений, в обмен на что личность легко и охотно отказывалась от индивидуальной самостоятельности.

Концепция свободы Констана относится к так называемой "негативной" свободе, свободе от вмешательства властей в автономную область личных свобод. "Граждане обладают индивидуальными правами, независимыми от всякой общественно-политической власти, а любая власть, нарушающая эти права, становится незаконной", — писал Констан. В обосновании этого он видел смысл своей деятельности: "В продолжение 40 лет я защищал один и тот же принцип — свободу во всем: в религии, философии, литературе, в промышленности, политике, подразумевая под свободой защиту личности от власти, желающей управлять посредством деспотизма, и от масс, настаивающих на подчинении себе меньшинства"¹³. Политическое общество современности не имело целью равенство, которое связано с архаической концепцией свободы у древних и которое утратило смысл и стало опасным в условиях нового времени. Задача состояла в разделении власти в обществе между всеми гражданами.

но при этом они считали совместимым с этой коллективной свободой полное подчинение индивида власти общества, так что индивид, суверенный в общественных делах, являлся как бы рабом в частной жизни. Новое понимание свободы означало прежде всего гарантии прав личности (защита от произвола властей, право высказывать свое мнение, распоряжаться собственностью, оказывать влияние на решения властей, и т.д.). Независимость индивида в частной жизни возможна, только если власть государства ограничена, неважно при этом, зависит ли ее суверенный характер от народа или от монарха.

И наоборот, всякая власть, нарушающая права личности, становится незаконной. Поэтому концепция "общественного договора" Руссо "служит деспотизму, не принимающему в расчет, что там, где начинается независимое существование личности, юрисдикция суверенной власти останавливается" и что "одобрение большинства ни в коей мере не делает эти акты легитимными". Новые требования управления наилучшим образом обеспечивает представительная система правления, посредством которой "нация перепоручает нескользким индивидам то, что не хочет делать сама"¹⁴. Такая система логически означает, согласно Констану, осуждение всякой формы всеобщего голосования: участие в выборах должно быть ограничено кругом граждан, удовлетворяющих имущественному и образовательному цензу. Рассуждая в духе времени, Констан утверждал, что для занятий политикой необходим досуг как условие просвещения, который могут себе позволить только состоятельные граждане.

Слева от этого умеренного крыла де Сталь-Констана находилась группа политиков и идеологов, называвшая себя радикалами или республиканцами. Принадлежность многих из них к либеральному лагерю сомнительна потому, что некоторые из них провозглашали тезисы утопического социализма. Но значительная часть этой группировки до революции 1848 г. являлась крайне левым крылом либералов в их борьбе против деспотизма. Но в целом в тот период преобладал аристократический либерализм.

Интеллектуальный перелом во французской либеральной мысли совершил Алексис де Токвиль, заявивший об исторической неизбежности перехода к демократическому либерализму. Если ранние либералы, классические представители аристократической его версии, — Б. Констан, Ф. Гизо, Н. Руайе-Коллар — надеялись, что наилучшей защитой прав и свобод личности послужат институты, ограничивающие государственную власть и препятствующие участию масс в политике, то А. де Токвиль, признавая наступление века демократии неизбежным, сосредоточился на поиске способов, предназначенных помешать развитию деспотизма и сохранить политическую свободу, или на том, по выражению Р. Ариона, как совместить равенство и свободу. Эти вопросы поставлены в работе "О демократии в Америке" (1835) — итоге путешествия ее автора в Соединенные Штаты и продолжены в исследовании "Старый порядок и революция" (1850).

Алексис де Токвиль принадлежал к чрезвычайно старинному нормандскому дворянству. Арестованные во время террора, его родители были спасены лишь благодаря перевороту 9 Термидора, но кое-кто из родни погиб на эшафоте. Рожденный аристократом, он имел все основания ненавидеть тот эгалитаризм, кровавые последствия которого ему довелось наблюдать во Франции, а в США — раз-

мышлять над его негативным воздействием на нравы. Однако он не стал защитником аристократии, поскольку она разрушена; что касается демократии, то ее остановить невозможно, но следует попытаться ее "воспитать", сделать "полезной людям". Следует ясно представлять себе те негативные тенденции, которые ей присущи, чтобы нейтрализовать их.

Согласно рассуждениям Токвиля, на смену прежним аристократическим обществам приходят демократические. Отличительной чертой демократии по мере ее развития является стремление не к свободе, а к равенству, из чего следует, что такая демократия может привести к деспотизму. Поскольку Токвиль является ярым приверженцем свободы и поскольку он одновременно был убежден, что старая Европа вслед за юной Америкой вступает в демократический век, то основная проблема, в его глазах, состояла в том, как сохранить свободу в рамках неотвратимой демократии.

Превосходство Токвиля над Констаном и аристократическими либералами его времени выражается в признании неизбежности и неотвратимости демократического развития: "Великая демократическая революция совершается среди нас: все ее видят, но не все имеют о ней одинаковое мнение. Одни считают это новым явлением и, принимая его за случайность, надеются, что сумеют остановить процесс, тогда как другие считают его неодолимым, поскольку он представляется им феноменом, берущим начало в глубине времен, самым устойчивым и непрерывным из известных в истории"¹⁵. Если Констан возлагал надежды на цензовое избирательное право, то с точки зрения Токвиля утверждение народного суверенитета неизбежно: "Разумно ли предполагать, что общественное движение, развивающееся со столь давних пор, может быть приостановлено усилиями одного поколения? Можно ли думать, что, разрушив феодальный строй и победив королей, демократия отступит перед буржуазией и богачами? Остановится ли она теперь, когда она стала сильной, а ее противники такими слабыми?"¹⁶.

Изучая "действующую модель демократии" на примере Америки, Токвиль, по его собственному признанию, постоянно проецировал ее на Францию. "Хотя я редко упоминал Францию" — признается он позднее, "я не написал ни единой страницы без того, чтобы ее образ не был у меня перед глазами". И на страницах своего труда, и в последующих работах он постоянно возвращался к анализу ее общественных пороков и недостатков, их глубинных причин, как и перспектив ее политического развития. Он находил их в истории старого порядка и революции, которая "соединила в себе обе тенденции — и к республике, и к централизации". То, что демократический процесс во Франции развивался столь противоречиво, объяснялось им в первую очередь последствиями административной централизации и классовым расколом, приведшим к созданию институтов, не способных к сочетанию свободы и равенства. Изучая многочисленные материалы по истории предреволюционной Франции, Токвиль приходил к выводу, что такое характерное явление французской политической жизни, как централизация, порождено отнюдь не революцией. Он убедительно показывал, что при старом порядке административная опека, парализовавшая общественную жизнь страны,

— подчеркивал он, — не погибла в революцию благодаря тому, что сама была началом этой революции и признаком ее"¹⁷.

Главной причиной централизации при старом порядке было стремление монархии лишить родовую аристократию всякой политической власти и опираться на чиновничество, формируемое из буржуа. Тем самым доказывал Токвиль, монархия сама подрывала свою собственную социальную основу. Объективную роль препятствия на пути деспотизма и произвола, которую "историческая аристократия играла до своего нынешнего упадка", Токвиль определил следующим образом: "В сумерках будущего можно различить три очень ясные истины. Первая из них та, что все современные люди увличены какой-то неведомой силой, которую можно надеяться регулировать и замедлять, но не победить и которая то подталкивает, то с силой мчит их к уничтожению аристократии; вторая — та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избегнуть абсолютного правления тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более гибельным последствиям, чем в таких именно обществах"¹⁸.

Анализируя демократический процесс, автор "Демократии в Америке" ясно видел две его движущих силы — свободу и равенство: хотя конфликт между ними не был неизбежным с логической точки зрения, некие роковые силы постоянно вели к нему в реальной жизни. Токвиль замечал, что люди ищут свободы, чтобы избежать неравенства, создающего отношения зависимости, но едва они свергали тиранию, как им угрожала другая, на этот раз с их собственного согласия. В самом деле, уравнивание условий с каждым днем усиливается благодаря демократизации нравов, присущей развитию буржуазной цивилизации. Люди при этом, несомненно, приобретают вкус к политической свободе, но эта свобода будет все более выражаться в общей воле, источнике единобразного законодательства, тем более обременительного, что оно будет санкционировано всей мощью представительного органа. Тирания ассамблей возникнет, таким образом, из желания индивидов возложить на коллективную власть заботу о сохранении равенства. Так может возникнуть порабощение индивида с добровольного согласия массой. В заключительных главах "Демократии в Америке", особенно в главе "Какого рода деспотизм должны опасаться демократические нации", содержится анализ, проницательность которого особенно восхищает сегодня. Токвиль описывает "новый режим", который нельзя назвать ни деспотизмом, ни тиранией, с его политическим механизмом — "абсолютным, детальным, все регулирующим, все предусматривающим и мягким", который под предлогом осуществления народной воли изгоняет всякую свободу. Это не тоталитарное государство, если понимать под этим термином жесткость, нищету, цинизм, но это, пожалуй, еще хуже. Это государство, где уже нет необходимости подавлять свободу, поскольку люди утратили само желание быть свободными. Это деспотизм, при котором люди "деградируют, не будучи к этому по-нуждаемы"¹⁹.

Рецепты, предлагаемые Токвилем, чтобы сделать демократию либеральной, в основном заимствованы из американского опыта. Он подчеркивал необходимость сильной и независимой судебной власти, учреждения различных ассоциаций и поиска личного патриотизма.

всеми возможными способами. "Сила свободных народов находится в коммуне. Коммунальные институты для свободы — то же, что начальные школы для науки... Без коммунальных институтов народ может создать свободное правительство, но он не имеет духа свободы". Демократия, состоящая из равных индивидов, независимых друг от друга, разделяет людей, оставляет их без связей, как бы "распускает" общество. Поэтому следует попытаться возродить местные свободы и свободные ассоциации граждан. Что касается ассоциаций (политических, промышленных и торговых или даже научных и литературных), число и разнообразие которых поразило его в Америке, то он сравнивал их с просвещенными гражданами, которых власть не может ни подчинить своей воле, ни уравнить. Защищая от посягательств свои частные права "зубами и когтями" (на манер аристократов прошлого), эти ассоциации спасут общественные свободы. Так, благодаря участию граждан в управлении у них появляются чувства взаимной ответственности и долга, которые сломают индивидуалистическую самоизоляцию.

На практике Токвиль проявлял себя и как либерал, и как консерватор. Его либеральный консерватизм в литературе иногда именуется "аристократическим", но обращение Токвilia к дореволюционному опыту, когда ограничителем государственной власти объективно выступали аристократы и корпорации, в действительности означало лишь поиск каких-то аналогий, создания на основе апелляции к ним общественных организаций, которые бы облегчили гражданам защиту их коллективных прав и интересов перед центральной властью.

С установлением режима июльской монархии в результате революции 1830 г. власть во Франции перешла в руки либералов-орлеанистов — сторонников Луи Филиппа Орлеанского. Эта группировка, представлявшая собой либеральную оппозицию режиму Реставрации, с самого своего возникновения поставила целью соблюдать позицию центра по отношению к крайностям. Р.Ремон характеризует орлеанизм как "режим золотой середины", господство средней партии, поиск среднего пути. Однако, оказавшись у власти, орлеанализм, имевший справа от себя легитимистов, слева — республиканцев, не сумел остаться центром, а эволюционировал вправо. По замечанию того же Р.Ремона, "этот интеллектуальный и парламентский либерализм имеет мало общего с демократией... Демократия — это равенство, а орлеанский либерализм означал неизбежное превосходство социальных элит."²⁰.

Обшим местом стало отождествлять июльскую монархию с царством буржуазии: действительно этот класс, располагавший богатствами, образованием, выходит на политическую арену. Миф короля — буржуа, символа гаранта ее могущества, увенчивает здание и заполняет картину. Однако само понятие буржуазии нуждается в уточнении: в обществе XIX века оно соответствует различным социальным реальностям. Французское общество, продукт весьма древней истории, политической эволюции и сложной экономики, сугубо дифференцировано: множество градаций отделяет мелкого лавочника зеленщика и торговца от крупных буржуа, обитающих в дворцах и особняках и обращающихся на равных с министрами. Орлеанцы представляют самые почтенные и самые богатые слои буржуа-

зии, точнее — буржуазные династии, наложившие в свою очередь, отпечаток на режим. Этим руководителям буржуазной монархии чужд, однако, идеал процветания на американский манер, среди них нет крупных промышленников. Промышленные предприятия носят семейный характер. Главным богатством по-прежнему считается земля: именно земельная рента является источником капиталов для возникающей промышленности. Когда Адольф Тьер, выходец из мелкой буржуазии, захотел "обуржуазиться", он купил не акции, а недвижимость. Это буржуазное общество весьма близко по своим вкусам, нравам, взглядам миру землевладения.

Знаменательной чертой этого общества является и значительная доля тех, кто допущен в него благодаря уму и талантам. Так Тьер, который не мог похвастаться ни происхождением, ни богатством, сделал карьеру благодаря журналистике, открывшей ему доступ к власти. В годы Реставрации нельзя было и помыслить о том, чтобы министерский портфель был доверен университетскому профессору. Июльская монархия делала это регулярно, она черпала свои кадры в Сорбонне до такой степени, что историк А. Тибоде назвал ее "монархией профессоров". Наиболее известными среди них являются Ф. Гизо, Ф. де Вильмэн, В. Кузен. Карьера Гизо была столь блестящей, что его отождествляли с режимом. Виктор Кузен, член королевского совета по образованию, директор Эколь Нормаль, министр общественного образования в правительстве Тьера 1840 г., имел в университете огромное влияние интеллектуального и административного плана. Между политикой и университетом, министерствами и академией устанавливаются широкие связи. Режим расточает почести талантам: король дарует звания первым профессорам, писателям, художникам. В свою очередь, известные политические деятели становятся членами Французской Академии.

Итак, было бы поверхностным сводить орлеанизм исключительно к представительству деловой или финансовой буржуазии. Богатство важно не само по себе: оно принимается в расчет скорее как знак личных заслуг, умственных способностей или моральных качеств. Таков подлинный смысл высказывания Гизо, понимаемого подчас искаженно и неверно: "Обогащайтесь трудом и сбережением". В нем выражено убеждение, что обогащение является естественным вознаграждением за труд и что спонтанная эволюция условий жизни надежнее, чем произвольные преобразования и революционные потрясения.

Отличительный характер орлеанизма — это правление элиты. Однако если для роялизма элитой была только аристократия по рождению, то для орлеанского общества это — нотабли, именитые граждане: они могут быть выходцами из аристократии по рождению, по богатству и по способностям.

Орлеанизм, столь широко опиравшийся на университетские круги, был также школой мышления, отличавшейся вкусом к философско-политическим спекуляциям, определенным умонастроением либерального толка. Его представители прежде, чем участвовать в правительствах, нередко были издателями. Редакция журнала "Глоб" пополнила кадры нового режима; в 1828 группа молодых людей основала журнал "La Revue française" и среди них — Ф. Гизо, В. де Бродьи, Г. де Барант, Ф. де Вильмэн, В. де Кузен — короче, те, кто вскоре

занял высокие государственные должности. Июльский режим открывал дорогу власти прессы. "Журналь де дела" на 18 лет стал рупором орлеанистской доктрины. Это интеллектуальный и парламентский либерализм, имеющий мало общего с демократией. Демократия — это равенство, а орлеанистский либерализм предполагал неизбежное превосходство социальных элит. Взоры демократов обращены к США, орлеанистов же — к Англии. Политический либерализм и социальный консерватизм, признающий лишь естественную эволюцию общества, порядок и свобода определяют облик орлеанской либеральной правой.

После 10 лет, в течении которых сменяли друг друга недолговечные министерства, целое семилетие — 1840-1848 гг. — отмечено министерством Гизо. Правда, его конец — это одновременно конец режима. Можно было предположить, что в эти годы либеральный парламентаризм обрел свое равновесие. Гизо располагал доверием короля и опирался на верное большинство, которое выглядело, как партия на пути к становлению. К ней присоединяются разочарованные легитимисты, а католическая партия в конце концов склонилась к поддержке Гизо. Токвиль, ставший членом Палаты в 1839 г., мечтал примирить дух либерализма и религии. Четырьмя годами позднее он выразил свое разочарование: "Вместо того, чтобы признать общее право и ограничиться тем, чтобы потребовать его исполнения, церковь выказывает склонность подчинить себе все образование в целом", духовенство стремится "к устройству такого рода, которое сделало бы из правительства и церкви двух союзников за счет свободы"²¹.

Подчиняясь духу времени, эволюционировал сам Гизо: своей задачей он считал установление подлинного морального порядка, удовлетворение стремления к безопасности обогащающихся буржуа, усваивающих привычки аристократии. В 1842 г. он писал: "Я чувствую тесный союз, слияние самого себя с этой монархией. Король есть подлинный король страны, а я — истинный министр короля"²².

Как представлял себе Гизо парламентское правление? Права всех гарантируются прямой и непосредственной деятельностью части нации, способной осуществлять политическую власть, — средним классом. Гизо определял средний класс так же, как и его предшественники (Констан, Руайе-Коллар): этот класс не занимается физическим трудом и не живет на зарплату, его имущественное положение и просвещение обеспечивают ему независимость. В отличие от аристократии он остается открытым, доступным для всех, кто благодаря личным заслугам и усилиям способен подняться до его уровня. Гизо возражал против демократического нивелирования, устранившего идею заслуг. Поэтому он никогда не допустил бы всеобщего избирательного права: каковы бы ни были недостатки цензового избирательного корпуса, первое много хуже.

Оригинальность его концепции проистекала из долгого опыта пребывания в правительстве. Гизо рано почувствовал потребность в сильной партии и приложил немало усилий, чтобы создать ее, а точнее, группировку, солидарность которой проявлялась бы в голосовании в поддержку кабинета министров. Этую партию он назвал либеральной, консервативной и антиреволюционной, — в продолжение традиции доктринеров, правда, с акцентом на второй части триады.

Осуществив равновесие властей, необходимо было установить сотрудничество с королем. Все это преследовало целью установить во Франции свободное правительство, о котором мечтала нация в ходе социальной революции — и, таким образом, покончить с эрой революций. Правда, Гизо в 1849 г. сознавал несовершенство своего оружия — этой либерально-консервативной партии, "со слишком узкой базой, слишком малодушной, слишком холодной и малочисленной, искренне желающей порядка в свободе, но не принимающей ни принципов порядка, ни последствий свободы"²³.

Оппозиция режиму наастала: правительство выглядело в глазах нации "промышленной компанией", осуществлявшей операции ради прибылей участников. В мире политики отсутствовала политическая жизнь. Все обсуждалось между членами политического круга, без подлинных дебатов и без участия нации в целом. Токвиль писал о среднем классе, подчинившем себе все и в своей посредственности мало интересующемся либеральными свободами. Правда, следует отметить успешную политику экономического развития, а в области внешней политики — отсутствие войн. Самым слабым местом было отсутствие в парламентской системе чередования правых и левых, как отражения колебаний общественного мнения. Этого чередования Гизо не предусмотрел. Он основал долговечность своего министерства на устойчивом большинстве, прочном центре. Его борьба была направлена против "духа зла", разрушительных сил: однако его система не нашла достаточной опоры в стране. Требовалось провести избирательную и парламентские реформы, но даже ограниченная реформа была рискованной для министерства, которое уравновешивало враждебные голоса крупных городов с помощью "гнильих местечек". Либеральное решение, найденное Гизо, оказалось слишком непрочным для нации, обретавшей зрелость в революционных потрясениях.

На следующем историческом этапе, в годы второй империи (1850-1870) орлеанисты оказались в оппозиции, стремясь навязать бонапартистскому режиму эволюцию в либеральном направлении. Быстрое развитие промышленности, сети железных дорог укрепляло позиции и буржуазии, и пролетариата. В 60-е годы происходит явная либерализация режима и внутренней политики империи, укрепляется также и либеральное движение и его печать. Журналы становятся влиятельной трибуной либерализма.

В 60-е годы либеральная мысль, оздоровленная оппозицией, переживала обновление. Свидетельством этого обновления стала книга Э.Лабуле "Либеральная партия, ее программа и ее будущее" (1863 г.). Ее автор, ученик Констана и Токвиля, станет одним из вдохновителей конституции 1875 г. и бессменным сенатором Третьей республики. "Либеральная партия, которая формируется мало-помалу, но крепнет день ото дня, — заявлял Лабуле, — это не узкая секта, буквалистически трактующая свой символ веры, это всеобщая церковь, где есть место для каждого, кто верит в свободу и желает ею пользоваться". Свобода представляет собой индивидуальную жизнь, а государство — общие интересы общества. Когда порядок установлен, страна желает свободы: кризис империи неизбежен. Все режимы терпели крах, выживают лишь принципы 1789 г.

Отсюда следует определенное безразличие к форме режима, лишь бы он был либеральным. Либеральная партия, о которой пишет Лабуле, не имеет прошлого: она должна появиться на ближайших выборах 1869 г., приспособленная к системе широкого голосования. Поэтому необходимо в условиях демократии изыскивать способы распространения образования, в том числе для бедных. Правда, автор не скрывал своих социальных предпочтений: "Сила гражданственности в средних классах, живущих трудом своего ума и своих рук". В собственность он верил так же, как и либералы 1820 г.: только собственник обогащает общество. "Свобода есть средства производства, собственность его надежда, собственность есть плод свободы, или, если угодно, осуществления свободы... Какие страны свободны? Те, где уважается собственность. Какие страны богаты? Те, где уважают свободу"²⁴

Современный режим согласно Лабуле, это достаточно широкое избирательное право национальное представительство, свободно избирающее, контролирующее правительство, имеющее последнее слово в области законодательства, финансов, войны или мира; это независимый суд и свободная пресса. Лабуле настаивал на серьезном народном образовании, дабы всеобщее избирательное право было благом, а не угрозой. Он не высказывал династических предпочтений, а приглашал все прежние партии войти в Либеральный союз, чтобы объединить всю массу честных людей, "любящих свободу и ненавидящих революции"

В 1866 -1865 г. в моду вошла идея децентрализации. Само правительство подумывало о чём чтобы разгрузить себя от ответственности в некоторых вопросах например, в сфере общественных работ. Либеральный союз начал кампанию в пользу этой идеи, ссылаясь на слоганы ло-саксонских стран: "не знавших ни социализма, ни деспотизма", что приписывалось силе местных институтов власти.

Вторая империя пала в результате военного поражения 1870 года. Аддь парижской манифестации 4 сентября 1870 г. была провозглашена республика. Тогда республиканцы представляли собой организующую силу. Возникло новое временное правительство из либеральных республиканцев самых разнообразных оттенков. Лабуле писал в октябре 1871 г. в предисловии к 8-му изданию своей "Либеральной партии": "Это конституционисты возродили Францию, раздавленную вражствием. Объединимся же под трехцветным знаменем и гостараемся, на конец под именем Республики учредить такое конституционное правление, которое одно в силах обеспечить зарягство справедливости и свободы"²⁵.

После подавления Коммюни последующая история Франции фактически, съехавшись в борьбе за признание установленной республики в конной форме правления. После заключения Франкфуртского мира в 1871 г. Национальное собрание присвоило себе права Учредительного собрания. Избранный президентом республики Тьер, почуял невозможность восстановления монархии, был убежден, что для Франции республика может объединить нацию и сделать ее процветающей. Поэтому он взял курс на установление умеренной республики, созданной "республиканцами без республиканцев" и без монарха, т.е. таинственная гвардия Тьер и его сторонники искали мирные способы сотрудничества с их "режима ассамблеи". Так воз-

никла идея второй палаты — сената как возможного арбитра конфликтов между палатой, избранной всеобщим голосованием, и президентом. Если бы нижняя палата стала радикальной, президент смог бы опереться на вторую палату, чтобы противостоять ей. Это была новая идея в истории Французской Республики: только в США существовал сенат, но то была федеральная республика. О таком сенате, состоявшем из именитых граждан, как о краеугольном камне республики, ставящем ее вровень с монархическими учреждениями, писал в 1870 г. В. де Брольи. Напротив, левые всегда отвергали идею сената, верхней палаты — прибежища привилегированных, препятствия народному волеизъявлению на всеобщих выборах. В крайнем случае они могли согласиться на выборы сената всеобщим голосованием. В целом это понятие было глубоко чуждо республиканской традиции, служило основным пунктом ее расхождения с градицией либеральной.

Политика Тьера стремилась объединить умеренные элементы противостоящих сторон — умеренных республиканцев с консерваторами, поддерживавшими республику. Так, посредством соединения двух центров учредилась "большая либеральная партия, объявившая войну всем крайним мнениям под знаменем умеренной республики" возродившая Либеральный союз 1863 г. Принцип наследственной власти утратил значение во Франции: так не лучше ли поставить консервативно-либеральные принципы под защиту республиканских институтов, обеспечив равновесие властей? — таковы были рассуждения сторонников Тьера.

Со времени Ж. де Сталь и Б. Констана либеральная традиция рассматривала дилемму " monархия-республика" как вторичную. Это безразличие к природе режима мы находим у Токвиля, оно свойственно и Либеральному союзу, объединившему в 1863 г легитимистов, орлеанистов, республиканцев. Эти люди, наблюдавшие в течении трех четвертей века смену разных политических режимов видели серьезную опору лишь в общественных свободах и парламентских институтах. Поэтому с возникновением республики в 1875 г. прежние орлеанисты заняли место среди умеренных республиканцев

Следует подчеркнуть, что их монархические чувства питала отнюдь не привязанность к господарю. Основным мотивом был страх всеобщего голосования, "слепой силы", абсолютного преобладания количества, массы, которая во Второй республике (1848-1850) послала в парламент значительное количество "красных", а во Второй империи предпочло деспотизм Либеральному союзу²⁶. Как приручить эту грубую силу? Это пытались сделать посредством цензового голосования, других ограничений, но единственным решением было интегрировать ее в систему, где другие силы будут служить ей противовесом.

Третья республика 1875 года завершила долгую эволюцию либералов. Давние противники демократии, они выработали сложную форму правления, которая обезопасила их от суверенитета как народных масс, так и государей. В течении XIX века монархическая власть изжила себя во Франции, и им пришлось считаться с ростом демократии. Из взаимодействия республиканской и парламентской традиций возникла парламентская демократия. В этом значение республиканских институтов 1875 г., завершивших долгий этап разви-

тия. Отныне борьба классов и партий будет развертываться не в революционных, а в конституционных формах. В этом плане задача либералов была достигнута. С избранием на пост президента Жюля Грэви и председателя палаты депутатов Леона Гамбетты (1879 г.) "республика без республиканцев" уступала место "республике республиканцев". Их идеалом была свобода, причем только республика обеспечивала свободу, всеобщую и равную для всех. Имелась в виду свобода политическая, традиционные права человека и гражданина, согласно Декларации 1789 г. Одновременно лидер радикалов Гамбетта заявил: "нет социального вопроса", то есть не следует изобретать механизма устранения социальных язв; только опираясь на развитие промышленности, на энергию добровольных товариществ, на чувства человеческой солидарности, можно противостоять отдельным случаям нищеты, болезней, безработицы.

Представитель радикалов Ж. Ферри в речи в парламенте в 1884 г. провозгласил было идею государственной помощи обездоленным слоям, но при одном условии — чтобы взносы оставались добровольными, не приобретали бы принудительного характера, обязательной повинности. Единственной приметой социального либерализма у этого поколения французских радикалов была враждебность крупному капиталу, трестам, монополиям. Государственное вмешательство было необходимо только против этих "индустриальных вотчин".

Последнее 20-летие XIX в. привело к осуществлению программы демократического либерализма. Всеобщее голосование, отделение церкви от государства, введение всеобщего государственного образования, как основного средства воспитания в республиканском духе, расширение традиционных свобод личности, гарантии свободы прессы — вот важнейшие достижения либералов. Однако сами либералы, отцы конституционных законов, вскоре после 1880 г. были оттеснены от власти, обречены на статус оппозиции. Объяснение относительно консервативного характера французского либерализма, оставшегося чуждым социальному эгалитаризму, во многом связано с особенностями национальной буржуазии, противоречиями между ее различными слоями на протяжении XIX столетия. После 1830 г. к власти пришла крупная буржуазия: установленная ею парламентская система опиралась на весьма узкую базу благодаря цензовому избирательному праву. Мелкая и средняя буржуазия, сражавшаяся на баррикадах вместе с городским плебсом, после 1830 г. не получила никаких преимуществ — все они достались крупным буржуа. Каждая из этих социальных групп имела свое представление о том, что такая демократия. Для крупных буржуа парламентаризм, установившийся при Луи-Филиппе, и был подлинной, либеральной демократией.

Отождествление собственности со свободой поставило перед теоретиками либерализма довольно сложную проблему. Из этой концепции логически вытекало, что люди, не обладающие собственностью, не вполне свободны. Во Франции эта проблема была отчасти обойдена с помощью известного лозунга Гизо: "Обогащайтесь, граждане, и вы будете избирателями". Однако с бурным развитием капитализма и ростом пролетариата этот лозунг все более восприни-

тельной частью трудовых слоев призыва Гизо как лицемерного, либерализм сохранил социальную опору. "Своим выживанием, — пишет известный политолог Ж.Бюрдо, — либерализм был обязан не столько аргументам, выдвигавшимся теоретиками, сколько укоренившейся в массах приверженности к собственности. Массовое сознание до сих пор видит в собственности залог относительной свободы и определенного благосостояния. Наиболее опасным противником марксизма являлся не крупный капитал, а страсть к накоплению"²⁷.

-
- 1 Shapiro J.S. Liberalism and the Challenge of Fascism. Social Forces in England and France. — L., 1949, p.22.
 - 2 Tocqueville A.de. De la démocratie en Amérique. — Oeuvres complètes de A.de Tocqueville. T.1, p.14.
 - 3 Montesqueu Ch.-L. Oeuvres divers. — Oeuvres complètes. — P., 1816, p.112.
 - 4 Jardin A. Histoire du libéralisme politique: de la crise de l'absolutisme à la constitution 1875. — P., 1985, p.44.
 - 5 Burdeau G. Le Libéralisme. P., 1979, p.7.
 - 6 Chaunu P. La liberté. — P., 1987, p.271-272.
 - 7 Jardin A. Op. cit., p.140.
 - 8 Girard L. Les libéraux français. 1814-1875. — P., 1985, p.73.
 - 9 Girard L. Op. cit., p.70
 - 10 Staël G.de. Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française. — P., 1816, p.231.
 - 11 Ibid., p.257.
 - 12 Constant B. De la liberté chez les modernes. / Oeuvres. — P., 1957, p.567.
 - 13 Constant B. Principes du politique. — P., 1986, p.1075.
 - 14 Châtelet F., Duhamel O., Pisier-Kouchner E. Histoire des idées politique. — P., 1982, p.73.
 - 15 Tocqueville A.de. De la démocratie en Amérique. — Oeuvres complètes, T.1, p.4.
 - 16 Ibid., p.5
 - 17 Tocqueville A.de. L'Ancien Régime et la Révolution. — Oeuvres complètes, T.1, p.67.
 - 18 Chevalier J.-J. Histoire de la pensée politique. — P., 1984, T.3, p.180.
 - 19 Tocqueville A.de. De la democratie en Amerique — Oeuvres complètes, T.1, p.615.
 - 20 Rémond R. La droite en France. De la première Restauration à la Cinquième République. — P., 1967, p.75.
 - 21 Girard L. Op. cit., p.153.
 - 22 Ibidem.
 - 23 Ibid., p.155
 - 24 Laboulaye E. Parti libérale. Son programme, et son avenir. — P., 1863, p.9.
 - 25 Laboulaye E. Op. cit., 8-ed., 1871, p.5.
 - 26 Jardin A. Op. cit., p.408.
 - 27 Burdeau G. Op. cit., p.80.

ГЛАВА 4

ПУТИ И ДРАМЫ НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА .

Немецкому либерализму с момента его оформления были присущи специфические особенности. В Германии выразителем либерализма выступал сравнительно узкий круг интеллигенции, прежде всего — университетской профессуры. В студенческих аудиториях, на страницах историко-философских книг и журналов дискутировались наиболее актуальные общественно-политические проблемы. Не политические деятели, а историки и философы оказывали определяющее влияние на формирование общественного сознания в стране. В связи с этим приведем мнение американского ученого Георга Игерса, заметившего, что "история Германии и немецкого либерализма может быть написана только тогда, когда будет принята во внимание центральная роль в ней историков"¹.

Долгая политическая раздробленность Германии определила и ту особенность немецкого либерализма, что он так и не оформился в общегерманское движение с единым центром, каким, например, был Лондон для либералов в Англии. Более того, впервые либерализм заявил в полный голос о себе и стал не теорией, а реальной политической силой не в экономически наиболее развитой Пруссии или Саксонии, а на сравнительно отстающем юге Германии, где он охватил довольно широкие общественные круги. Конституционные порядки, утвердившиеся в государствах южной Германии после эпохи наполеоновских войн, стали опорой и своеобразным испытательным полем новых идей. Именно представители южнонемецкой либеральной мысли разработали достаточно реалистическую программу общественно-политических преобразований, осуществление которой в первой половине XIX века могло бы принципиально изменить общий процесс исторического развития Германии и, возможно, направить его более удачным путем. Немецкий историк Вольфганг Шидер отметил в связи с этим, что только обращаясь к раннему этапу в развитии германского либерализма, можно правильно понять его сущность, значение, социальное содержание и политическую программу².

Общее отставание Германии по сравнению с западноевропейскими странами, замедленная ломка традиционных феодальных отношений и замена их новыми буржуазными определяли особенности социального положения и идей главной движущей силы общественных преобразований — либеральной демократии. Она не имела широкой социальной базы в виде развитой буржуазии. Поэтому, как реальная политическая сила, немецкий либерализм отличался слабостью и аморфностью, что приводило к необходимости постоянного поиска союзников, прежде всего в лице государственной власти. В таких условиях многие принципы классического западного либерализма оказывались для Германии непригодными и требовали значительного переосмыслиния.

Ситуация осложнялась и тем, что воззрения классического либерализма означали для Германии XIX века революционное разрушение основных социально-политических структур при несозревшей для этого адекватной замены. Исходя из этого, немецкая либеральная мысль стремилась разработать особую концепцию, характерную

для традиционного общества, вступившего на путь ускоренной модернизации.

Рассматривая германский либерализм, следует иметь в виду наличие в нем разных направлений и оттенков. Так, исследователи этих проблем в зависимости от угла зрения и критериев подхода различают доктринерский и исторический, этический и экономический, социальный и манчестерский либерализм, ориентированный на Францию и по своей сути демократический, и консервативный, образцом которому служила Англия, наконец, южногерманский и северогерманский варианты либерализма.

Следует отметить, что широко распространенное представление о раннем либерализме в Германии, как своего рода сколке с английской или французской модели, страдает явной односторонностью, ибо не учитывает конкретной исторической ситуации в домартовской Германии, выдвинувшей большое количество разнообразных раннелиберальных программ. Учет социально-исторических предпосылок этого явления позволяет понять противоречие между относительной прогрессивностью политических идей и сравнительно отсталыми представлениями об общественных целях.

Организационная неразвитость раннего либерализма в Германии влекла за собой преимущественно мировоззренческо-доктринерский характер либерального движения и его недостаточную ориентацию на практическую деятельность в сравнении с другими европейскими странами. Причинами этого являлись как отсутствие сколько-нибудь развитого парламентаризма, так и в еще большей степени запрет на создание политических организаций в основном по настоянию реакционного австрийского канцлера Клеменса Меттерниха. Да и само либеральное движение выдвинуло теорию, согласно которой политическая партия должна представлять собой не что иное, как неформальное сообщество единомышленников.

Но не следует абсолютизировать это положение. И до мартовской революции 1848 г. либерализм, несмотря на объективные и субъективные препоны, имел определенные организационные формы в виде различных обществ просветительского характера. В противном случае невозможно объяснить ту быстроту, с которой либералы в ходе революции сумели осуществить совместные политические действия на общенациональном уровне. Правда, речь идет о том что "не столько организации, сколько личности обеспечили до 1848 г. нарождавшемуся либерализму политический континуитет..."³.

Специфика германского либерализма определялась и тем, что немецкая буржуазия никогда не была вполне фридрихдерской. Не случайно излюбленной идеей единственного крупного экономиста Германии того времени Фридриха Листа (1789 — 1846), изложенной им в работе "Национальная система политической экономии" (1841), было убеждение в том, что путь к процветанию и объединению Германии лежит через рост промышленности, а она нуждается в защите от сильной иностранной, прежде всего английской, конкуренции с помощью высоких импортных пошлин и других средств активной торговой политики.

Относительно проблемы фридрихдерства в Германии надо также учесть, что требование свободы предпринимательской деятельности в тот период было практически равнозначно требованию свободы

эксплуатации рабочей силы. Но немецкие предприниматели всегда испытывали явную неприязнь к конкурентной борьбе, особенно со стороны зарубежных государств. Сама германская буржуазия охотно уступала политическое руководство другим слоям, если они обеспечивали ей наиболее благоприятные условия для экономического процветания и мелкодержавного деспотизма на своих предприятиях.

Германская аристократия в сущности спасла свое политическое господство предоставлением буржуазии экономических свобод. В результате в Германии наблюдается уникальное явление — сочетание экономического либерализма и политического консерватизма, несмотря на их, казалось бы, взаимоисключающий характер. Но именно такое сочетание во многом определило быстрое экономическое развитие Пруссии в 50-е — 60-е гг. XIX в. В итоге же в Германии так и не сформировался мощный социальный носитель либерализма. Органично вписаться в германскую действительность либерализму не удалось вообще, он постоянно ощущал свое бессилие и проблематичность существования.

Теоретические основы

Как заметил видный немецкий исследователь конституционных проблем Э.-Р. Хубер, под либерализмом следует понимать политическую теорию, которая была сформулирована еще в XVIII веке и восторжествовала в XIX веке и которая обосновывала прирожденные и неотъемлемые права личности, а все надиндивидуальные, прежде всего государственные связи допускались лишь постольку, поскольку они не противоречили принципу индивидуальной свободы⁴.

Ключевыми же понятиями германского либерализма стали "общность", "личность" и "свобода". В теории либерализма эти понятия рассматривались как взаимосвязанные. Только в государственном союзе, понимаемом как некая общность, личность получает условия для свободного развития. Гражданин может реализовать себя в политическом отношении только как свободная личность, а его взаимоотношения с другими индивидами свободны лишь в условиях государственной общности.

Разрабатывая учение об отношениях общества и государства, немецкие либералы исходили из органической теории государства. Суть ее в том, что правовое государство трактовалось не как суверенитет государя или суверенитет народа, а как государственный суверенитет. Может показаться, что такая интерпретация противоречит основополагающему принципу либерализма о свободе личности. Но противоречия здесь нет, ибо свобода индивида мыслилась только при наличии суверенитета государства, которое возвышается и над народом, и над правителем.

Заметной чертой политической теории и программы немецкого либерализма являлся национализм. Либералы исходили из того, что создание правового государства окончательно может быть завершено только в условиях единого национального германского государства. Если либерализм эпохи Просвещения выступал с критикой абсолютизма и сословного устройства и считал своими идеалами представительное правление и свободу личности, то немецкий либерализм исповедовал теорию публичного правового порядка, в основе которой лежала идея дуализма государства и общества. Отсюда

ыткало и отличное решение проблемы соотношения монархического правления и народного суверенитета. На первый план выдвигалась национальная специфика германской государственности, упор делался на "органический" характер ее развития, в чем явно ощущалось влияние "исторической школы права" Савиньи и Эйхгорна⁵. Таким образом, специфической чертой либерализма немецкого типа выступала его общая ориентация не на современные общественно-политические процессы, а на исторически обусловленные и традиционные отношения, соответствующие национальному немецкому духу.

В связи с этим находится разделение немецкого либерализма на два основных направления — парламентское и конституционное. Первое имело в качестве своей теоретической основы главным образом французскую философию эпохи Просвещения, образцом для нее являлась парламентская монархия по типу французской или бельгийской. Более умеренные позиции занимало конституционное направление, ориентированное на английскую модель политического строя. Немецкие конституционалисты рассматривали французский режим конца 1789 г. как созданный искусственно, и противопоставляли ему английский вариант, как выросший органически из потребностей общества. Конституционные либералы Германии выступали против резкого революционного переустройства общества, за плавное эволюционное развитие. Поэтому они являлись сторонниками реформ, которые должны были проводиться на основе компромисса с традиционными правящими элитами. Это направление идеализировало отчасти английскую конституционную монархию, считая, что там власть равномерно распределена между монархом и избранными представителями народа.

На заре немецкого либерализма

В политической сфере либеральная идеология отстаивала принцип независимости общества от государства. Именно в данном контексте можно понять прусские реформы начала XIX века. Они были непосредственно связаны с появлением внутри прусской бюрократии новой группы молодой бюрократической элиты. Для нее было характерно политическое сознание, сформировавшееся под влиянием философско-юридических принципов Просвещения, но в еще большей степени под воздействием идей Канта и немецкого романтизма.

Либеральные реформы, проведенные в Пруссии в 1807 — 1811 гг., несли явный отпечаток влияния Французской революции, которое проявлялось уже в том, что взгляды руководителей реформ Штейна и Гарденберга включали в себя в качестве неотъемлемого компонента идею необходимости принятия конституции. Главная задача реформ состояла в укреплении Пруссии и уменьшении явного разрыва между феодальными верхами государства и формирующейся буржуазией на фундаменте мощного национального и либерального подъема, вызванного борьбой с Наполеоном.

Важно отметить парадоксальную ситуацию, заключавшуюся в том, что традиционная монархическая власть, чтобы сохранить свою легитимность, приступила к реформам, опираясь на глубоко ей чуждые и даже враждебные теории общественного договора и естественного права. Однако поговорная теория подверглась в Германии

ском либерализме существенной модификации с позиций господствующей историко-романтической школы. Проявилось это прежде всего в стремлении обосновать принцип народного представительства на основе прошлых прецедентов участия сословных ландтагов в обсуждении государственных дел. В трудах таких крупных представителей раннего немецкого либерализма, как Фридрих Кристофф Дальман (1785 — 1860) или Роберт фон Моль (1799 — 1875), идея конституционного государства обосновывалась не потребностями настоящего или будущего времени, а как раз давней традицией германских сословно-представительских учреждений.

У истоков немецкого либерализма возвышается мощная фигура прусского государственного деятеля, аристократа и космополита, большого друга Гете и особенно Шиллера, выдающегося ученого в области философской антропологии и лингвистики Вильгельма фон Гумбольдта (1767 — 1835). В разгар Французской революции он, будучи очевидцем ее начального периода, опубликовал сочинение, которое считается классическим трудом немецкого либерализма — книгу "Идеи к опыту установления пределов государственной деятельности" (1791). В духе ортодоксального либерализма Гумбольдт рассматривал государство не как самоцель, а как "подчиненное средство, в пользу которого нельзя жертвовать истинной целью — человеком"⁶.

Смысл государства, по Гумбольдту, состоит в защите наиболее полной свободы всех индивидов, а его функции должны быть сведены к минимуму, который необходим для того, чтобы защитить права индивидов от нарушений внутри страны и гарантировать их безопасность от внешней угрозы. Поскольку Гумбольдт отвергал представление, будто государство обязано заботиться о счастье граждан, он вообще не усматривал за ним никаких созидающих функций ни в воспитательной, ни в религиозной, ни в нравственной областях. Такие функции он отводил гражданскому обществу, состоящему из различных групп, создаваемых по свободному выбору индивидов.

Однако теоретические основы представлений Гумбольдта о государстве и его роли явно отличались от принципов классического либерализма, исходившего из учения об естественном законе индивидуальной свободы как абстрактном всеобщем принципе. Гумбольдт же следовал за идеалами немецкой классики в лице Гете, Гердера и Шиллера, которая усматривала идеал гуманизма в осуществлении каждым человеком своей собственной и присущей только ему индивидуальности.

Его книга представляла собой теоретическое осуждение патернистского государства как в его просвещенно-абсолютистском, так и в революционном варианте. Из опыта Французской революции Гумбольдт принимал лишь идею свободы. Стремление же установить полное равенство он уже в 1789 г. рассматривал с явным недоверием, полагая, что оно будет препятствовать осуществлению индивидуальной сущности отдельного человека.

Еще более разительным отличием от идеалов классического либерализма является позитивное отношение Гумбольдта к войне, которую он считал ускорителем исторического прогресса. В этом вновь проявилась специфика немецкого либерализма, усматривавшего

мысли истории не в счастье каждого индивида, а в развертывании его духовных сил и патриотическом стремлении "всегда быть готовым сражаться за отчизну"⁷. Конечно, в контексте борьбы против Наполеона такое утверждение понятно, но тем не менее подспудно в нем скрывалась и весьма опасная тенденция.

Наконец, Гумбольдт отличался от классического либерализма особой трактовкой соотношения теории и политической практики. У либералов-просветителей общество могло быть фактически изменено перенесением теории на социальную реальность. Гумбольдт в этом отношении был более скептичен. Не отвергая в принципе роли идей в истории, он постоянно указывал на весьма узкие пределы применения теории к конкретному обществу. В качестве аргумента Гумбольдт вновь ссылался на то, что личность можно измерять только по ее собственному индивидуальному масштабу, но не внешними абстрактными принципами и нормами.

Проблема гражданского общества

В германской мысли проблема гражданского общества впервые была поставлена Иммануилом Кантом в работе "Метафизика нравов" (1797). Однако Кант не противопоставлял общество и власть, рассматривая последнюю как в целом объединяющую силу. По сути, теория политических отношений Канта являлась теорией постоянного прогресса и союза народов, чтобы в итоге придать идее единого человечества политическую реальность. Ее характерной чертой выступало не простое наблюдение и анализ социальных явлений, а их рассмотрение с этической и ценностной точки зрения, причем сам Кант выступал в ипостаси судьи и выносил свой вердикт.

Иной была трактовка Гегеля, понимавшего гражданское общество как феномен современного мира, определяемый господством индивидуализма, частных интересов. Другими словами, гражданское общество — это свободная игра индивидуальных интересов. Это приводило к отчуждению индивидов друг от друга и от общества в целом. Источник отчуждения Гегель связывал с особенностями социального неравенства в эпоху промышленного капитализма. В целом политическая философия Гегеля, как синтез естественного права и немецкого идеалистического историзма, выступила в качестве концепции взаимосвязи гражданского общества и правового государства. Именно эта проблема и стала центральной для либеральной мысли XIX века⁸.

Основы гражданского общества формировались в Германии постепенно. Его зарождение можно отнести ко времени разработки и принятия общего кодекса социального законодательства — Прусского Земского уложения в 1791 — 1794 гг., в котором были унифицированы различные области права, прежде разрозненные. Уложение пытались совместить старую сословную структуру общества с новыми всеобщими принципами права, которые в перспективе вели к уничтожению сословных отношений и привилегий путем равенства всех индивидов перед законом.

Вместе с тем следует отметить, что феодальный сословный порядок долгое время способствовал поддержанию консенсуса между государством и обществом. Сословная система помогала обществу сохранять некоторую степень независимости и давала определенные

гарантии от угрозы полного его огосударствления. Но уже в ходе либеральных реформ Штейна и Гарденберга наметилась тенденция расхождения путей общества и государства в Пруссии. Первое медленно, но неуклонно эволюционировало в направлении буржуазной организации и торжества индивидуализма, а правящие круги, бюрократия и армия окостенели на позиции традиционализма.

Целями немецкий либералов на протяжении XIX века являлись достижение национального единства и создание правового государства. Поэтому в революции 1848 — 1849 гг. социальный и политический вопросы тесно переплетались, а разделение общества на сторонников республики и конституционной монархии было расколом не только по политическим взглядам, но в еще большей степени — по линии социального вопроса и методов его решения. Разумеется, либералы, демократы и республиканцы расходились по многим проблемам, но в обще германском Национальном собрании (Франкфуртском парламенте) они единым фронтом выступали против право консервативного крыла в защиту принципа народного суверенитета, из которого они выводили законное право Национального собрания единолично разработать конституцию государства, что и произошло в 1849 году.

Вместе с тем, как показал видный исследователь этих проблем Рейнхардт Козеллек, либеральное общественное движение в Пруссии и во всей Германии было чрезвычайно разрознено и многоголосо. А отсюда вытекала и неоднородность трактовок путей создания гражданского общества, необходимых для этого преобразований и используемых для этого средств⁹. Тем не менее к 40-м гг. XIX века либеральное движение по созданию гражданского общества проявилось во всей полноте в сфере экономики и культурной жизни. При всей своей неоднородности оно исходило из единого требования ликвидации сословных структур старого общества и введения буржуазного права, гарантирующего свободу личности, собственности и свободу обмена земли и капиталов.

При этом специфической чертой модернизации Германии и создания в ней гражданского общества было то, что организатором этого процесса в конечном счете выступил не либерализм, а сама монархическая власть и ее бюрократия. Процесс этот осуществлялся в отличие от Франции не революционным насилиственным путем, а постепенным проведением реформ сверху при поддержке либеральных элементов общества, хотя, конечно, не без их определенного давления снизу. Но такой путь содержал в себе трудноразрешимое противоречие: если целью являлось создание основанного на либеральных принципах гражданского общества, то средством ее осуществления стала авторитарная государственная власть, упорно старавшаяся сохранить свои традиционные прерогативы в той мере, в какой это только было возможно. Итогом же явилось глубокое несответствие между социальными порядками и политической системой, которое неизбежно вело к перманентным конфликтам.

Другая сторона проблемы заключалась в том, что если конституционными свободами немецкое общество было обязано милости властей, то вполне естественно, что надежды на дальнейшие преобразования либералы все более связывали с реформаторской деятель-

ностью правительства и все менее оказывались субъективно способными к самостоятельным решительным действиям.

"Государственный Лексикон" — библия либерализма.

Значительную роль в становлении и развитии теоретических представлений о государстве и обществе сыграл подготовленный большой группой деятелей либеральной оппозиции юго-запада Германии под руководством их идеальных лидеров, профессоров Карла фон Роттека (1775 — 1840) и Карла-Теодора Велькера (1790 — 1869), знаменитый многотомный труд "Государственный Лексикон или Энциклопедия государственных наук" (1834 — 1843 гг., 15 томов).

Характер и направленность "Лексикона" во многом были определены временем его создания. 30-е гг. XIX века — сложный и противоречивый этап немецкой истории. С одной стороны, реакция и свирепые преследования любых проявлений свободомыслия и оппозиционности, с другой, явное усиление буржуазии в условиях начавшегося промышленного переворота, бурный рост и распространение либерально-конституционных идей, прежде всего на юге Германии.

Авторы энциклопедии задумывали ее как своего рода систематизирующее учебное пособие по либерализму и пропаганде его идей среди немецкого народа, где можно было найти ответ на наиболее актуальные для страны общественно-социальные и историко-политические проблемы. Как писал Роттек, главная цель "Лексикона" заключается в том, чтобы "показать сущность конституционной монархии как наиболее совершенной формы государственной жизни, а кроме того, условия справедливого равновесия между естественным и историческим правом"¹⁰.

Идеальное государственное устройство основывается, по мнению авторов энциклопедии, на двух началах — конституции в противовес абсолютистскому принципу и естественном праве в отличие от права исторического. Поэтому существующее в Германии общественно-политическое положение рассматривалось в "Лексиконе" как противоречащее правам каждого человека.

Основной принцип естественного права для Роттека состоит в максимальной свободе членов общества. При этом членом общества являлся лишь тот, кто состоит в нем и представляет собой элемент общей воли. Критерий же для определения степени этого участия — обязанности индивида перед обществом, тот вклад, который он вносит в реализацию общей цели, и степень участия в обсуждении общественных дел. Однако из-за материальных условий и социального положения индивиды различны. Поэтому необходим общий формальный признак, соединяющий их в единое целое. Таким признаком является равенство всех перед законом, обеспечивающим их свободы.

В энциклопедии четко проводилось различие между разумной политической свободой, в основе которой лежит разделение властей, и неограниченной демократией, когда политическая свобода в виде "власти всех" обычно легко подавляет права и привилегии одного, а опьянение такой свободой ведет к тирании и варварскому деспотизму.

Значительное внимание уделил "Лексикон" центральной для предреволюционной Германии проблеме — вопросу о национальном

единстве. Многовековая раздробленность страны неминуемо ставила перед ее политическими мыслителями вопрос: как совместить наущную необходимость создания сильного централизованного государства с максимальной свободой всех его граждан? Мнение Роттека по этому поводу было широко известно и популярно: "лучше свобода без единства, чем единство без свободы". А свобода может быть обеспечена правовым объединением Германии на основе принципов федерализма и максимальной политической самостоятельности отдельных территорий. Такое правовое государство рассматривалось Роттеком как антипод "государства силы", поскольку последнее неизменно основывалось на ограничении свободы личности.

" В этом отношении авторы энциклопедии резко расходились с постепенно вызревавшими в общественно-политической и исторической мысли Германии противоположными тенденциями. В недалекой перспективе для большинства немцев ценность отдельной личности как раз будет определяться исключительно интересами государства, даже не существуя вне этих интересов.

Противоречила веяниям времени и позиция авторов по проблеме: национализм или космополитизм? Они безусловно следовали традициям Просвещения и противопоставляли свой космополитизм утверждениям о преимуществах национально-самобытного пути исторического развития Германии. Доказывая необходимость конституционного преобразования страны, южнонемецкие либералы ссылались на успешный опыт конституционного правления, его институтов и законодательства в Англии и Франции.

Здесь содержалась существенная ошибка раннего немецкого либерализма. На протяжении столетий историческое развитие Германии значительно отличалось от тех процессов, которые протекали в странах Западной Европы. Можно ли пренебрегать исторической спецификой каждой страны и стремиться механически пересадить на ее почву иностранные порядки и учреждения? Ведь неудачный исход германской революции 1848 г. как раз убедительно и наглядно продемонстрировал, что ни немецкое общество в целом, ни сами либералы отнюдь не были готовы к конституционным преобразованиям по западноевропейской модели. Именно поэтому южнонемецкий либерализм сходит со сцены, а на первый план выдвигается пропрussianская ориентированная либеральная мысль, для которой лозунг "через свободу к единству" представлял очевидную химеру и которая отказалась от идей космополитизма и естественного права.

Проблема конституционализма

Конституционализм отличается от двух форм правления — абсолютизма и парламентаризма. От первого — тем, что представляет собой правовое государство, где законодательно определены и закреплены отношения между обществом и государством. Труднее провести разграничение между конституционализмом и парламентаризмом, потому что они не различные формы государства, как в первом случае, а только особые формы правления. Можно сказать, что при конституционализме правительство независимо от парламента, а в парламентарной системе дело обстоит как раз наоборот.

Конституционализм в Германии был конкретной своеобразной формой общеевропейского явления. Это видно уже из того, что пред-

ставители немецкого "домартовского" либерализма Велькер и Дальман исходили из системы конституционной монархии, разработанной Шатобрианом и основанной на легитимном дуализме монархического строя и свободы, воплощенной в народном представительстве, хотя не исключено, что к этим сходным идеям они пришли самостоятельно¹¹.

Сама идея народного представительства в парламентской форме до революции 1848 г. прослеживается в Германии крайне слабо. Но уже и в домартовский период резкое противопоставление конституционализма и парламентаризма становилось анахронизмом. Теория немецкого конституционализма была очень гибкой и содержала элементы, позволяющие плавно переходить от одной концепции к другой. Однако, ни исход революции 1848 г., ни результаты конституционного конфликта 60-х гг. не создали реальных предпосылок для торжества парламентского правления.

Конфликт парламента и монархического режима принял в Пруссии необычайно острую форму в начале 60-х гг., когда развернулся спор о военной реформе. Он перерос в конфликт по вопросу о бюджетных ассигнованиях, когда палата депутатов отказалась правительству в финансовых средствах, необходимых для реорганизации армии.

Постепенно конфликт переместился в чисто конституционную плоскость: как следует поступать, если между частями законодательной власти — монархической и представительной — возникают разногласия по проблеме бюджетного законодательства? Оказалось, что в прусской конституции 1850 г. никаких разъяснений по этому поводу не имелось. С 1861 г. либералы начали громко требовать расширения прав нижней палаты. Король Вильгельм I дважды распускал строптивую палату, но оба раза победу на новых выборах одерживала либеральная прогрессистская партия, лидеры которой — крупный ученый-естественноиспытатель Рудольф Вирхов (1821 — 1902), юрист Франц Вальдек (1802 — 1870), публицист Франц Дункер (1822 — 1888), юрист и экономист Франц Шульце-Делиг (1808 — 1883) — с триумфом были избраны в нескольких округах сразу. Практически политическая система Пруссии оказалась парализованной. Растряянный король подумывал уже об отречении, но нашелся человек, готовый идти напролом. Им был Отто фон Бисмарк (1815 — 1898), "бешеный юнкер" и будущий "железный канцлер" империи.

Придя к власти, Бисмарк в знаменитой речи 30 сентября 1862 г. перед бюджетной комиссией ландтага открыто заявил о намерении Пруссии взять в свои руки дело национального объединения: "Не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь; Бавария, Вюртемберг, Баден могут исповедовать либерализм, потому что им не отводится роль Пруссии; Пруссия должна увеличивать свою мощь и держать ее для благоприятного момента, который уже несколько раз упускался; границы Пруссии по Венским договорам неблагоприятны для здоровой жизни государства; не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы эпохи — это было ошибкой 1848 — 1849 гг., — а железом и кровью"¹².

В ходе конституционного конфликта произошло лобовое столкновение двух теорий — теории апелляции и теории пробелов. Бисмарк, сформулировавший вторую теорию, заявил, что в ~~всех~~ случа-

ях, когда в законе имеется "пробел", то есть отсутствует юридическая формула, предписывающая власти порядок действий, решение вопроса переходит в компетенцию не парламента, а короля как носителя высшей власти.

В противовес этому прогрессисты выдвинули теорию апелляции, по которой, если закон отвергался палатой, король должен был либо заменить министерство, либо распустить ландтаг и назначить новые выборы. В последнем случае решающее слово принадлежало избирателям. Однако проблема эта так и не была решена в юридическом отношении, а последнее слово осталось за Бисмарком, готовым управлять без бюджета и согласованных с парламентом решений. В итоге возник специфический тип германской конституционной монархии с сильными элементами авторитаризма.

Другой чертой такой системы явилось оформление в Германии псевдоконституционализма, ключевым моментом которого стало положение исполнительной власти в политической структуре. Правительство назначалось монархом и выполняло его волю. Поэтому для либерализма в Германии наиболее актуальной стала идея ответственного министерства, согласно которой правительство было обязано отчитываться перед парламентом за свою деятельность. Идея ответственного министерства оформилась у немецких либералов как раз во время конституционного конфликта. Но в системе ответственного министерства, которая так и не была реализована в Германии, скрывался один весьма негативный момент. Если министры проводили неправильную с точки зрения парламента политику, они вовсе не были обязаны уходить в отставку в ответ на вотум недоверия. Ответственность за их действия принимал на себя канцлер, и от него цепочка переходила еще на одну ступень — к монарху.

Следовательно, идея ответственного министерства на практике могла означать только усиление личной власти монарха, становившегося верховным арбитром при трениях, которые возникали между парламентом и правительством. Это давало кайзеру возможность единолично определять в конечном счете политический курс государства. Особенно проявилось это позднее, в период так называемого "личного правления" императора Вильгельма II.

Феномен причудливого германского конституционализма убедительнее всего объясняется при помощи теории модернизации как определенная закономерность для стран, переживающих период ускоренного догоняющего развития. Германская социально-политическая либеральная теория выступала поэтому как теоретическое обоснование необходимости скорейшей рационализации традиционных социальных отношений. Главной проблемой становился при таком типе развития вопрос об отношениях общества и государства в процессе быстрых социально-экономических изменений, а также определение позиции государства в отношении этих перемен.

Либерализм и создание империи

После триумfalной победы Пруссии над Австрией, решившей вопрос об объединении Германии во главе с Пруссией, часть либералов решила отказаться от оппозиции и пойти на компромисс с правительством. В 1866 г. она покинула прогрессистскую партию и образовала новую национально-либеральную партию во главе с адво-

жатом Рудольфом Беннигсеном (1824 — 1902), ставшую на следующие десять лет главной опорой Бисмарка в парламенте. Прогрессисты во главе с литератором Ойгеном Рихтером (1838 — 1906) продолжали отстаивать принципы свободного правового государства и остались в оппозиции правительству Бисмарка. Такой раскол заметно ослабил и без того не слишком мощный прусский либерализм.

Провозглашение Германской империи в январе 1871 г. после разгрома Франции вызвало грандиозный подъем национальных чувств, которые едва ли не сразу стали обнаруживать тенденцию к переходу в национализм и шовинизму.

Золотой дождь пяти миллиардной контрибуции, грандиозные авантюры и грязные махинации Германия не смогла переварить, ибо после грюндерской горячки 1871 — 1873 гг. разразился сильнейший экономический кризис, а в 1875 г. и кризис аграрный. Виновник был обнаружен быстро: политика свободной торговли, основанная на экономической доктрине либерализма. В обществе усиленно пропагандировались протекционистские идеи. В связи с этим национал-либералы отодвинули на задний план идеи построения правового государства и достижения демократических свобод и обратились к проблемам экономическим. В их рядах началась борьба между протекционистами и фритредерами, приведшая к образованию левого крыла партии во главе с юристом Эдуардом Ласкером (1829 — 1884).

Отношения Бисмарка и фритредеров резко охладели. Канцлер все более внимательно прислушивался к агитации протекционистов и склонялся к мысли о том, что укрепить подорванное кризисом хозяйство может только протекционистская экономическая политика. Препятствием этому было либеральное фритредеровское большинство депутатов рейхстага, продолжавшее защищать свободу торговли. К тому же, задуманная Бисмарком финансовая реформа значительно сужала бюджетные права рейхстага, что сильно задевало политические амбиции либералов¹³.

В изменившихся условиях союзником Бисмарка могли быть только консерваторы. Но прежде, чем этот поворот осуществился, произошел эпизод, дававший шанс Германии пойти по другому пути. Летом и зимой 1877 г. канцлер несколько раз вел переговоры с Беннигсеном о возможности вхождения того в правительство. Переговоры в конце концов закончились неудачей, ибо либералы требовали два-три министерских поста и ставили вопрос об ответственных имперских министерствах. Но если для Беннигсена речь шла о принципиальных вопросах, то Бисмарк скорее всего просто проводил политический зондаж. Требования либералов были для него неприемлемы, и он окончательно отбросил идею продолжения сотрудничества с ними. Теперь Бисмарк пришел к выводу, что либерализм изжил себя, и в государстве следует строить новый порядок. А ведь и десяти лет не прошло после создания этого самого государства.

Любопытно и далеко не случайно фактическое совпадение трех важнейших для Германии событий: в 1876 г. образуется Центральный союз немецких промышленников во главе с одним из наиболее ярых реакционеров и активных протекционистов Вильгельмом фон Кардорфом (1828 — 1907), усиленно проводивший политику картелизации тяжелой промышленности; в 1878 г. принимается исключительный закон против социалистов; в 1879 г. вводится новый про-

текционистский таможенный тариф. Происходит далеко идущая реструктуризация всей политической и экономической системы государства.

Это был поворотный момент в истории Германии. Если до этого империя имела некоторые шансы перейти на путь постепенной либерализации, то теперь они были утрачены окончательно. Закон против социалистов "исключил" из общества рабочий класс, не только левые либералы, но и национал-либералы были выброшены из большой имперской политики, в общественном сознании возросло стремление к "твёрдой руке" и сильной власти, сложилась типичная система авторитаризма, характерная для доиндустриальной эпохи и все более входившая в противоречие с быстрорастущей и в высшей степени современной экономической системой. Поэтому датой рождения подлинной Германской империи был не 1871 год, а год 1879, как бы парадоксально это не звучало.

Итог был весьма печален. Политическое наследие Бисмарка совершенно точно определил в 1918 г. Макс Вебер: "Он оставил нацию, лишенную какого бы то ни было политического воспитания, стоявшую гораздо ниже того уровня, которого она в этом отношении достигла уже двадцать лет назад. И прежде всего — нацию безо всякой политической воли, привыкшую к тому, что возглавляющий ее великий государственный деятель сам позаботится о политике"¹⁴. Нация дорого заплатила за это наследие "железного канцлера".

Либерализм в эпоху империализма

После образования германской империи в ней к 80-м гг. XIX века происходит постепенное вызревание нового явления — империалистической идеологии. Это было характерно для всех развитых индустриальных стран, но особого размаха феномен этот достиг именно в Германии, где охватил широкие массы и крайне негативно повлиял на либеральные круги буржуазии и интеллигенции.

Один из крупнейших современных немецких историков Вольфганг Момзен справедливо считает в связи с этим, что поворот к империализму "был наиболее тяжким грехопадением либерализма за всю его полную перемен историю"¹⁵. Немецкий либерализм, как никакой другой, впитал в себя империалистические идеи прежде всего потому, что они были тесно связаны с национальной идеей, которая была одним из главных лозунгов либералов Германии.

Пафос сильного национального государства, который пустил особенно глубокие корни в Германии из-за ее специфически национального объединения сверху, возвысил силу над правом и культурой. Националистический характер немецкого либерализма привел к тому, что именно он в лице национал-либеральной партии стремился стать главной внутриполитической опорой экспансионистскому курсу Германской империи и рассматривал его как логическое продолжение событий 1866 — 1871 гг. Не случайно лидеры национал-либеральной партии эпохи Бисмарка Рудольф Беннигсен и Иоганнес Микель (1828 — 1901) играли далеко не последнюю роль в одной из первых крупнейших пропагандистских организаций германского империализма — "Немецком колониальном обществе". Национал-либеральная партия с самого начала немецкой мировой политики энергично выступала за ее расширение и создание крупной колониальной империи, необходимость которой для будущих интересов

германской промышленности партия подчеркнула в своем берлинском заявлении 5 октября 1896 г., где говорилось, что "национал-либеральная партия окажет поддержку правительству, вступившему на путь прочного и целеосознанного обращения к колониальной политике"¹⁶.

Только небольшая часть леволибералов выступила в целом последовательно против колониальной политики Германии и насаждения духа милитаризма, поскольку это было несовместимо с их убеждением в необходимости мирного сотрудничества народов и ликвидации военных союзов в Европе. Но это были лишь изолированные выступления таких идеологов старого либерализма, как лидер Демократического объединения Хельмут фон Герлах (1866 — 1935) или председатель берлинского социал-либерального союза Рудольф Брейтшайд (1974 — 1944)¹⁷. К ним примыкали такие либерально-буржуазные пацифисты, как мюнхенский историк Людвиг Квидде (1858 — 1941) и геттингенский правовед Вальмер Шюкинг (1875 — 1935), которые выступали против гонки вооружений и агитировали за создание международной организации в защиту мира. Однако подобные взгляды не были распространены в условиях активной империалистической агитации, подавившей слабый голос либеральных демократов. Другая часть леволибералов, группировавшаяся вокруг лидеров Свободомыслящего объединения Людвига Бамбергера (1823 — 1899), Теодора Барта (1849 — 1909) и Генриха Риккerta (1833 — 1902), политически была более влиятельной и заметной. Они в принципе не отвергали колониальной политики, но полагали, что главным ее содержанием должна стать цивилизаторская миссия в Азии и Африке. Однако поддержка свободомыслящими германского проникновения в Африку и Китай, их активная пропаганда строительства Багдадской железной дороги объективно ставили их в разряд сторонников империалистической экспансии. Грань между ними и либеральными сторонниками открытой колониальной политики все более стиралась.

Идейным лидером группы так называемых "либеральных империалистов" являлся Макс Вебер (1864 — 1920), убежденный, что в условиях нарастания противоречий между ведущими империалистическими странами энергичная мировая экспансия Германии становится не только важной, но и просто обязательной. С его точки зрения, политика экономической экспансии представляла безусловную предпосылку успешного роста немецкого народного хозяйства и должна была быть увязана с сохранением экономической и политической свободы отдельных индивидов. Тем не менее, национальная идея в политических взглядах Вебера в целом превалировала над либеральными принципами. Либеральные внутриэкономические реформы и демократизация являлись для него не самоцелью, а прежде всего необходимым условием успешной мировой экспансии.

На такой же платформе стоял и близкий к Веберу идеолог "национально-либерального социализма" Фридрих Науман (1860 — 1919), с именем которого связан поворот немецкого либерализма к социальным проблемам. Науман проявлял большой интерес к проблеме индустриально-экономического развития, которое, по его мнению, должно было постепенно привести к смене правящей аграрно-консервативной элиты и приходу рабочего класса и политически со-

знательной буржуазии к рычагам политической власти. Науман связывал эту концепцию с надеждой на создание прогрессивной в общественно-политическом отношении монархии, носившей плебисцитарные черты.

Науман целиком взял на вооружение провозглашенное еще в 1897 г. Теодором Бартом кредо: "Либерализм должен проводить большую национальную политику, тогда массы с ликованием будут приветствовать его". В связи с этим мировая политика рассматривалась Науманом как социально мобилизующий внутри и внешнеполитический ориентир, направленный против экономической опоры традиционных властующих элит.

Национальное обоснование империалистической экспансии особенно привлекало либералов именно потому, что они в большей степени, чем другие политические силы, претендовали на выражение интересов всей нации. Науман в 1906 г. писал, что "идея нации всегда и везде в ее лучшие времена была либеральной демократической идеей, она была идеей всего народа, державшего свою судьбу в своих руках, идеей государства, не как машины для использования массы в интересах меньшинства, а как организации всех для всех"¹⁸. Исходя из такого представления он и выдвинул свой известный лозунг о создании единого оппозиционного лагеря "от Бассермана до Бебеля", что только шокировало национал-либералов, стремившихся, наоборот, к сплочению буржуазии против социал-демократии, и лишь углубило раскол правого и левого либерализма.

Леволибералы упорно пытались добиться политического сближения буржуазии и пролетариата, полагая, что общность либерализма и социализма неизмеримо больше, чем консерваторов и либералов, для которых, по утверждению юриста и в будущем автора веймарской конституции Гуга Пройса (1860 — 1925), "решительная борьба против юнкерства несравненно важнее и настоятельнее, чем поход против социал-демократии"¹⁹. Также мыслил Квидде, который стремился сохранить гуманистические традиции классического либерализма и полагал, что "демократия может включить в себя так много из идейного содержания либерализма, а он — из идейного содержания демократии, что они почти сливаются; чистая демократия является во всяком случае либеральной, последовательный либерализм — демократическим"²⁰.

Часть дальновидных идеологов либерализма, прежде всего Барт, Вебер и Науман, осознала, что в изменившихся условиях следует по-новому продумать традиционный идейный багаж либерализма. Замена капитализма свободной конкуренции все более отчетливым давлением монополистических объединений не укрылась от их взора. Прежние представления о том, что общество является организацией автономных индивидов, действующих без вмешательства государства, на рубеже веков стали превращаться в анахронизм.

Отражая эти изменения, Науман при поддержке лидера левых кафедр-социалистов Луио Брентано (1844 — 1931) и Макса Вебера выступил за такую переориентацию либерализма, при которой тот смог бы превратиться в социальный либерализм. Науман справедливо считал ошибочными все попытки изолировать рабочее движение как средство стабилизации отжившей системы. Он постоянно отстаивал идею "прогрессивно-интервенционистского государства",

которое будет выступать не с патриархальной опекой ширившегося рабочего движения, а сможет его интегрировать в свою систему отношений и ценностей. На это надеялись Барт и Брентано²¹.

Непосредственным поводом для критической переоценки Науманом наследия либерализма послужил полувековой юбилей революции 1848 г., по случаю которого он выступил в январе 1898 г. во Франкфурт-на Майне с большим докладом. В нем Науман попытался объяснить раскол либерального лагеря в империи и его малое влияние на массы исторически ошибочным путем немецкого либерализма.

Первую ошибку Науман увидел в капитуляции большей части либералов перед объединительной политикой Бисмарка, что и привело к расколу на "либеральную партию правительства" и "либеральную партию оппозиции". Вторая заключалась, по его мнению, в пренебрежении со стороны либерализма социальными проблемами. Науман со всей определенностью и прямотой заявил, что "политически самой большой глупостью, которую только мог совершить либерализм, было то, что он оттолкнул от себя начинавшееся рабочее движение именно тогда, когда он мог одолеть консервативное контреформаторство только вместе с ним. Отвергнув Лассала, как национал-либералы, так и прогрессисты отделились от социалистического движения как движение буржуазное, потеряв тем самым руководство массами в крупных городах"²². Выдвинув далее задачу обновления либерализма, он подчеркнул, что традиционные либеральные лозунги следует наполнять социальным и национальным содержанием, чтобы поставить рабочее движение в Германии под идеиное влияние либерализма.

Утопизм попытки Наумана поставить рабочее движение под контроль либерализма и тем самым возродить последний, как влиятельную политическую силу, с самого начала был ясен Максу Веберу. В отличие от Наумана он рассматривал шансы либерализма на возрождение крайне скептически. Раскол внутри левого либерализма и ориентация национал-либералов в Пруссии на союз с консервативными кругами давали для этого Веберу все основания. Он не видел в Германии политической партии, которая отвечала бы его идеалам национального империализма и внутриполитического либерализма. В христианско-социальных идеях Наумана о возможности гармонии интересов предпринимателей и рабочих Вебер находил лишь безнадежную отсталость от духа и принципов новой эпохи. Патриархальщина окончательно ушла в прошлое и "современное развитие" ставило на место личности отдельного хозяина "безличное господство класса имущих", писал Вебер в рецензии на книгу Наумана "Что значит христианско-социальное?"²³.

В конечном итоге Вебер пришел к выводу, что на длительно обозримый период шансы на самостоятельную и успешную либеральную политику в условиях Германии окончательно потеряны²⁴. "Либеральный империализм" не смог завоевать рабочих на свою сторону. Надежды на внутреннюю либерализацию государства бесповоротно растаяли. В кайзеровской империи "не оказалось места для империализма с либеральными чертами"²⁵. Оказались нереалистичными все расчеты вывести кайзеровский рейх из тупика, опираясь на демократическое избирательное право, программное и организаци-

онное обновление либеральный партий, парламентскую систему и союз рабочего движения с либералами. Бисмарковско-вильгельмовская империя оказалась нереформируемой.

¹ Iggers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971, S.121.

² Schieder W. Der deutsche Liberalismus und die Gesellschaft des Vormärz. — Liberal, 1985, Jg. 27, S.77.

³ Liberalismus in der Gesellschaft des deutschen Vormärz, hg.v. W.Schieder. Göttingen, 1983, S.13.

⁴ Huber E.-R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789, Bd.2. Stuttgart, 1960, S. 374.

⁵ Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich, hg. v. D.Langenwiesche. Göttingen, 1988.

⁶ von Humboldt W. Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksam-Keit des Staates zu bestimmen. — Gesammelte Schriften, hg. v. A.Leitzmann. Berlin, 1903, S.180.

⁷ Ibid., S.140

⁸ Подробно эту проблему рассмотрел А.Н.Медушевский в статье "Гражданское общество и правовое государство в политической мысли Германии". — Вестник Московского университета. Сер.12: социально-политические исследования, 1992, №5, С.21-59.

⁹ Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution. Stuttgart, 1975.

¹⁰ Staats-Lexikon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften, hg. v. C.V.Rotteck und C.-Th.Welcker, Bd.1. Altona, 1834, S.17

¹¹ Ewers F. Die Staatstheorie Chateaubrians im Spiegel der deutschen Konstitutionalismus — Diskussion. Frankfurt a. M., 1987, S.224-225.

¹² Bismarck O. Die Gesammelten Werke, Bd.10. Berlin, 1828, S. 139-140.

¹³ Подробнее см.: Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х гг. XIX в. М., 1992.

¹⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften. München, 1921, S.138.

¹⁵ Mommsen W.J. Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus. — Liberalismus und imperialistischer Staat, hg. v. K.Holl und G.List. Göttingen, 1975, S.110.

¹⁶ Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme. München, 1960, S.166.

¹⁷ Gerlach H. Von rechts nach links, hg. v. E.Ludwig. Zürich, 1937; Breitscheid R. Der Bülowblock und der Liberalismus. München, 1908.

¹⁸ Naumann F. Auferstehen der liberalen Partei. — Die Hilfe, 1906, H.36, S.2.

¹⁹ Preuss H. Die Junkerfrage. Berlin, 1897, S.6.

²⁰ Quidde L. Die demokratische Idee. — Patria. 1912, Bd.12, S.17.

²¹ Barth Th. Was ist Liberalismus? Berlin, 1905; Brentano L. Die liberale Partei und die Arbeiter. Berlin, O.J.

²² Naumann F. Warum haben wir keinen Kräftigen Liberalismus. — Die Hilfe, 1898, H.13, S.1.

²³ Christliche Welt, 1894. 8. Jg., S.472-477.

²⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften, S.454-455

²⁵ Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860-1919). Baden-Baden, 1983, S.307.

ГЛАВА 5 Италия: от либеральных идей к либеральному государству

Распространено мнение, что итальянские либералы, как до, так и после объединения нации, черпали свои концепции, идеологический и политический потенциал в культурно-политическом багаже политиков и идеологов других европейских стран, особенно Франции. Как полагают некоторые историки, они были в определенном смысле как бы оторваны от социальных и экономических реалий своей собственной страны. Это, согласно их интерпретации, и послужило причиной того, что итальянские либералы не сумели вплоть до 20-х годов XX века создать собственной политической партии, а оставались на уровне групп, союзов и ассоциаций. Итальянский средний класс не сумел, таким образом, выполнить свою роль политического и социального организатора, которая была ему предназначена историей.

Другая особенность итальянской либеральной идеологии, согласно широко распространенной концепции, – ее тесная связь с процессом национального объединения страны. Либеральные идеи служили цементирующей основой для понимания итальянской нации, итальянского народа. С другой стороны, политическая раздробленность страны препятствовала глубокому укоренению в сознании народов либеральных идей, или, по крайней мере, идея свободы часто смешивалась с понятием независимости. Можно с уверенностью сказать, что в конце XVIII – первой половине XIX века в Италии преобладала негативная форма либерализма: свобода понималась как освобождение, независимость от иностранного господства.

Слабость либеральных идей в Италии вытекала и из особенностей ее экономического развития. Отсталость итальянской экономики – по сравнению с другими европейскими странами и Соединенными Штатами Америки, отсутствие промышленности в современном понимании этого слова, слабые торговые связи, как внешние, так и внутренние, преобладание латифундий в сельском хозяйстве, особенно в южных и центральных районах страны – все это препятствовало формированию среднего класса, класса буржуазии, который главным образом (хотя и не исключительно) является носителем и выразителем либеральной идеологии.

Общепризнано также, что развитие итальянского либерализма тесно связано с проблемами религии и церкви: понятиями религиозной свободы, вопросами взаимоотношений церкви и государства и т.д., что естественно в стране, где в самом центре находилось экономически и политически независимое папское государство, представляющее собой в то же время центр мирового католицизма.

Зарождение предлиберального политического мышления в Италии относится к первой половине XVIII в. и связано с работами итальянских иллюминистов – по преимуществу юристов, экономи-

онное обновление либеральный партий, парламентскую систему и союз рабочего движения с либералами. Бисмарковско-вильгельмовская империя оказалась нереформируемой.

¹ Iggers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1971, S.121.

² Schieder W. Der deutsche Liberalismus und die Gesellschaft des Vormärz. — Liberal, 1985, Jg. 27, S.77.

³ Liberalismus in der Gesellschaft des deutschen Vormärz, hg.v. W.Schieder. Göttingen, 1983, S.13.

⁴ Huber E.-R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789, Bd.2. Stuttgart, 1960, S. 374.

⁵ Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich, hg. v. D.Langenwiesche. Göttingen, 1988.

⁶ von Humboldt W. Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksam-Keit des Staates zu bestimmen. — Gesammelte Schriften, hg. v. A.Leitzmann. Berlin, 1903, S.180.

⁷ Ibid., S.140

⁸ Подробно эту проблему рассмотрел А.Н.Медушевский в статье "Гражданское общество и правовое государство в политической мысли Германии". — Вестник Московского университета. Сер.12: социально-политические исследования, 1992, №5, С.21-59.

⁹ Koselleck R. Preussen zwischen Reform und Revolution. Stuttgart, 1975.

¹⁰ Staats-Lexikon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften, hg. v. C.V.Rotteck und C.-Th.Welcker, Bd.1. Altona, 1834, S.17

¹¹ Ewers F. Die Staatstheorie Chateaubrians im Spiegel der deutschen Konstitutionalismus — Diskussion. Frankfurt a. M., 1987, S.224-225.

¹² Bismarck O. Die Gesammelten Werke, Bd.10. Berlin, 1828, S. 139-140.

¹³ Подробнее см.: Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х гг. XIX в. М., 1992.

¹⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften. München, 1921, S.138.

¹⁵ Mommsen W.J. Wandlungen der liberalen Idee im Zeitalter des Imperialismus. — Liberalismus und imperialistischer Staat, hg. v. K.Holl und G.List. Göttingen, 1975, S.110.

¹⁶ Mommsen W. Deutsche Parteiprogramme. München, 1960, S.166.

¹⁷ Gerlach H. Von rechts nach links, hg. v. E.Ludwig. Zürich, 1937; Breitscheid R. Der Bülowblock und der Liberalismus. München, 1908.

¹⁸ Naumann F. Auferstehen der liberalen Partei. — Die Hilfe, 1906, H.36, S.2.

¹⁹ Preuss H. Die Junkerfrage. Berlin, 1897, S.6.

²⁰ Quidde L. Die demokratische Idee. — Patria. 1912, Bd.12, S.17.

²¹ Barth Th. Was ist Liberalismus? Berlin, 1905; Brentano L. Die liberale Partei und die Arbeiter. Berlin, O.J.

²² Naumann F. Warum haben wir keinen Kräftigen Liberalismus. — Die Hilfe, 1898, H.13, S.1.

²³ Christliche Welt, 1894. 8. Jg., S.472-477.

²⁴ Weber M. Gesammelte Politische Schriften, S.454-455

²⁵ Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860-1919). Baden-Baden, 1983, S.307.

ГЛАВА 5 ИТАЛИЯ: ОТ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕЙ К ЛИБЕРАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Распространено мнение, что итальянские либералы, как до, так и после объединения нации, черпали свои концепции, идеологический и политический потенциал в культурно-политическом багаже политиков и идеологов других европейских стран, особенно Франции. Как полагают некоторые историки, они были в определенном смысле как бы оторваны от социальных и экономических реалий своей собственной страны. Это, согласно их интерпретации, и послужило причиной того, что итальянские либералы не сумели вплоть до 20-х годов XX века создать собственной политической партии, а оставались на уровне групп, союзов и ассоциаций. Итальянский средний класс не сумел, таким образом, выполнить свою роль политического и социального организатора, которая была ему предназначена историей.

Другая особенность итальянской либеральной идеологии, согласно широко распространенной концепции, – ее тесная связь с процессом национального объединения страны. Либеральные идеи служили цементирующей основой для понимания итальянской нации, итальянского народа. С другой стороны, политическая раздробленность страны препятствовала глубокому укоренению в сознании народов либеральных идей, или, по крайней мере, идея свободы часто смешивалась с понятием независимости. Можно с уверенностью сказать, что в конце XVIII – первой половине XIX века в Италии преобладала негативная форма либерализма: свобода понималась как освобождение, независимость от иностранного господства.

Слабость либеральных идей в Италии вытекала и из особенностей ее экономического развития. Отсталость итальянской экономики – по сравнению с другими европейскими странами и Соединенными Штатами Америки, отсутствие промышленности в современном понимании этого слова, слабые торговые связи, как внешние, так и внутренние, преобладание латифундий в сельском хозяйстве, особенно в южных и центральных районах страны – все это препятствовало формированию среднего класса, класса буржуазии, который главным образом (хотя и не исключительно) является носителем и выразителем либеральной идеологии.

Общепризнано также, что развитие итальянского либерализма тесно связано с проблемами религии и церкви: понятиями религиозной свободы, вопросами взаимоотношений церкви и государства и т.д., что естественно в стране, где в самом центре находилось экономически и политически независимое папское государство, представляющее собой в то же время центр мирового католицизма.

Зарождение предлиберального политического мышления в Италии относится к первой половине XVIII в. и связано с работами итальянских иллюминистов – по преимуществу юристов, экономи-

стов и историков. Характерной чертой этого мышления была переоценка ценностей: во главу угла новыми мыслителями ставилась не власть, как таковая, а условия жизни общества и отдельных граждан, существующие при данной конкретной власти. Итальянские иллюминисты испытывали определенное влияние со стороны французских просветителей, поскольку подобные идеи получили распространение во Франции раньше, чем в Италии. Вместе с тем, как замечает итальянский историк-либерал Л.Сальваторелли, “в то время эти идеи носились в воздухе”: это были идеалы гуманизма, на основе которого развивалась мысль Просвещения.

В конце XVIII века носителями либеральных идей в Италии, особенно на юге, в Неаполитанском королевстве, выступали, по преимуществу, представители аристократии. Причем, первоначально речь шла о сохранении и оживлении феодальных экономических, политических и юридических порядков. И эта задача, по представлению южных либералов, могла быть выполнена разумным и просвещенным монархическим правительством, каким и было в их представлении правление Бурбонов.

В распространении идей просветительства большую роль играли два виднейших представителя итальянского иллюминизма – Джамбаттиста Вико и Лудовико Муратори. Последний основал и в течение почти полувека возглавлял журнал “Анналы”, способствуя распространению исторических и философских знаний. Муратори был противником авторитаризма. Он выдвигал идею противопоставления политики и морали, но в то же время был реалистом, весьма далеким от революционных идей. Его идеалом была просвещенная монархия, возглавляемая разумным государем и разумным правительством. Его программа ясно просматривается уже из названия его основного труда – “Об общественном благополучии, предмете забот хороших государей”!

В мышлении Вико также преобладала идея просвещенного абсолютизма. Его концепцию отличало, однако, представление о том, что монархия должна явиться спасением от анархии народной свободы. Реформизм Вико, как и у его предшественников, носил государственный характер.

В период, предшествовавший Французской революции, идеи иллюминизма получили дальнейшее развитие в работах ряда итальянских философов и политиков: Пьетро Верри и Чезаре Беккариа в Ломбардии, Г.Филанджери, М.Пагано, В.Куоко в Неаполе. К этим идеям добавляется критическое отношение к существующему строю.

Идея противопоставления либеральной формы правления просвещенному абсолютизму присутствовала в работах группы северных интеллектуалов, группировавшихся вокруг миланского журнала “Caffé” (Пьетро и Александро Верри, Чезаре Беккариа и др. Журнал выходил в 1764-1766 гг.). Чезаре Беккариа утверждал, что критерием любого законодательства должно быть “максимальное благополучие, поделенное на наибольшее число лиц”². Этот принцип, по его

мнению, должен лежать в основе необходимых социальных реформ, обновления законодательства.

С этим принципом был согласен и Пьетро Верри, который считал, что интересы общества – это сумма, слагаемая из интересов отдельных граждан. Таким образом, между требованиями разума и стремлением к счастью не существует противоречия. Разум торжествует там, где существует свобода дискуссии, которая в свою очередь невозможна без свободы печати. Верри требовал в своих статьях свободы для всех видов человеческой деятельности, которую просвещенный абсолютизм, по его мнению, был не в состоянии обеспечить. Верри был сторонником конституционного правления: конституции, вводящей в силу нерушимые законы и нерушимый принцип частной собственности.

В работах Г.Филанджери и М.Пагано просматривается четкое определение гражданских свобод и своего рода “обожествление” законов. Законность противопоставляется хаосу, при этом хаос отождествляется со старыми феодальными порядками. Филанджери, впрочем, различал “абсолютную ценность законов” (если они находятся в соответствии в законами природы) и “их относительную ценность” (если они находятся в соответствии с состоянием государства и нации). По Филанджери, основной целью законодательства должно быть предоставление возможностей “увеличения, улучшения и сохранения собственности”. И хотя он отдавал предпочтение просвещенному абсолютизму, как форме правления, способной обеспечить осуществление необходимых реформ, он признавал, что современным ему монархиям недостает многих достоинств, в том числе четкого определения прав короны, разделения функций различных форм власти, четко сформулированного законодательства.

М.Пагано также высказывал разочарование в монархическом строе, поскольку, как он полагал, один человек не в состоянии осуществить реформы, необходимые обществу.

Одним из первых, реально поднявших голос против абсолютизма, против любой деспотической формы правления, в пользу прав индивидуума, был писатель Витторио Альфьери со своим трактатом "О Тирании". В центре внимания Альфьери – свобода и права индивидуума. Те, кто не пользуются индивидуальными свободами и даже не ощущают потребности в них, недостойны, по мнению Альфьери, имени человека. Тираническая форма правления плоха прежде всего потому, что подавляет свободы индивидуума. Под тираническим Альфьери понимал любое правительство, которое вместо того, чтобы осуществлять исполнение законов, отменяет их или издает по своему усмотрению. Тиранической является и такая форма правления, при которой законодателями и исполнителями законов являются одни и те же лица, либо не существует контроля за исполнением законов. У Альфьери, таким образом, уже четко прослеживается идея разделения властей.

Уничтожение тирании должно происходить, по Альфьери, революционным, а не реформистско-еволюционным путем. Однако яркими красками обрисовывая отрицательные стороны тирании, Альфьери гораздо менее отчетливо характеризует "правительства свободы". Идеальное равновесие между интересами одной личности, меньшинства и большинства достигнуто было, по мнению Альфьери, в Англии, однако, перенести английский опыт на почву другого государства Альфьери не считал возможным. К позитивным идеям Альфьери можно отнести его мысль о несоответствии существования наследственной аристократии и республики. Пристрастие Альфьери к республике является логическим выводом из его ненависти к тирании. Монархия является тиранией, считал Альфьери, если законы в ней не имеют силу сами по себе, независимо от воли монарха. Но если они имеют такую силу, то форма правления уже не будет монархией.

Надо сказать, что на Альфьери и на современных ему либералов большое влияние оказали и события Американской революции. В конфедерации американского типа Альфьери видел отражение самого принципа свободы, а Бенджамина Франклина он считал выдающимся деятелем, который нашел формулу социального и гражданского состояния общества, наиболее близкого принципам свободы и обеспечивающего гражданам достоинство и права личности.

С началом Великой французской революции ее идеи и лозунги в самом скром временем проникли в Северную Италию, где утвердились убеждения в необходимости обеспечить народу независимость, свободу и единство. Вместе с тем в Северной Италии эти размыслия падали на практическую почву: кругом аграрной и торговой буржуазии этих регионов независимость (от Австрии) и единство были необходимы для создания единого рынка на территории полуострова, для облегчения сбыта продукции и так далее.

С началом Французской революции распространение подобных идей во многом облегчалось введением в Северной Италии принципа свободы печати, в которой в эти годы активно дискутировались проблемы экономической свободы, усовершенствования законодательства, делались открытые сопоставления между республикой и монархией и т.д.

Последовавшие за революцией наполеоновские завоевания и национальное господство в Италии благоприятствовали укреплению идей национального единства – этому способствовало объединение большей части страны в некое административное единство, пусть и под французским владычеством – и понятий свободы, равенства, незыблемости частной собственности (благодаря распространению на всей этой территории французского правового кодекса). В Италии уже широко распространились убеждения в необходимости создания единого государства, независимого от иностранного господства, обеспечивающего гражданам социальный и гражданский прогресс.

В то же время буржуазия начинает выступать открыто против привилегий аристократов и требовать гражданского равенства.

Сторонником свободы и равенства был Мелькиорре Джойя, который в своей работе "Какое из свободных правительств более всего может благоприятствовать счастью Италии"³ защищал равенство всех людей и всех народов и высказывал симпатию к единой национальной республике. Однако Джойя не отрицал естественного неравенства, заложенного в людях природой. Он был лишь противником неравенства, созданного людьми, такого как привилегии отдельных лиц и слоев в обществе. Он требовал одинаковой оценки одинаковых способностей и достоинств. Этому, по его мнению, лучше всего соответствует представительная, не прямая, демократия с разделением и равновесием властей.

Главная идея работы Джойя – обоснование необходимости свободы слова и печати. Без них невозможно, как он полагал, разрушение старого строя и укрепление нового.

Зарождение движения, имевшего демократический и республиканский характер, относится к 90-х годам XVIII века. В различных областях Италии идеи радикального характера проникают и пускают глубокие корни. По всей Италии (в Ломбардии, Венеции, Неаполе и др. местах) возникают радикальные клубы, в которых дискутируются проблемы социальных преобразований, необходимых в Италии. Эти радикальные клубы имели связи со французскими якобинцами и сами именовались якобинскими. В 1791 г. в Риме (хотя на издании стояли выходные данные Ассизи) была опубликована работа Николо Спедальери "Права человека". Осенью 1793 г. неаполитанец Карло Лауберг перевел на итальянский язык якобинскую конституцию 1793 г. и "Декларацию прав человека и гражданина", ставшую на долгие годы символом, образцом и идеалом для итальянских либералов.

Отличие демократической от умеренной формы либерализма в Италии состояло не столько в вопросе о форме правления будущей Италии (республика или монархия), но, главным образом, во взглядах на пути создания этой Италии, на пути объединения страны в независимое государство. В конце 90-х годов республиканское движение возглавляли демократы Дж.Ранца и Карло Сальватор. Но и демократическое течение итальянских либералов настороженно относились к народным массам, хотя и признавало необходимость социальных преобразований и демократизации общества.

Особенности социально-экономического развития Италии обусловили преобладание в ней умеренного течения либерализма. Воцарение Наполеона принесло Италии, как и Франции, стабильность и спокойствие после турбулентных лет революции, якобинства и т.д. Итальянские идеологи отдают предпочтение конституционной монархии без республиканского представительного органа и провозглашают гражданские свободы более необходимыми, чем свободы политические. П.Верри, например, отводил выборному органу в

стране лишь информативную функцию при монархе. В основе избрания этого органа должно было лежать обладание земельной собственностью. По-прежнему Верри противопоставлял гражданские свободы, отождествляемые с индивидуальной свободой, свободам политическим.

Революционные события вызвали у итальянских идеологов и своего рода реакцию. Даже В.Альфьери, который раньше обосновывал необходимость революции, теперь с ненавистью отзывался о якобинской диктатуре. Дж.Романьози в двух своих работах ("Что такое равенство" и "Что такое свобода") утверждал, что подлинным равенством является равенство возможностей, которое неизбежно порождает фактическое неравенство состояний. По мнению Романьози, общественный интерес складывается как средний результат деятельности отдельных индивидуумов, которые, имея равные возможности и свободы, сталкиваются и соревнуются между собой.

Эту идею Романьози отстаивал и в работе 1815 г. "Об образовании представительной монархии". Причем в создании национального представительного органа должны принимать участие только высшие и средние классы общества, а избирательное право должно быть ограниченным.

Один из крупнейших теоретиков умеренного либерализма Винченцо Куоко, который в 1799 г. принимал участие в разработке конституции Партенопейской республики, представительной форме правления предпочитал такую, которая основывалась бы на муниципальной местной власти. В теории Куоко был сторонником реформизма и конституционной монархии. Революции, по его мнению, имеют узко ограниченное значение. Смена правительства революционным путем приносит стране огромные бедствия. Конституционная монархия – его идеал – должна быть основана прежде всего на частной собственности, так же как и законы должны в первую очередь защищать частную собственность. Первостепенную ценность имели в глазах Куоко индивидуальные свободы.

Позднее, главным образом после реставрации, в умах итальянцев начинает вызревать идея необходимости политических свобод, представительной формы правления, как гарантии для гражданских свобод. Итальянские философы приходят к этому перед лицом восстановления раздробленности итальянских государств, воссоздания таможенных барьеров, возрождения различных феодальных привилегий и т.д.

Таким образом, начало периода итальянского конституционализма относится к годам реставрации. Реставрация принесла итальянской буржуазии глубокое разочарование. Хотя многие завоевания наполеоновского периода остались неприкосновенными (к ним относились, главным образом, перемещения в землевладении и укрепление в Италии буржуазной концепции собственности), пробудившееся национальное самосознание итальянского общества не было удовлетворено. Это сохранило почти для дальнейшего распростране-

ния либеральных идей. В это время возникают такие журналы, как "Кончильяторе", "Антологиа" и другие, послужившие рупором идей либеральной интеллигенции и буржуазии. Интеллектуальное движение этих лет приняло форму романтизма, получившего в те годы широкое распространение.

В то же время итальянская буржуазия начала создавать подпольные организации (движение карбонариев), имевшие целью восстановление провозглашенных в предшествующий период свобод (этот подпольный характер отличал итальянский либерализм от европейского, в частности от французского).

Карбонарские организации отличало стремление совершить "верхушечную революцию", они были движением, имевшим чисто политический характер. Как писал известный историк-итальянист В.С.Бондарчук, "речь шла о том, чтобы обуздать неограниченный абсолютизм и полицейский произвол, добиться упорядочения финансов и налогообложения и устраниТЬ вопиющие препятствия для предпринимательской деятельности... Эти задачи надеялись разрешить, ограничив все權ие монархов конституцией и парламентом. Поэтому требование конституций было главным лозунгом... Карбонарское движение носило в целом конституционно-монархический либеральный характер"⁴. Лишь немногие карбонарии были республиканцами, и совсем немногие из них выдвигали требования социально-экономических реформ.

Кульминацией этого движения были революции 1820-1821 гг., которые были подавлены. Одной из причин слабости итальянского либерализма этих лет, а следовательно его неудачи в восстании была несогласованность действий между организациями Северной и Южной Италии.

Начиная с 20-х годов XIX века итальянские умеренные либералы отказываются от мысли насильственных действий и отдают предпочтение идейной борьбе, апеллируя к общественному мнению. Общественное мнение должно было оказывать давление на правительство с целью осуществления политических реформ.

М.Д'Адзелио утверждал, что насильственные действия и конспиративные организации вдохновлялись "верой в материальную силу", что являлось следствием Французской революции и господства Наполеона. Стремление к умеренности объясняется верой "в моральную силу". Создавая программу партии умеренных в 1847 г., Д'Адзелио, высказывал мнение, что государство должно зиждаться на праве, основанном на торжестве разума.

Умеренно-элитарное течение либерализма было глубоко враждебно демократическим идеям: народ, по убеждению А.Росмини, В.Джоберти и др. – это инертная масса, которой можно придать любую форму. Умеренные либералы этого периода не признавали никакого самоуправления народа, приняв в то же время формулу "все для народа, но ничего руками народа"⁵.

Эта формула включала определенное внимание к "материальному благосостоянию" низших классов. Умеренные проводили довольно широкую благотворительную деятельность, создавали приюты для детей, кассы помощи для крестьян. К этому нужно добавить их активную работу по созданию вечерних и воскресных школ, чтению лекций, словом всего того, что могло способствовать народному образованию, профессиональному обучению. Этим вопросам итальянские умеренные либералы уже в то время придавали большое значение.

30-е годы были годами расцвета итальянских либеральных идей, испытавших сильный импульс с французской стороны. Тогда были основаны новые либеральные журналы "Ривиста эуропеа", "Политехнико" и другие.

Главной характеристикой итальянского модератизма была его вера в реформизм в противопоставлении революционным сдвигам. Отказываясь от революционных действий, умеренные предлагали введение в каждом из итальянских государств конституций, которые бы законным путем гарантировали, с одной стороны, права монарха, с другой стороны, политические права народа. Парламенту приписывалась функция посредника между этими двумя силами. Таковы идеи, высказанные в трактате Дж. Романьози "Наука конституций" – вторая часть работы, опубликованной в 1815 г. Идеалом умеренных был английский либерализм XVIII века, с некоторыми поправками в пользу усовершенствования социальной справедливости. Романьози, кстати, был одним из первых, кто высказал идеи о необходимости демократического участия народа в управлении государством. Непосредственно прямое демократическое правление должно было воплощаться в системе автономного управления регионами.

По представлению умеренных либералов, будущее государство должно было быть федералистским (это был первый пункт их программы), составными частями его должны были стать существующие монархические государства полуострова.

Еще одной характерной чертой философии этого поколения умеренных было соединение рационализма и догматов религии и церкви. Собственно эта черта также не была оригинально итальянской – идеи эти уже высказывались такими идеологами, как Де Местр, Шлегель и др. В Италии они попали на благодатную почву, поскольку католическая церковь часто воспринималась как единственный общенациональный институт, объединяющий в идеологическом плане весь полуостров. Отсюда появилась и весьма распространенная в эти годы идея: выхолостить революционное содержание рационализма с одной стороны, и обновить, лишить реакционной сущности католическую церковь, которая и должна возглавить движение – объединение Италии, с другой. Папа, таким образом, как бы олицетворял собой либеральное движение Рисорджименто.

Лидеры на Пия IX имели под собой серьезные основания. Именно он, избранный на папский престол в 1846 г., начал в Пап-

ском государстве эпоху либеральных реформ, прокатившихся затем (в 1846-48 гг.) волной по многим государствам Италии. В числе этих реформ были закон о печати (смягчение цензуры), судебные и административные реформы (выборность муниципальных советов, гласность судопроизводства и т.д.). Вершиной этих реформ стало провозглашение конституций в Сардинском королевстве, Королевстве Обеих Сицилий, в Тоскане и других государствах Италии. Характерной особенностью этих конституций было то, что они были составлены по образцу французской конституции 1830 г.

На умеренное течение либерализма (и особенно на сторонников неогвельфизма) огромное влияние оказала книга Винченцо Джоберти "О духовном и гражданском первенстве итальянцев" (1843 г.). За 20 лет эта книга выдержала 15 изданий. Джоберти утверждал, что возрождение Италии возможно при условии, что националистическое движение будет возглавлено папой и католической церковью. Он предлагал конфедерацию итальянских государств под эгидой Папского государства. Утверждение идей прав личности должно было осуществиться не революционным путем (Джоберти категорически отвергал политическую революцию), а путем внутренних реформ. И эти реформы (только гражданские, а не политические) должны осуществляться постепенно, "умеренно". Умеренность для Джоберти – политический идеал. Осуществление реформ, писал он в более поздней работе, единственная возможность преградить путь революции. Свобода и законность для Джоберти должны неизбежно сопутствовать историческому процессу: свобода стимулирует прогресс, законы обеспечивают порядок.

Неогвельфистские идеи имели и своих противников. Пьемонтский генерал Джакомо Дурандо в работе 1846 г. "Della nazionalità italiana" противопоставил этим гвельфистским концепциям традиции гибеллинов с их монархическим принципом. Сам Джоберти в более поздних взглядах основную роль в деле объединения Италии отводил буржуазии и части аристократии.

Чезаре Бальбо, как и Джоберти, выдвигал идею федерации монархических государств Италии. Итальянский историк П.М.Тоеска назвал книгу Бальбо "О надеждах Италии" "учебником итальянского модернизма". Бальбо посвятил ее Джоберти и неоднократно подчеркивал, что его работа лишь развивает идеи последнего. Правда, в отличие от Джоберти, Бальбо провозглашал необходимость свободы печати, создания политических партий. Подверглась его критике и та часть концепции Джоберти, которая имела неогвельфистский оттенок. Главные цели Бальбо – независимость и конфедерация. Конфедерация (которой непременно должна предшествовать независимость) наиболее соответствует, по мнению Бальбо, истории и положению Италии. Среди "надежд" Бальбо центральное место занимала его надежда на поражение Турецкой империи и ее уход с европейской территории, что в свою очередь вынудило бы Австрию

оставить ее владения в Италии и позволило бы осуществить единство итальянского полуострова.

В книге "Представительная монархия" Бальбо подчеркивал, что независимость, единство и свобода должны быть присущи любой нации. Идеолог свободы, Бальбо различал свободу политическую и свободу частную, или индивидуальную. Под политической свободой Бальбо в первую очередь подразумевал ограничение власти государства. Им принималась также необходимость таких свобод, как свобода собраний и ассоциаций. То, что отличало Бальбо от современных ему либералов, это признание пользы политических партий.

Консерватизм умеренных проявился в полной мере в вопросах о путях достижения независимости и о форме государства. И Джоберти, и Бальбо отвергали революционный путь объединения и идею народного суверенитета. "Суверенитет народа, – писал Джоберти, – ...противоестествен и безрассуден". Джоберти был противником самоуправления народа и сторонником авторитаризма. Вокруг монарха должны группироваться "мудрые советники", считал он. И в этом случае Джоберти ссыпался на "национальное общественное мнение". Дело объединения Италии должно привлекать к себе противников насилия, революций, тотального разрушения.

Идеалом Джоберти была монархия и правление аристократии. Но под аристократией он понимал не наследственный класс дворянства, не аристократию крови, а "лучших представителей нации", избранных выражать общественное мнение.

Бальбо, как и Джоберти, был сторонником монархии и отвергал идею республики. Но в отличие от Джоберти, он считал представительное правление одним из главных завоеваний современной цивилизации. Оно обеспечивает, как он полагал, систему равновесия между монархом и народом.

Единственным, кто принимал идею народного суверенитета, был Сильвио Спавента, представитель итальянского меридионализма. Для Спавента государство не являлось институтом, зависимым от воли одной личности, пусть и монарха: нем должна была быть выражена общая воля всех граждан. Спавента принимал и революцию, считая, что зло и разрушения, приносимые революцией, сопровождаются в то же время благом, в отличие от зла, приносимого деспотизму.

Организующим центром североитальянских либералов стало "Аграрное общество", основанное в 1842 году в Пьемонте. Вообще пьемонтская либеральная буржуазия превратилась в ведущую группу умеренно-либерального движения всей Италии.

Наиболее плодотворным оказалось то течение либерализма, которое развивалось главным образом в русле экономических концепций. Итальянские либералы, особенно пьемонтские, все большее внимание начинают уделять экономическим проблемам. Их основные требования – ликвидация гаможенных барьеров, признание принципа свободной торговли, строительство единой железнодо-

рожной сети, введение единой денежной системы, унификация торгового законодательства. Все эти меры в конечном счете имели целью превращение узких внутригосударственных рынков в единый итальянский общенациональный рынок. Первым шагом на этом пути, по мнению многих идеологов либерализма, могло бы стать создание таможенного союза итальянских государств, сторонником чего были и Чезаре Бальбо и Дж. Вьессе и другие. В том же ряду и в той же связи итальянские либералы рассматривали и проблему железнодорожного строительства, которому уделялось особое внимание.

Под влиянием экономических концепций проходило формирование таких крупнейших представителей либерализма Северной Италии, как Камилло Кавур и Карло Каттанео.

Граф Камилло Кавур был выходцем из старинной дворянской пьемонтской семьи. Его политические идеи были по сути дела типичными для итальянского умеренного либерализма тех лет. Он олицетворял собой "золотую середину", то есть умеренный либерализм банкиров и промышленников. Его политические взгляды в этом были созвучны доктринаам французов Кузена и Гизо. Кавур писал о себе: "Я долго оставался в нерешительности между этими двумя противоположными движениями (революционным и реакционным – Е.Т.)... и дело кончилось тем, что я, как маятник, остановился как раз посередине. Итак, я заявляю, что я честный человек "золотой середины", жаждущий прогресса и работающий для него не покладая рук, но считающий, что этот прогресс не должен быть куплен ценой общего политического и социального переворота"⁷.

Кавур был типичным представителем западноевропейского обуржуазившегося дворянства. Будучи крупным землевладельцем, он управлял своим хозяйством "по-американски", применял искусственные удобрения, основывал фабрики по их производству и сахаро-рафинадные заводы, ввел в Пьемонте культуру свекловицы, занимался импортом-экспортом овец, лошадей, рогатого скота, гуano, спаржи, наконец, он стал финансистом-практиком и вошел пайщиком в различные кредитно-банковские предприятия.

Кавур много путешествовал по Европе, в том числе был в Англии и вернулся оттуда поклонником английской конституции. Идеи свободной торговли (фритредерства), которые были важны для Англии, добивавшейся ввоза дешевого хлеба, его совершенно покорили. Свобода торговли, говорил Кавур, "необходима для развития промышленности и торговли страны, разделенной ныне многочисленными таможенными границами, где продукты земли и труда на каждом шагу встречают налоговые преграды, которые они не могут преодолеть"⁸.

Преодолению таможенных барьеров должна была служить созданная Кавуром программа развития железных дорог. Железнодорожное строительство Кавур рассматривал и как важный этап на пути создания единого итальянского государства и его независимости. "Будущее, – утверждал он, – это завоевание национальной

независимости"⁹. Проблема независимости занимала в его мыслях все большее место. "Там, где... слабо национальное чувство, никогда не будет сильной промышленности"¹⁰, – писал он.

Кавур выражал свою твердую веру в индивидуальную инициативу и в частное предпринимательство. В целом он считал, что будущее Италии – в земледелии. Дело, конечно не в том, что сам Кавур был вообще против создания в Италии более мощной промышленности. Он полагал, что в Италии, разумеется, может быть развит целый ряд отраслей, для процветания которых существуют объективные условия. К таковым он относил шелкопрядение, а также промышленное использование сицилийской серы. Но земледелие – это основа итальянской экономики. Этот взгляд пользовался большим распространением среди итальянских умеренных либералов, которые зачастую были сами крупными землевладельцами.

Довольно сложной была точка зрения Кавура на вопрос об административном устройстве государства. С одной стороны, он был против бюрократического централизма, с другой – предостерегал против дробления нации на массу "мелких политических ассоциаций, независимых друг от друга".

Обдумывая пути к независимости, Кавур утверждал, что демократическая революция не может иметь успеха. По отношению к объединению Италии Кавур формулировал позицию либеральных помещиков и буржуазии Севера: "Цель ясна и не подлежит дискуссии: навязать единство самой развращенной и самой слабой части Италии. Насчет средств тоже нет больших сомнений: моральная и (если ее окажется мало) физическая сила"¹¹.

Кавур не колеблясь применял политические меры, которые никак не согласовывались с принципами либерализма. Так, после покушения Орсини на французского императора Наполеона III он, опасаясь ответных действий со стороны Наполеона против Италии, заставил пьемонтский парламент принять ряд мер против прессы, а также выслал в Америку несколько тысяч политических эмигрантов из других частей Италии, нашедших убежище в Пьемонте.

В 1842 г. Кавур стал одним из руководителей "Аграрного общества", а в 1852 г. возглавил правительство Пьемонта и оставался на этом посту вплоть до самой своей смерти в 1861 г. В 1847 г. Кавур создал газету "Рисорджименто", ставшую идейным центром умеренных либералов всего полуострова.

Кавур, как это ни парадоксально, явился одним из основоположников не только элитарно-либеральной, но и либерально-демократической традиции в итальянской политике. Это объясняется сложностью и неоднозначностью его мировоззрения. С одной стороны, деятельность Кавура неотделима от мифа "старой Правой", но с другой, она включала гены джолиттианского либерально-демократического режима, причем не в последнюю очередь такого его важного аспекта, как тенденция вводить в правительство большинство наиболее склонные к компромиссу элементы левой оппозиции ("брачные

"союзы" по итальянской терминологии). Кавур утверждал, что "человечество стремится к двум целям – политической и экономической", причем первая состоит в "изменении учреждений таким образом, чтобы все большее число граждан пользовалось политической властью", а вторая состоит в "улучшении положения низших классов, более правильном распределении продуктов земли и капиталов"¹².

Улучшение положения низших классов было, по мнению Кавура, необходимо еще и для того, чтобы поддерживать моральное влияние на них "имущих классов", ослабив таким образом их тягу к революционным действиям. "Сделаем так, – писал Кавур, – чтобы все наши сограждане, как богатые, так и бедные (последние еще в большей мере, чем богатые), выигрывали бы от развития цивилизации, от роста богатств, и тогда мы сможем мирно, по-христиански разрешить великую социальную проблему, которую иные хотели бы разрешить путем страшных возмущений и ужасающих разрушений"¹³.

Эта идея "обращения к народу" прекрасно сочеталась с централизаторской традицией, заимствованной Кавуром у французских докторинеров. В переписке Кавура до 1848 г. встречается немалое число восторгов по адресу Гизо.

Не менее важной для последующего развития итальянского государства была политика, выработанная Кавуром по отношению к церкви. Кавур был автором широко распространившейся формулы "свободная церковь в свободном государстве". Кавур считал, что церковь, будучи одной из культурно-идеологических ассоциаций государства, должна подчиняться юридическим нормам государства, но в то же время он считал необходимым предоставить церкви полную свободу в разработке ее доктрин и в осуществлении ее религиозных функций. В основе этих идей лежали его убеждения в необходимости свободы ассоциаций и свободы совести. Политика Кавура по отношению к церкви считалась его современниками всего лишь компромиссом, впрочем так же как и его политика "брачных союзов".

Умеренно-элитарному течению либерализма противостояло демократическое крыло. Крупнейшим представителем этого направления был Джузеппе Мадзини. Мадзини и организация "Молодая Италия" (созданная в 1831 г.) выдвинулись на первый план, когда стали очевидными поражение карбонаризма и перелом в политических настроениях итальянской эмиграции.

Краеугольным камнем планов Мадзини была народная революция, которая должна была, по его замыслу, установить царство труда и справедливости. Таким образом, Мадзини был противником одной только "политической революции", совершающей в верхах. Парадокс заключался в том, что в течение всей своей жизни Мадзини был организатором именно "политической революции", создателем и активным участником тайных обществ.

Мадзини считал, что стоит лишь бросить клич, как вся страна поднимется в едином порыве, "farà arma delle stocci e delle ronchie" и сбросит иго иноземцев фактически одним энтузиазмом. Не понадо-

бятся ни армии, ни конференции, ни конгрессы. Действительность, однако, обрекала Мадзини на одну неудачу за другой в период с 1834 по 1870 г.

Основу любого общества Мадзини видел в свободном человеке (индивидууме), но полагал, что наиболее полное развитие он может получить лишь во "всемирном сообществе", которое будет гарантировать его права. Для всех народов, по его мнению, должно существовать единое стремление ко всеобщему благу: каждый народ должен руководствоваться этой единой целью и каждое правительство только тогда может считаться **законным**, когда кладет все силы на осуществление этой общей задачи. Таким образом, человек чувствует себя свободным в обществе, нация свободна в сообществе свободных народов, человечество в целом также должно быть свободным во вселенной перед лицом Господа.

Революция оправдана, считал Мадзини, не только потому, что она освободит родину от иноземного господства: это будет благо не только для тех, кто говорит на одном языке, это будет акт справедливости, имеющий универсальное значение, поскольку это шаг к новому справедливому устройству на земле.

В основе концепций Мадзини лежала идея прогресса, понимаемая им как непрерывное поступательное движение человечества к совершенству. Прогресс для Мадзини – это следование всеобщему моральному закону, установленному Богом. Человечество в своем существовании должно жить в соответствии с этим законом. Концепция прогресса у Мадзини складывалась под сильным влиянием идей Сен-Симона и Кондорсе. В то же время следует отметить преемственность идей прогресса у Мадзини по отношению к предшествующим поколениям итальянских либералов.

В прогрессивном развитии человечества Мадзини выделяет "критические" и "органические" периоды. Период истории, которому сам Мадзини был современником, он называл именно периодом "критическим", "очень скверным", таким, какими были времена Иисуса Христа и апостолов. Однако, как то время, так и нынешнее является зарей новой эры, "органической", эры возрождения общества. Прогресс для Мадзини не есть результат борьбы между людьми, еще менее результат борьбы классов, а тем более народов. Прогресс – результат связи между людьми, преемственности их традиций, преемственности сознания, формируемого непрерывным воспитанием, сотрудничества между людьми и поколениями. Отсюда вытекает и центральная в идеологии Мадзини идея "ассоциализма", о которой речь пойдет ниже.

Политический и социальный прогресс человечества определяется, по Мадзини, прогрессом религиозных верований. Только когда христиане провозгласили равенство людей перед Богом, утверждал Мадзини, это равенство было зафиксировано в человеческих законах. Таким образом, проблема прогресса лежит в первую очередь в области морали. Прогресс – это исполнение людьми воли Божией.

Но поскольку исполнение воли Божией требует от людей активных действий, то идея прогресса в понимании Мадзини тесно связана с идеей долга. "Преобразование общества, в котором человек существует, происходит только тогда, когда человек этого заслуживает, а заслужить он может только ... очищаясь путем жертв, великих деяний..., трудясь во имя спасения мира"¹⁴. Таким образом, для достижения прогресса человек должен выполнить свой социальный долг перед обществом. Это очередное подтверждение того, что идея прогресса для Мадзини лежит в области общественной и личной морали, как человека, так и всего общества. Сам Мадзини предстает в этой связи не только как философ, но как активный реформатор человеческой жизни.

Теория общественного долга человека – одна из центральных в философии Мадзини. Недаром один из его главных трудов носит название "Обязанности человека". Однако эта идея долга не противоречит понятию индивидуальной свободы. Исполнение долга перед обществом соответствует божественной воле, божественному провидению, но человек сам волен выбрать этот путь: он может стать на путь добра или зла, это зависит только от воли самого человека. Из сказанного очевидно вытекает, что в соотношении права-обязанности последние, добровольно осознанные и усвоенные, по мнению Мадзини, преобладают над первыми. Мадзиниставил знак равенства между правами человека и его интересами, понимаемыми в первую очередь, как интересы экономические. В господстве этих интересов Мадзини видел главный дефект новых буржуазных порядков.

Таким образом, основные принципы классическо-индивидуалистического либерализма, основанные на неограниченных "естественных правах человека", вызывали протест Мадзини. Он был противником того, что он называл "анархическим индивидуализмом". "Господство "Я" не может привести ни к чему другому, кроме деспотизма и анархии"¹⁵, – утверждал Мадзини.

Индивидуалистическая концепция прав человека сказалась отрицательным образом и на международных порядках. Каждый народ, утверждал Мадзини, борется во имя собственных интересов, "никто не сражается во имя долга"¹⁶. "Но человечество не может существовать без высшей идеи"¹⁷. Таковой идеей, по мнению Мадзини, является идея долга, которая значительно выше теории прав и благосостояния. Мадзини признает, что идея естественных прав человека сыграла определенную роль в историческом развитии: в том смысле, что она являлась реакцией (и в этом смысле Мадзини употребляет по отношению к ней определение *реакционная*) на старые порядки, старый общественный строй, однако, не в ней заложены возможности общественного прогресса. Она не способна к созидательной функции. В новую историческую эпоху от народа, как и от индивидуума требуется нечто большее, чем просто деятельность, направленная на защиту своих интересов. От них требуется жертвенность во имя национальных и социальных идеалов.

Этим мыслям Мадзини видел подтверждение в современной ему действительности. Во Франции свобода была завоевана в ходе революций 1789, 1830, 1848 гг. "Доктрина индивидуальных прав проникла в умы каждого гражданина; но кто воспользовался ею? – спрашивает Мадзини. – Почему не изменились условия жизни для рабочих? Почему революция принесла пользу только средним классам, владельцам капитала и земли?"¹⁸ Нужно заметить, что Мадзини, проведя большую часть жизни в Англии, был оторван от итальянской реальности и не видел, что отрицательные последствия буржуазного индивидуализма, частной инициативы в Италии не проявлялись и не были реальной проблемой в то время. Критика Мадзини основывалась на том, что он мог наблюдать в таких странах, как Англия и Франция.

Еще раз повторим, что идея долга не является для Мадзини отрицанием свободы. "Свобода, – пишет он, – это дело священное для каждого индивидуума... Там где нет свободы, жизнь сводится к простому органическому существованию"¹⁹. Но свобода состоит для Мадзини в том, чтобы "свободно выбрать... средства для совершения добра"²⁰. То есть свобода для Мадзини – это *средство* для достижения добра, но не *цель* сама по себе.

Провозглашая приоритет долга по отношению к правам, Мадзини не отрицает последних. "Я не требую от вас отказаться от прав, – писал он, обращаясь к итальянским рабочим, – я говорю только, что права – это следствие выполненного долга, что нужно начинать с него, чтобы достичь реального осуществления прав"²¹. Политическими правами обладают, по мнению Мадзини, все граждане без исключения. Но там, где нарушаются права одних, не существует прав и для других. Поэтому, если правительство не служит идеям прогресса, народ имеет законное право на революцию. То же самое Мадзини говорит и по отношению к целым народам. Там, где нарушаются права одного народа, не существует прав и для остальных.

Идея долга отразилась на его концепции власти. Мадзини был решительным сторонником формулы "власти народа" ("суверенитета народа"). Но свои права, свою власть народ получает непосредственно от Бога. И есть, полагал Мадзини, нечто высшее, чем права народа, чем власть народа. Это "национальная цель", необходимость власти действовать в целях общего блага, в целях прогресса всего общества. "Там, где нарушен этот принцип, там власть является узурпацией"²², – писал Мадзини.

В более поздних своих работах Мадзини все больше делает акцент на том, что народ является лишь исполнителем воли Бога на земле, что власть реально принадлежит лишь Богу, а народ – его представитель. Власть народа законна лишь тогда, когда народ подчиняется божьей воле, исполняет законы, продиктованные самим Богом.

И в этом пункте Мадзини также расходится с основными положениями либеральных философов. Земная власть, согласно его пред-

ставлениям, покоятся не на юридических законах, разработанных и зафиксированных людьми, но на законах, предначертанных Богом.

Народ – единственный может обладать властью, получаемой путем всеобщего избирательного права. Но для того, чтобы народ мог выполнить свою миссию исполнителя божественных законов, он должен существовать, как единая нация. И это возвращало Мадзини вновь к идеи единства Италии.

Принимая во внимание формулу "Бог и народ", лежавшую в основе философии Мадзини и бывшую лозунгом возглавляемого им движения "Молодая Италия", очевидно, что Мадзини был горячим приверженцем республиканской формы правления. Единая республиканская Италия – таким был его идеал государства. Однако, как отмечают историки, "унитаризм" Мадзини не являлся самоцелью, а в сочетании с понятиями "свобода" и "республика" должен был способствовать освобождению Италии от иностранного господства и ее независимости. Освободиться Италия могла в том случае, если было бы создано единое сильное государство, способное противостоять другим европейским державам. Поэтому историки предлагают иметь в виду, что свои унитаристские идеи Мадзини высказывал главным образом в период до объединения Италии. Во-вторых – и это не менее важно – унитаризм Мадзини не противоречил принципам определенной автономии регионов и признанию прав итальянских коммун. В политическом плане государство, согласно Мадзини, должно было быть централизованным, но в административном плане самоуправление коммун могло осуществляться свободно. Государству, т.е. центральной власти Мадзини отводил следующие функции: образование, содержание армии, юрисдикция, распределение национального дохода, общественная безопасность и общественные работы общегосударственного значения. Кроме того, государство, писал Мадзини, "должно заключать национальный пакт, провозглашать принципы существования итальянского народа,, определять общую цель, социальный долг, который из этих принципов следует..."²³. Идея местной автономии в рамках унитарного государства была сформулирована Мадзини еще в 1831 г. Он развил ее в 1861 году в работе "Об итальянском единстве".

Социальные концепции Мадзини формировались под сильным влиянием сен-симонизма. В основе рассуждений Мадзини лежали принципы "солидаризма" или "ассоциализма". Солидарность (социальная солидарность) в представлении Мадзини была неким идеалом, к которому должны прийти люди в процессе воспитания в них чувства долга в соответствии с моральными нормами. Солидарность основывалась, в частности, на стремлении к единому государству, свойственному всем классам общества. Солидарность Мадзини противопоставлял социалистическим принципам классовой борьбы, явившимся, по его мнению, одной из главных ошибок социалистического учения. Мадзини был противником классовой борьбы и экспроприации частной собственности. В программе Римского триум-

вириата 1849 г. Мадзини записал: "Нет – классовой борьбе, нет – несправедливому и необдуманному захвату частной собственности!"²⁴

Но Мадзини признавал, что если в своем стремлении к свободному независимому государству народ един, то в остальных вопросах различные классы общества имеют и различные интересы. Для защиты своих интересов, считал Мадзини, рабочий класс должен объединяться в ассоциации. Ассоциации Мадзини противопоставлял интересам отдельных людей, "анахии прав и привилегий"²⁵. В ассоциациях он видел экономическое и социальное будущее людей. Он призывал не к огосударствлению экономики, а к созданию ассоциаций с коллективной собственностью на средства производства и капитал и с распределением доходов среди рабочих-членов ассоциации, в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. "Когда труд и капитал будут сосредоточены в одних и тех же руках..., мы увидим уменьшение нищеты и повышение морального уровня общества"²⁶, – писал Мадзини.

Роль государства, по мнению Мадзини, в таком обществе должна ограничиваться следующими функциями: признание за этими ассоциациями права юридического лица; улучшение коммуникаций; создание "ярмарок" для того, чтобы обеспечить ассоциациям возможность беспрепятственно реализовывать производимую ими продукцию; улучшение юридических норм; передача ассоциациям права на выполнение общественных работ; создание общенационального кредитного фонда, в который вошли бы: церковная собственность, неразрабатываемые земли, железнодорожные предприятия и т.д.

Идея ассоциаций неотделима для Мадзини и от понятия национальности. Для Мадзини нация – это "сообщество людей, говорящих на одном языке, имеющих общенациональные ассоциации, а также равные гражданские и политические права, и стремящихся к осуществлению общих целей развития и улучшения социальных сил"²⁷.

Понятие нации, национальности имеет у Мадзини религиозно-исторический характер. Создание единой нации способствует разделению труда в общечеловеческом масштабе и тем самым является осуществлением на практике божественного предопределения прогресса. И главной для Мадзини является идея сотрудничества наций в общей структуре человечества. Свобода для каждой нации, уважение прав других наций – это главное условие существования любой из них.

Человечество в представлении Мадзини – это объединение (ассоциация) Наций. Национализм в глазах Мадзини имеет отрицательное значение. Национализм противопоставляет интересы одной нации интересам другой. Каждая нация находится в противоречии и в непрерывной конкурентной борьбе с другими нациями, что противоречит божественным законам солидарности. "Цель народов одна, – писал Мадзини... – Задача нашей борьбы – это Святой Союз Наций, единственная сила, способная противостоять современным властям, созданным на основе привилегий и эгоистических интересов"²⁸.

В 60-е годы усилился интерес Мадзини к рабочему движению, которое он предполагал использовать как движущую силу итальянской революции, задачей которой было бы создание единого республиканского государства, и стимулировать тем самым сдвиг влево в его руководстве. Однако, хотя он и признавал необходимость привлечения народа к революционной борьбе, однако, отводил ему подчиненную роль. Народ – это масса, которую ведут за собой интеллигенты-революционеры, образованная "молодежь". Это – рабочие руки революции. Важно учесть, что Мадзини отрицательно относился к террору, к кровопролитию. Он также никогда не ставил прямо вопрос об аграрной реформе в Италии. И хотя он был сторонником мелкого землевладения, он категорически отрицал возможность насилийственной экспроприации помещичьих земель. Это казалось ему нарушением "прав человека".

Для демократического либерализма было характерно преобладание идей унитаризма. Вообще следует отметить, что идея объединения, освобождения Италии, вопрос о путях этого объединения и о форме государства (унитаризм или федерализм), а позднее вопрос о централизации или децентрализации, то есть проблема "self-government", довлеет в Италии XIX века над всеми другими проблемами, занимавшими западноевропейских либералов.

Однако не все в демократическом лагере разделяли полностью представления Мадзини о будущем устройстве Италии.

Карло Каттанео представлял себе Италию будущего в виде конфедерации суверенных республик, каждая из которых будет обладать собственной конституцией. Каттанео был противником принципа национальности. Будущее Европы он также представлял как федерацию свободных народов. Его целью было создание Соединенных Штатов Европы. Для того, чтобы европейские государства не воевали между собой, они должны оставить лишь национальную милицию, предназначенную для защиты, но не войско, чьей задачей является нападение и завоевание.

Фанатично обожествляя свободу, Каттанео полагал, в отличие от Бальбо, что свобода должна предшествовать независимости Италии, а не наоборот. Без свободы независимость невозможна. Более того, Каттанео отвергал единство Италии, если при этом будет необходимо пожертвовать революцией.

Обосновывая свою приверженность республике, Каттанео объяснял, что республиканский принцип прослеживается на протяжении всей собственно итальянской истории, начиная с Древнего Рима и кончая независимыми республиками средневековья – Генуя, Венеция и др. И напротив, савойская монархия – это воплощение иностранного владычества в Италии. Она является наследницей французского феодализма.

Каттанео, отдавая дань идеям социализма, видел основу итальянского возрождения в создании "гражданских установлений" по типу свободных коммун

Карло Каттанео, как и Кавур, был представителем экономической школы Пьемонта. Его идеи заключали в себе программу развития сельского хозяйства в индустриальном плане. Одним из главных для него был человеческий фактор. Прогрессивное развитие сельского хозяйства для Каттанео было возможно в том случае, если сельскохозяйственные рабочие будут пользоваться всеми правами современного гражданина, в том числе им будет обеспечен достаточно высокий уровень жизни, если они будут образованы, если в них будут присутствовать чувства ответственности и инициативы. Эта демократическая нота была свойственна и другим экономистам Северной Италии в противоположность экономистам Юга, таким например, как С.Спавента, которые никогда не предполагали, что прогрессивное развитие сельского хозяйства требует повышения культурного уровня сельскохозяйственного населения.

Сторонником федерального союза независимых государств на базе глубокой демократизации их государственных основ провозглашал себя и Джузеппе Феррари. Как и Каттанео, Феррари придавал приоритетное значение свободе и критиковал Ч.Бальбо за то, что тот отвергал идею революции. Его концепции были, однако, еще более радикальны. Феррари полагал, что есть только два альтернативных решения: реформы или конституция, абсолютизм или революция. Свобода и монархия несовместимы, писал он.

Идея нации подверглась критике со стороны Феррари, европейца по своим убеждениям. Будущее Италии он представлял себе как ассоциацию свободных народов: "...Право каждого итальянца, – писал он, – жить свободно в собственном государстве. Таким образом, и право, и существующая реальность ведут к итальянской конфедерации".

От идеи свободы Феррари затем перешел к идеи равенства, от индивидуализма к социализму. Социализм, как он полагал, станет третьим, завершающим этапом развития общества. Социализм означает торжество разума, принципов ассоциации и всеобщего братства.

Филиппо Буонаротти, отдававший дань концепциям эгалитаризма, и Карло Пизакане, внесший большой вклад в разработку социальных проблем, остались несколько в стороне от генеральной линии развития либеральных концепций в Италии.

После краха революций 1848-49 гг. наблюдается сближение умеренного и демократического течений либерализма. В основе этого лежал тот факт, что размежевание этих двух направлений проходило в области политики, но не в области социальных программ. Так умеренные были сторонниками федерализма, а демократы – единства Италии, умеренные придерживались монархических убеждений, демоクリаты были сторонниками республики. Но после 1848 г., очевидного провала планов федералистского объединения Италии под эгидой Папского государства, умеренные также становятся защитниками полного единства полуострова под властью Савойской монархии.

(т.е. Пьемонта). Происходит и значительная демократизация программ умеренных. Это нагляднее всего видно на примере Бальбо и Джоберти. Они убедились на опыте, что отсутствие политических свобод, гарантированных законом, приводит к созданию тайных заговорщических обществ, ведущих подпольную борьбу. Бальбо вследствие подобных выводов посвятил свои труды изучению форм представительного правления. Что касается Джоберти, то он в своей работе "Гражданское обновление Италии" провозгласил труд основой всякого общества, основой собственности и капитала, поскольку "никто не рождается собственником". Однако рабочие – это не все общество, а только его часть. Поэтому власть, по представлению Джоберти, это диалектическое соединение партии плебса и партии аристократии, то есть разума аристократии и воли народа, обеспечивающей всеобщим избирательным правом. Единство этих двух диалектических противоположностей и есть нация.

В 50-е годы итальянская демократическая буржуазия все более отходит от мадзинистских идей тайных обществ и восстаний, поскольку становится очевидным, что объединение Италии произойдет благодаря усилиям пьемонтской династии. Демократическое крыло либеральной буржуазии раскололось на два лагеря, один из которых продолжал быть верным республиканским идеям Мадзини, а другой стал в большей или меньшей степени склоняться к программе Кавура и умеренных либералов и готов был ради объединения Италии отказаться даже от республики. Даниэле Манин, одним из первых совершивший подобную эволюцию, открыто говорил: "Создайте единую Италию и я с вами... Я, республиканец, первый водружаю знамя единства: Италия во главе с королем сардинским"²⁹. От республиканских лозунгов во имя единства полуострова отказался и Джузеппе Гарибальди. Он к тому же не был теоретиком, хотя и являлся сторонником глубоких социальных реформ.

Объединение Италии совершилось "верхушечным" путем. В результате в стране сохранились многие феодальные недемократические установления, такие как крупное помещичье землевладение (латифундии), цензовое избирательное право и т.д. Благодаря социально-экономическим условиям, так же как и идеологическим установкам руководящих слоев общества, это новое государство было скорее авторитарно-монархическим, нежели либеральным. К власти в единой стране пришли умеренные в лице партии "Правой" (1861-1876).

В то же время в новом Итальянском королевстве произошли и значительные политические изменения. Конституцией государства стал Альбертинский Статут 1848 г. (статут Сардинского королевства, который, как уже говорилось, был подражанием французской конституции 1830 г.). Согласно Статуту в стране существовал двухпалатный парламент, был введен новый избирательный закон, дававший право голоса мужчинам, удовлетворявшим определенному имущественному, возрастному и образовательному цензам, закреп-

лялись гражданские права: равенство всех перед законом, гарантированность свободы, неприкосновенность жилища и любой частной собственности, свобода печати, право собраний и т.д.

Сам факт объединения Италии не означал и не мог означать установления подлинного национального единства. Деятели Правой, подобно своим предшественникам умеренным, были зачастую весьма чувствительны к муниципальным интересам. Тем более, что, как говорилось раньше, уже с начала XIX века умеренные питали неприязнь к административной централизации. Вообще, западно-европейский либерализм видел в местном самоуправлении по английскому образцу палладиум свобод и гарантию против произвола монархической власти, с одной стороны, и самовластия революционной демократии, с другой. Однако либерально-муниципалистская доктрина встретилась со значительным сопротивлением. Именно в духе административной монархии был составлен эдикт Карла-Альберта от 27 ноября 1847 г., оказавший огромное влияние на позднейшее административное законодательство в Италии. Созданная этим эдиктом система административного устройства, хотя и содержала в себе определенные либеральные элементы (избираемость муниципальных советов), однако, в целом находилась в противоречии с либеральной доктриной (крайне ограниченный контингент избирателей в муниципальные советы, назначение и смещение мэров королем, неответственность мэров перед частными лицами, а только перед центральной властью и т.д.).

С другой стороны, очень важное обстоятельство заключалось в том, что лидеры Правой, хотя и были сторонниками ограничений политических прав, в то же время стояли на страже строгой законности, юридической дисциплины, которая была бы способна дать гарантии защиты этих прав, хотя бы для узкого круга людей ими обладающих. Другими словами, у представителей Правой преобладала концепция государства " основанного на праве", "правового государства", сформировавшаяся благодаря значительному влиянию немецкой юридической мысли, в русле которой складывалось мышление большинства лидеров Правой. Другое дело, что эти законы сами по себе не были ни в полном смысле либеральными, ни тем более справедливыми, но уважение законности, внедрение формулы "свобода в рамках закона" были характерны для этого поколения итальянских либеральных политиков.

По поводу административной организации государства среди лидеров Правой единодушия не существовало. Наиболее либеральный вариант проектов был предложен одним из лидеров Правой М. Мингетти уже к началу 1861 года. Мингетти предлагал предоставить избирательное право на муниципальных выборах всем гражданам, платящим прямые налоги. Но после 1861 года идеи централизма получили в итальянском парламенте и правительстве значительный перевес. Риказоли, занявший пост премьер-министра после смерти Ка-

вура, был ярый антирегионалист. В годы правления Правой в Италии была создана централизованная бюрократическая система.

Централизация государственной власти, хотя и суживала возможности для проведения в жизнь принципов либерализма, служила целям максимальной унификации экономической жизни страны. Обеспечить свободную и беспрепятственную связь между различными районами страны было призвано и развитие транспорта – в первую очередь железнодорожной сети, а также почтовой и телеграфной связи.

Круги, связанные с промышленностью, вначале настаивали на протекционистском курсе, как на средстве первоначального накопления и создания единого национального рынка. Молодой депутат Кв. Селла (сторонник Левой) заявил в 1861 году, что, по его мнению, итальянский рынок был достаточно широк, чтобы избежать бед, связанных с традиционным протекционизмом, как он практиковался в старых региональных государствах, а именно: монополий, высоких цен, стагнации. Селла уверенно предсказывал энергичную взаимную конкуренцию национальных предприятий и в качестве ее естественного следствия – снижение цен на внутреннем рынке. Однако фритц-редерские представления, господствовавшие в то время среди подавляющего большинства итальянских политических деятелей и экономистов, оказались сильнее. Отпор Селле дал в палате депутатов не кто иной, как граф Кавур. Аргументация Кавура была построена на подчеркивании тех выгод, которые страна может извлечь из международного разделения труда (одна из основных догм либерализма). На этом принципе Кавур в 40-50-е годы построил торговую политику Пьемонта, в результате чего имел место бурный рост национального экспорта.

Вопрос о пределах государственного вмешательства дискутировался и в период кабинета Мингетти (1873-1875 гг.), и эта дискуссия наложила значительный отпечаток на последние годы правления Правой.

Политическая деятельность Правой была основана на идеологических принципах парламентской монархии с ограниченным избирательным правом. Идеологическая система Правых была близка концепциям "доктринеров" и других французских теоретиков консервативного либерализма эпохи. Правая ставила вопрос об ограничении гражданских свобод, которые, по словам ее авторитетных представителей, использовались патриотами во вред Италии. Консерватизм и недоверие к массам обосновывались тем, что итальянские умеренные заимствовали у французских авторов концепцию противопоставления политической свободы древних народов "бесконечной силе и ценности индивидуальной свободы человека, которая является основой современной свободы"³⁰. Отдельная личность, считал С. Спавента, имеет свои индивидуальные права, масса же таковых не имеет. "Участие народа в принятии законов и их осуществлении должно происходить в пределах, которые устанавливаются существенными

интересами морали и культуры, а также единством и современной миссией государства"³¹. Спавента указывал на класс обеспеченных и просвещенных граждан, как на реальную основу, на которой должно покончиться государство, то есть как на единственно возможный избирательный корпус. Таким образом итальянские умеренные обосновывали имущественный ценз.

В аналогичных выражениях М.Мингетти говорил о необходимости "воспитать" и "дисциплинировать" демократию. Избиратель, по его мысли, не столько осуществляет право, сколько выполняет обязанность.

Следует сказать, что наряду с большим сходством, прослеживаются и весьма существенные отличия итальянского либерализма умеренных от французского либерализма того периода. Взять хотя бы роль понятия "материальные интересы", вызывавшего, как мы видели, протест еще у Мадзини. В то время как для французского либерализма материальные интересы являются двигателями прогресса, основой общественного порядка, итальянский либерализм умеренных с сугубым недоверием относился к материальным интересам в политике, стремился ограничить или вообще устраниить их. Мингетти в своей юношеской работе "О тенденции настоящего времени к материальным интересам"³² упрекал Июльскую монархию в том, что интересы торговли и промышленности предшествуют для нее принципам достоинства и чести. Здесь у Мингетти намечается определенное разногласие с Кавуром, который был, как известно, горячим поклонником Июльской монархии. Аналогичным образом Мингетти относился отрицательно к утилитаризму Бентама, которым Кавур восхищался. Основная концепция экономической философии Мингетти – право государства на ограниченное вмешательство в экономику, когда под угрозой находятся интересы морали. Этот тезис был уже в несколько иной форме выдвинут Кавуром.

В вопросе о соотношении "материальных интересов" и морали идеи итальянского либерализма в большой степени перекликаются с политической философией Гегеля. Близость идей Гегеля к взглядам итальянских умеренных определялась и рядом социально-экономических факторов, одинаково присущих Италии и Германии.

Общей для Италии и Германии чертой был и землевладельческий характер итальянской правой политической элиты. Хотя наряду с аристократами-помещиками среди нее было много буржуа и буржуазных интеллигентов, владевших землей (в их числе Мингетти, Спавента и др.), органической связи с миром промышленности и банковских спекуляций не было даже у тех вождей умеренных, которые специально занимались политической экономией (Мингетти). С этим же связан и "рыцарственный характер" истории итальянского Риорджименто, а также стремление сконцентрировать политическую власть в руках образованного меньшинства (общая черта для консервативного либерализма Франции, Германии и Италии). Еще Челлини утверждал, что "имеет значение только круг образован-

ных людей". Отсюда вытекает и крайнее недоверие к мелкобуржуазным и рабочим массам, которое особенно усилилось после революций 1848 г. С другой стороны, уже после объединения умеренных тревожили продолжавшиеся бунты крестьян и волнения в городах. Наконец, огромное влияние на психологию правых оказала Парижская коммуна в 1871 г. Все это никак не располагало итальянских умеренных к отказу от олигархических тенденций.

Стремление к ограничению политических прав сказалось и в отношении лидеров правых к таким вопросам, как свобода печати, слова и собраний. По сути дела их практическая деятельность отражала эту тенденцию в полной мере. Так закон Пини 1863 г., закон 1875 г. об общественной безопасности, запрещение полицией республиканских собраний при правительстве Ланцы-Селлы представляли собой не что иное, как чрезвычайные законы и свидетельствовали об ограниченном признании лидерами Правой индивидуальной свободы в таком ее весьма существенном проявлении, как свобода слова и собраний.

В области финансовой политики в деятельности Правой отчетливо прослеживаются идеи "этатизма" и "фискализма". Принципы "этатизма" вообще были довольно сильны среди идеологов Правой. Их носителями были такие деятели, как Франческо Де Санктис, часто выступавший с обоснованием этатистской позиции по основным политическим и экономическим вопросам. В университетской лекции в 1872 г. Де Санктис осудил то овладевшее умами равнодушие, то "отсутствие инициативы и нравственного мужества", которые скрываются за формулой "*laissez faire*". Проповедником "этатизма" был и Джузеппе Дзанардelli, считавший принцип "*laissez faire*" неприменимым в специфических условиях Италии с ее слаборазвитой экономикой и отсталой промышленностью.

В начале 70-х годов в политике Правой все больше становятся очевидными кризисные тенденции, в идеологическом плане проявившиеся, во-первых, в конфликте между сторонниками создания жестко организованной, замкнутой в себе партии и проповедниками "привлечения внешних сил" по образцу кавуровских брачных союзов, а во-вторых, в страхе идеологов Правой перед "разъедающим партию влиянием материальных интересов".

Попытка преодоления кризиса была сделана кабинетом Мингетти, сформированным в 1873 г. Однако Мингетти не оправдал многих надежд с ним связанных, в частности надежд на проведение в жизнь программы "децентрализации", возникших потому, что Мингетти всегда считался поклонником "административной свободы". Выступая в парламенте, премьер-министр заявил, что административная реформа "такая вещь, которая требует много времени и изучения"³³.

С другой стороны, Мингетти решительно противился какой-либо конституционной реформе, считая ее несвоевременной. В этом сказалась извечный для консервативных либералов страх перед демократией в той или иной форме. "Я не игнорирую того обстоятельства, что

избирательное право народа должно и может быть расширено по мере роста просвещения и благосостояния страны... Я говорю не столько о цензе, сколько о моральном воспитании...". Но "демократия, которая все усиливается на протяжении нескольких столетий и главенствует в современном мире, несет большую опасность в самой себе и в своих излишествах"³⁴.

Острую дискуссию вызывал вопрос о границах государственного вмешательства в экономическую жизнь. Надо сказать, что "этатистские" тенденции правительства Ланцы-Селлы и Мингетти вызывали протест определенных кругов буржуазии и буржуазной интеллигенции. Сицилийский экономист профессор Феррара, провозглашая кredo либерализма ("Хотят или не хотят в Эйзенахе или Берлине, право, справедливость, порядок, богатство, благосостояние, мир, нравственность – все это не что иное, как свобода"³⁵), открыто polemizировал с "итальянским катедер-социализмом". Стремление к строгой государственной регламентации всей хозяйственной жизни, осуществляемое, по мнению Феррара, в Германии, заставляло ученого вспомнить о временах абсолютизма.

Курс министерства Мингетти довольно адекватно отражался в концепциях экономиста Л.Луццати. Последний ссылался на пример Англии, которая все больше отходит от чистого фритредерства, и демонстрировал непоколебимую веру в "современную миссию" государства. Делая обзор направлений, существующих в немецкой политической экономии, Луццати не скрывал, что его симпатии принадлежат катедер-социализму.

Сам Мингетти, хотя в "идеале" и был фритредером, всегда допускал необходимость государственного вмешательства в определенных случаях, особенно, когда затронуты интересы общественной морали³⁶. Кроме того, в деятельности кабинета Мингетти чувствовалось значительное влияние предшествующего правительства, душой которого был Селла, сторонник фискалистского этатизма. Луццати, в частности, был учеником и близким сотрудником Селлы. Наконец, важный пост министра общественных работ занимал неаполитанский гегельянец С.Спавента, тоже бывший "обожествителем государства".

7 мая 1873 г. во Флоренции было создано "Общество имени Адама Смита", поставившее целью "развивать, распространять и защищать" доктрину "экономической свободы", разработанную великим английским экономистом. Общество издавало журнал "Экономист". Общество сразу же завязало полемику со сторонниками "ограничительной системы", авторитарной экономии и т.д. Эти последние в свою очередь создали под идейным руководством Луццати и Лампертико Ассоциацию для содействия экономическим исследованиям.

В "Обществе Адама Смита" активное участие приняли многие деятели Левой. В парламенте они же выступили с критикой усиления государственного вмешательства в экономику. Депутат Микелини так аргументировал эту точку зрения: "Я враг правительенного

вмешательства, потому что я друг свободы. Эти две вещи несовместимы". И уточнял далее: "Прежде всего я хочу экономической свободы потому, что хочу свободы политической"³⁷. Протекционизм для Микелини неразрывно связан с реакцией. Он приводил пример Тьера и доказывал, что сосредоточение всей экономической мощи в руках государства оставляет отдельных граждан беззащитными перед ним не только в экономическом, но и в политическом отношении. *

В результате всех этих дискуссий отношения между правительством и оппозицией сильно осложнились. Проблемами, которые привели к падению правительства Правой, явились: заключение новых торговых договоров и выкуп государством железных дорог.

Летом 1875 г. итальянская и французская делегации начали обсуждение нового торгового договора. Представлявший на переговорах Италию Л.Луццати стремился внести в новый договор элементы умеренного протекционизма, а также расширить возможности для итальянского экспорта во Францию. Вопрос о торговых договорах имел принципиальное значение в свете дискуссии о границах "государственного вмешательства". Как бы продолжая свой старый спор с ломбардо-венецианцами, председатель "Общества Адама Смита" выступил в цитадели французского манчестерства, "Обществе политической экономии", с нападками на экономическую политику своего правительства. Он напомнил о том месте в речи Мингетти, в котором премьер обещал наложить на иностранные товары таможенную пошлину, соответствующую итальянскому налогу на движимое имущество.

В этом заявлении Перуцци усматривал отход от "старых и истинных принципов" экономической науки и губительное влияние сторонников "новой школы", адептов ограничительной системы. Перуцци сообщил французским единомышленникам о готовности своей группы энергично защищать в парламенте попранную экономическую свободу, утверждая, что "последствия этой борьбы трудно предвидеть". Осуждению таможенной политики Мингетти и Луццати было посвящено уже после заключения договора несколько заседаний "Общества Адама Смита".

Полемизируя со сторонниками А.Смита, эстатист Спавента доказывал необходимость перехода железных дорог в руки государства и открыто высказывал свое "поклонение государству". Он заявлял, что в то время, когда рушатся все высшие ценности, культ современного государства – единственное прибежище политического идеализма. Спавента, с активной помощью Селлы, удалось навязать "эстатистский" курс премьеру и всему правительству, хотя некоторые министры, как, впрочем, и сам премьер, довольно неохотно шли за своим решительным коллегой.

Правительство Правой вынуждено было уйти 18 марта 1876 г. и формирование нового правительства было поручено лидеру Левой Депретису. На смену либерально-консервативной Правой пришла чуть более либеральная и чуть менее консервативная Левая.

Но если Правая была партией весьма неоднородной по своим идеологическим принципам, то Левая была еще менее однородной. Левая сформировалась главным образом из монархического (гарибальдийского) крыла Партии действия. Мадзинистское крыло самостоятельно не могло участвовать в парламентской борьбе, сохраняя верность республиканским принципам. Позднее к Левым примкнуло много депутатов, сделавших своей программой борьбу с непосильными налогами.

Первоначально деятели Левой выступали против чрезмерного налогового обложения, за децентрализацию, в защиту гражданских свобод, против компромиссов с церковью. Никотера, один из виднейших представителей Левой, требовал защиты и расширения гражданских свобод, административных реформ, отмены принудительного курса лиры и т.д. А Ф.Криспи, другой лидер этого течения, шел еще дальше, призывая к широким политическим, а не только административным реформам (пересмотр избирательного ценза, выборность сената, вознаграждение депутатов и т.д.). В 1874 г. Криспи изложил в парламенте широкую программу демократических реформ. Всеобщее избирательное право, выборный сенат, самые широкие административные реформы (выборность мэров, отмена подпрефектур) помогли бы, по его мнению, улучшить общее положение страны, укрепив и расширив базу, на которой поконится итальянское государство. Одновременно необходима налоговая реформа: отмена налога на помол, повышение роли поземельного налога. Однако ни налоговые реформы, ни сокращение административных расходов невозможны, по мнению Криспи, при существующих политических условиях, которые должны в первую очередь подвергнуться изменению.

В чисто социальном плане Правая и Левая занимали довольно близкие позиции. В методах решения социального вопроса деятели Левой не двинулись дальше призывов к частной благотворительности. Но Левая по крайней мере не уставала требовать для народа всеобщего и обязательного обучения, в то время как умеренные с большой опаской относились к этому предложению.

Часть Левой (например, Микелини) занимала догматически фритредерские позиции в ряде важных проблем хозяйственной жизни, другая же часть была сторонницей протекционизма. Криспи, например, вообще не признавал никакого принудительного курса и поддерживал сформулированную Феррарой концепцию свободы кредита, концепцию, поддерживаемую большинством представителей Левой. В 1874 г. Левая раскололась. В ней выделились два течения: историческая Левая и Молодая Левая. Эта последняя отказалась от ряда важнейших политических требований. Представитель этой фракции Де Санктис обвинил Криспи в нежелании видеть подлинные беды страны, для которой реформа сената и расширение избирательного права якобы не являлись делом первостепенной важности. Своим миссией, по утверждению Де Санктиса, Молодая Левая всегда

считала стимулирование сокращения расходов и проведение реформ пусть даже правыми правительствами. Особенно далека от каких бы то ни было демократических принципов, даже самых умеренных, была южная часть Молодой Левой.

Основная программа Левой, изложенная Депретисом (который занимал пост премьер-министра с 1876 по 1887 годы) в 1875 году, включала в себя такие пункты, как верность монархии, неограниченные конституционные свободы, расширение избирательного корпуса, административная децентрализация, всеобщее начальное бесплатное образование.

К середине 70-х годов Левая рассталась со многими своими демократическими требованиями. В программное заявление Депретиса в ноябре 1876 г. были включены упоминания об избирательной реформе и всеобщем обучении, но основной акцент делался на вполне приемлемых и для умеренных либералов пунктах, как децентрализация, выборность мэров, более жесткая политика по отношению к церкви. К тому же Депретис по существу одобрил предшествующую финансовую политику Правой. А спустя год его программа стала еще более консервативной. Его главной заботой и центральным пунктом его политики стала проблема отмены налога на помол.

Таким образом, приход к власти правительства Левой не означал радикального поворота в развитии конституционно-монархического централизованного государства. Даже спустя 20 лет после падения власти Правой Италия еще не добилась свободы печати, коалиций, союзов и т.д. Только наследники более прогрессивной части Левой во главе с ломбардским левым либералом Дзанарделли осуществили в 1900 г. довольно решительный сдвиг в этом направлении. План введения бесплатного начального образования также был положен под сукно. Депретис к тому же вернулся к кавурианской традиции "браков по расчету", призываая в начале 80-х годов к "трансформации" правых оппозиционеров и к созданию крупной национальной партии центристской ориентации. В ответ на эти призывы Депретису оказали поддержку и Мингетти, и Луццатти, и некоторые другие деятели Правой. Но многие представители Левой были недовольны его политикой и в 1883 году Дзанарделли и Баккарини вышли в знак протesta из состава правительства и объединились с Криспи, Каироли и Никотера, составив оппозицию правительству слева. Все это может служить доказательством глубокой неоднородности партии и противоречивости ее либерализма. В то же время в целом "парламентская революция" 1876 г. при всей своей ограниченности может рассматриваться как начало сложного и замедленного процесса определенной демократизации итальянского общества, при сохранении его общего консервативного характера. Нельзя, например, недооценивать расширение избирательного права, последовавшее в 1882 г. (в результате избирательный корпус увеличился с 2 до 7% населения), и сдвиги в финансовой политике.

Переход власти от Правой к Левой не означал смену правящего социального слоя. По существу и Правая, и Левая были представительницами одного и того же умеренно-либерального течения, хотя Левая проводила принципы либерализма несколько более последовательно и являлась менее консервативной, чем Правая. К тому же ни Правая, ни Левая не были партиями в собственном смысле этого слова и отнюдь не создали "бипартийную" систему по американскому или английскому образцу. Хотя власть постепенно переходила в руки все более либеральных представителей этих кругов, однако, захватив руль управления в свои руки, они часто поступали вразрез со своими либеральными установками. Это начала уже Правая, проводя политику авторитаризма и протекционизма вместо защиты прав личности и свободы торговли. Это видно было и на примере правительства Левой: Депретис, критиковавший протекционизм Правой и защищавший принципы децентрализации, прийдя к власти осуществлял по сути ту же политику; Франческо Криспи, сменивший его на посту премьер-министра, объявлял себя "неисправимым сторонником свободы торговли" и в теоретическом плане решительным защитником индивидуальной свободы, но в качестве премьер-министра осуществлял протекционистский курс и проявил склонность к диктаторству, показав себя поборником максимальной концентрации власти. Криспи, в частности, усилил функции полиции, предоставляемые ей право на больший, чем ранее, контроль над общественными собраниями, а также усилив органы полицейского надзора и высыпки на поселение.

Вообще, фигура Криспи представляла собой классический пример диффузии теоретических установок и практических методов левых и правых умеренных либералов. Бывший сподвижник Мадзини, то есть член либерально-демократической Партии действия, Криспи затем вошел в состав парламентской Левой, в 1886 году стал членом правительства Депретиса, а, заняв пост премьер-министра, осуществлял крайне реакционную политику. Горячий поклонник Бисмарка, Криспи был инициатором введения чрезвычайных мер, подавления рабочего движения, его политика знаменовала собой ущемление демократических прав населения.

Ни один из этих известных политиков не был теоретиком в строгом смысле слова. Но можно сказать, что круги умеренных либералов и в 70-е – 80-е годы занимались теми же проблемами, что и в середине века. Это относилось и к демократическому течению.

Один из этих вопросов – большая или меньшая демократизация государственного устройства. И с этой точки зрения проблемы монархии или республики, централизации государственной власти или федерализации продолжали оставаться весьма существенными.

Один из лидеров республиканского движения, Альберто Марио считал необходимым для страны "суверенитет нации", который мог бы юстигаться путем плебисцитов. Свобода без суверенитета предполагает собой неполное право. Слова, ассоциаций, собраний

ний, печати, совести и т.д. – это только предпосылки суверенитета. Суверенитет и правительство – это две части одного и того же уравнения"³⁸. По мнению Марио, между монархическим правлением и свободными (либеральными) и независимыми формами управления существует полная и абсолютная несовместимость. В числе таких форм, по мнению Марио, независимость и автономность коммун и регионов. Вслед за Мадзини Марио включал в функции государства: политическое управление, законодательство, общественные работы национального значения, денежную эмиссию, управление армией, оборонные функции, подписание международных трактатов, контроль над железными дорогами, над почтой и т.д. В то же время А.Марио был решительным противником революционных действий и предпочитал эволюционистский путь развития. Отвергая тайные общества и государственные перевороты, Марио в качестве путей борьбы предлагал политическую деятельность, борьбу за общественное мнение, проводимую в печати, и т.д. В 1879-81 гг. Марио развернула кампанию за "всебобщее избирательное право", которое должно было послужить предпосылкой более глубокого реформирования государственной системы.

Обсуждались и вопросы свободы торговли. В 1890 г. группа либерристов (среди них Маффео Панталеони и Вильфредо Парето), критиковавших протекционистский курс правительства, объединилась вокруг журнала "*Giornale degli economisti*". Эта группа поставила своей целью продолжать традиции "Общества Адама Смита". Они прокламировали необходимость придерживаться принципов "*laissez faire*" в чистом виде. Вильфредо Парето утверждал, что всякий раз, когда государство вмешивалось в экономику, это оказывало на последнюю губительные последствия. Но в 90-е годы сторонников свободы торговли было уже крайне мало.

Гораздо менее разрабатывались либералами социальные проблемы. Правда уже Мингетти, Луццатти, Каироли и Бертани были сторонниками социального законодательства. А в конце 70-х – начале 80-х годов группа консервативных либералов, группировавшихся вокруг журнала "*La Rassegna settimanale*" (в их числе были такие учёные, как Сидней Соннино, Леопольдо Франкетти, Паскуале Виллари, Джустино Фортунато и др.), обратила внимание на крайне тяжелое положение народных масс на юге Италии. Об этом же писал и известный либеральный деятель Ячини. Виллари в своей работе "*Lettere meridionali*", как и Соннино, требовал законов, которые защищали бы обездоленных и восхищался государственным устройством бисмарковской Германии. Фортунато также был сторонником экономической справедливости в отношении населения юга страны. Но все они требовали реформ сверху, главным образом потому, что боялись перспективы социальной революции. Кроме того, большинство либералов, как например, Криспи считали, что итальянский народ долготерпелив и "обладает здравым смыслом"³⁹. Поэтому вплоть до начала 90-х годов в Италии было проведено лишь два закона,

имевших социальный смысл: в 1883 году была создана Национальная касса страхования от несчастных случаев на производстве и в 1886 году был принят закон о регулировании труда подростков и детей. В 1890 г. был введен закон, утверждавший право на забастовку.

Но было и течение умеренных либералов, которое уделяло социальному вопросу больше внимания. В частности молодой депутат Джованни Джолитти, понимая уже, что социальная проблема является фундаментальной, одним из основных пунктов своей программы сделал вопрос об улучшении положения рабочего класса. Он же поставил и вопрос о финансовом равновесии в соответствии с экономической справедливостью: он заявил о своем намерении ввести прогрессивный налог на прибыль и наследство. Но министерство Джолитти было кратковременным. К тому же Джолитти предпочитал в то время закрывать глаза на растущее забастовочное движение, считая, что все проблемы будут решены постепенно путем улучшения положения трудящихся.

Даже республиканцы, создавшие в 1895 году свою партию, не внесли социальные проблемы в ее программу. Она включала лишь следующие пункты: всеобщее избирательное право, право отзыва депутатов, референдум, право частной инициативы, выборность магистратов, суд присяжных, народные вооруженные дружины, общественное светское образование.

Из сказанного ясно, что итальянский либерализм конца XIX века не мог предложить реальной альтернативы зарождающемуся в Италии социалистическому движению. В 80 – 90-е гг. итальянский либерализм вступает в период затяжного кризиса. Этот кризис проявился также и во все более усиливающихся консервативных тенденциях как в идеологии умеренных либералов, так и в их практической деятельности. Статья Сиднея Соннино в журнале "Nuova Antologia", носившая название "Вернемся к Статуту", и утверждавшая, что министры должны отчитываться не перед парламентом, а перед королем, вызвала волну дискуссий и нападок со стороны крайних консерваторов на парламент, конституционные свободы и пр. На практике правительства 90-х годов зарекомендовали себя тем, что пытались в той или иной степени ввести чрезвычайные законы и подавить силой рабочее и забастовочное движение.

С другой стороны, к концу 90-х годов усиливается либеральное течение во главе с Джолитти, имевшее значительно более демократический оттенок. Поражение на выборах 1900 года умеренно-консервативного крыла знаменовало собой начало нового этапа в развитии итальянского либерализма.

¹ Della Pubblica Felicità, ogetto de' buoni principi Lucca, 1749

² Beccaria C Dei delitti e delle penne Livorno, 1764 P 10

³ Gioia M Quale dei governi liberi meglio convegna alla felicità dell'Italia 1798

⁴ История Италии М , 1970 Т 2 С 88

⁵ Gioberti V Del Primito morale e civile degli italiani 1843 P 215

- ⁷ Matter Cavour et l'unite Italiane Vol I Paris, 1925 P 101
- ⁸ Ciasca R L'origine del Programma per l'opinione nazionale italiana del 1847-48 1916 P 264, 267
- ⁹ Cavour C Scritti di economia, Milano 1962, P 229, 247-249
- ¹⁰ Salvatorelli L Spiriti e figure del Risorgimento Firenze, 1961 P 291
- ¹¹ Cavour C Op cit P 257
- ¹² Ibid
- ¹³ Ibid P 289-290
- ¹⁴ Mazzini G Condizioni e avvenire dell'Europa 1852 Scritti editi ed mediti Vol XLVI P 259
- ¹⁵ "La réforme intellectuelle et morale" di Ernesto Renan Ibid Vol XCIII P 235
- ¹⁶ A Pio IX, Pontefice Massimo, Ibid Vol XXXVI P 227
- ¹⁷ Ibid P 227-228
- ¹⁸ I sistemi e la democrazia Ibid Vol XXXIV P 126-127
- ¹⁹ Doveri dell'uomo Ibid Vol LXIX P 92
- ²⁰ Ibid P 97
- ²¹ Ibid P 17
- ²² "Sulla democrazia" del Guizot Ibid Vol XXII P 357
- ²³ Ibid Vol III P 327
- ²⁴ Atti della Repubblica Romana Ibid Vol XLI P 91
- ²⁵ Sull'Enciclica di Papa Pio IX Ibid Vol XXXIX P 352
- ²⁶ Doveri dell'uomo Ibid Vol LXIX P 128
- ²⁷ I collaboratori della "Giovine Italia" ai loro concittadini Ibid Vol III P 64
- ²⁸ Fede e avvenire Ibid Vol VI P XI
- ²⁹ Mattei Op cit V III Paris, 1927 P 19
- ³⁰ S Spaventa La giustizia nell'amministrazione Torino, 1948 P 52
- ³¹ Ibid P 50
- ³² M Minghetti La legialazione sociale Milano, 1882 P 53
- ³³ Atti del Parlamento Camera dei deputati Sessione 1873-74 V I P 107
- ³⁴ Ibid V III P 2995
- ³⁵ Nuova Antologia 1974 N 8 P 1017
- ³⁶ M Minghetti Dell'economia pubblica P 170-176, 225-227
- ³⁷ Atti del Parlamento V I P 852-854
- ³⁸ Mario A L'Italia libera Scritti politici e sociali Roma, 1925 P 45
- ³⁹ Crispì F Scritti e discorsi politici Roma, 1890 P 553

**ГЛАВА 6 США:
ОТ СОЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА К НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ**

В ХХ веке элитарно-индивидуалистический либерализм США стал уже прочно отождествляться с консерватизмом, а под либерализмом все чаще и чаще стали понимать один только социальный либерализм. И сегодня в США фактически общепринято, что консерватизм — это в первую очередь свобода предпринимательства, государственное невмешательство в социально-экономическое развитие*, а либерализм, прежде всего, активное социальное реформаторство.

Соперничество между элитарно-индивидуалистическим и социальным либерализмом, а по меркам ХХ века между консерватизмом и либерализмом, являлось на протяжении последнего столетия одним из главных "нервов" американской политики. Конечно, консерватизм и либерализм конкурировали и с другими идеино-политическими традициями, но все же главными политическими соперниками в США были именно они.

В их соперничестве успех склонялся то в одну, то в другую сторону: начало ХХ века — это подъем либерализма; 1920-е годы — господство консерватизма; 1930-40-ые годы — триумф либерализма; 1950-е годы — снова выход на ведущую позицию консерватизма; в 1960-ые — первой половине 1970-х годов — победа либерализма; 1980-ые годы — торжество консерватизма; наконец современный этап — попытки либералов, в целом пока безуспешные, потеснить консерватизм с ведущей позиции.

Начало ХХ века известно в американской истории под именем "Прогрессивной эры". Название это выражает широкое общенациональное устремление к социально-экономическим и политическим реформам, которые должны были покончить с непомерным влиянием, а то и диктатом монополистического капитала. Атаку против монополий первыми организовали рабочие и фермеры, радикалы и социалисты, но затем в нее в качестве главной силы вовлекся средний класс. Его же идейным знаменем стал социальный либерализм. Впрочем, под знаменем социального либерализма выступил не только средний класс. Его восприняли также представители рабочего класса и фермерства. В связи с этим можно говорить, что социальный либерализм сыграл двоякую историческую роль: с одной стороны, он объединил в борьбе за реформы, демократизацию общества самые широкие слои населения и заставил монополистический капитал отказаться от притязаний на экономическое и политическое все-

* В США последним крупным защитником "чистого" индивидуализма, еще именовавшим себя либералом был Г.Гувер, президент Соединенных Штатов в 1920-ые годы.

властие в США; с другой стороны, он же, увлекая под свои знамена пролетариат и фермерство, нейтрализовал влияние социализма и радикализма, дав возможность Америке свершить серьезные перемены эволюционно конституционным путем.

В начале XX века проповедники социального либерализма из академической среды (Л.Уорд, Р.Илай) уступают ведущую позицию идеологам и политикам "новой волны", таким как Г.Кроули, У.Уэйл, У.Липпман, Л.Брандейс, Т.Рузельт и В.Вильсон, нацеленным на развитие конкретных политических программ, способных привлечь к новым идеям внимание широкой общественности и политических партий.

Одним из наиболее ярких представителей социальных либералов в нач. XX в. стал нью-йоркский журналист и издатель, основатель знаменитого либерального журнала "Нью Рипаблик" Герберт Кроули (1869-1930). Его книга "Будущее Америки", вышедшая в 1909 г., стала настольной книгой для многих и многих либерально-реформистских политиков. Теодор Рузельт, связавший себя как раз в те годы с реформаторской деятельностью и возглавивший прогрессистскую партию, костяк которой составили новые либералы из Республиканской партии, воспринял сочинение Кроули как откровение. Доктрина "нового национализма", развитая в книге Кроули, не нуждалась, по убеждению Рузельта, "ни в каких поправках"¹.

Включившись в 1912 г. в президентскую кампанию на платформе "нового национализма", Рузельт доказывал, что "ставит национальные интересы выше секционных или индивидуальных интересов", требовал резко расширить права федерального правительства и особенно президента страны: "Новый национализм нетерпим к тому крайнему беспорядку, который проистекает из-за укоренившейся традиции решать национальные проблемы на уровне легислатур штатов. Он еще более нетерпим к той беспомощности, которая вызвана излишней распыленностью государственной власти... Новый национализм рассматривает исполнительную власть как хранительницу общественного благосостояния"².

Кроули намного превзошел в популярности и влиянии и Уорда

А ведь он отнюдь не был более глубоким мыслителем, и его теоретические рассуждения существенно уступали построениям лидеров реформистской социологии и политэкономии. Но Кроули писал гораздо более остро, а главное, он смог сделать реформистскую идеологию доступной широким слоям американцев. Кроули подверг всесторонней и весьма впечатляющей критике "ошибки" американских отцов-основателей, хорошо известных большинству граждан США, Джейфферсона и Гамильтона. При этом, чтобы не оскорблять патриотических чувств сограждан, он обнаруживал в воззрениях двух главных, по его убеждению, отцов-основателей фундаментальные и непрекращающие ценности американства, которые должны были быть, безусловно, сохранены и включены после очищения от ошибок в обновленную национальную веру.

Джейфферсон Кроули объявляет главным архитектором американской демографической мечты об утверждении равенства возможностей сограждан и приобщении каждого из них к экономическому процветанию и политическому правлению. Но, скрупулезный Кроули, Джейфферсон не сумел избежать отрицания, средства достижения ве-

ликой цели: его формула "лучшее правительство то, которое меньше правит", обозначила в качестве средства реализации этой цели индивидуальное самоутверждение и, как результат, пустила "великую американскую мечту" на самотек. Правда, отмечал Кроули, в период до Гражданской войны концепция Джейфферсона еще действовала, и порой весьма успешно, но затем, особенно же с образованием мощных предпринимательских объединений и профсоюзов, не оставлявших независимым индивидуумам шансов на успех, она потерпела крах.

"Великая американская мечта" Джейфферсона, по убеждению Кроули, могла быть утверждена в новых условиях с помощью совершенного иных средств. И эти средства заключались в концепции не кого иного, как главного антагониста Джейфферсона, Александра Гамильтона. Гамильтон создал концепцию сильного центрального правительства, он справедливо отверг как несостоятельную и вредную концепцию суверенитета штатов, он же обосновал идею сильной президентской власти. Но Гамильтону была присуща собственная ошибка — он хотел поставить сильное центральное правительство на службу классовому интересу северо-восточной финансово-торговой буржуазии, что было неприемлемо для американцев. Ошибка Гамильтона, доказывал Кроули, должна быть, безусловно, исправлена, но его великая идея сильного национального правительства заслуживала права на существование и включение в национальную политическую традицию. Только это сильное национальное правительство могло быть поставлено на службу всеобщему благодеянию и классовому миру. Это и будет "новым национализмом" — сильное национальное правительство на службе всеобщего благодеяния³.

Идея Кроули о необходимости возвысить национальное правительство над всеми, даже самыми могущественными социальными интересами, нашла самую широкую поддержку среди новых либералов. В этой идее они увидели чуть ли не панацею. Так, С.Петтен утверждал: "Мы не нуждаемся ни в новом мире, ни в новом человеке, единственное, что нам необходимо, так это новое государство, чья власть будет превосходить возможность любого объединения эгоистических индивидуумов и чьи обязанности будут соответствовать желаниям человека"⁴. Но вот в вопросе о том, каким должно быть это новое государство, среди либералов возникли разногласия.

Кроули был противником прямого народоправства и полагал, что в переходную эпоху, которую переживали США, национальное единство могло быть утверждено только сильной рукой. Прямую демократию он не считал приемлемой и по той причине, что народ, по его убеждению, действовал в большинстве случаев иррационально, полагаясь на слепое чувство социальной справедливости, а не на принципы экономической и политической целесообразности. Тому приводились разнообразные примеры: разрушение Национального банка в период джексоновской демократии или требование популистов о роспуске корпораций и восстановлении равенства мелких товаропроизводителей. Кроули требовал вверить судьбы нации прорвавшенному национальному лидеру и его команде.

Таким образом рассуждали далеко не все социальные либералы. Более того, большинство среди них полагали, что прогрессивные

экономические и социальные реформы не могли быть проведены в США из-за антидемократизма государственной системы. В начале XX века громко прозвучали голоса Д.А.Смита и Ч.Бирда, выступивших с фундаментальными исследованиями о происхождении американского государства. Они выдвинули концепцию о консервативных намерениях отцов-основателей США, воплотивших в федеральной конституции разнообразные доктрины, призванные защитить классовые интересы собственников и блокировать обновленческие устремления масс⁵. От прошлого перебрасывался мостик в современность: приводились примеры, свидетельствовавшие, что Верховный суд, сенат в строгом соответствии с предначертанием отцов-основателей умерщвляли демократические законопроекты, исходившие от массовых движений.

В начале XX века широкую популярность завоевал публицист и политолог У.Уэйл, раскритиковавший недемократичные способы формирования ряда высших государственных органов. Американская политическая система, заключал Уэйл, отстраняла большинство нации от государственного управления, превращала государственную машину в орудие plutokратии, делала ее негибкой, неприспособленной к реформаторскому курсу⁶.

Бирд, Смит, Уайл заняли место на левом фланге социально-либерального движения, высказавшись за развитие джефферсоновской концепции прямой демократии. С этой целью они потребовали введения прямого выдвижения избирателями кандидатов на государственные должности, прямых выборов сенаторов, президента, предоставления народу права законодательной инициативы и признания за народным референдумом права решающего слова при обсуждении всех важных законопроектов. За избирателями должно было быть закреплено право на отзыв депутатов и судей. В начале XX века эти предложения завоевали среди либералов большую поддержку, нежели концепция просвещенного президентского правления, которую пропагандировал Кроули. И это вполне объяснимо: остройшие социальные конфликты все же не угрожали реально хаосом и революцией, успешное в целом экономическое развитие США вселяло надежду на смягчение классовых антагонизмов с помощью распределительного механизма и совершенствования демократической системы.

В начале XX века либеральные идеологии самым активнейшим образом занялись обоснованием реформистских рецептов рабочей политики. Репрессивная политика в отношении рабочего движения, как и принцип "естественного", а на практике кулачного, выяснения отношений между трудом и капиталом, были ими решительно осуждены.

Либеральные идеологии выделили в рабочем движении две тенденции: тренд-юнионистскую и социалистическую. Опасность для американских устоев, по их заключению, представляла вторая тенденция, что же касается тренд-юнионизма, то он, даже выступая в агрессивных формах, преследовал цель улучшения положения рабочих в рамках существующей системы, не посягая на последнюю. Перед государством в связи с этим ставилась задача: легализовать первую тенденцию и интегрировать тренд-юнионистское движение в американском обществе, что являлось самым верным способом нейтрализации

второй тенденции, угрожавшей первоосновам США. Иными словами, государство должно было воспрепятствовать соединению тредюнионизма и социализма, противопоставив последнему либерально-реформистское сознание, сделать профсоюзы партнерами государства и бизнеса.

Либералы признали наличие реального конфликта между трудом и капиталом, но, вступив в полемику с марксизмом, отказались от определения этого конфликта как антагонистического. Эпицентром конфликта труда и капитала, утверждал главный выразитель либерально-реформистской концепции рабочей политики Д.Коммонс, является не производство, а сфера распределения, по этой причине пролетариат "вместо идеалистического средства, заключающегося в обобществлении средств производства, использует практические средства, направленные на уничтожение конкурентной угрозы при помощи защитительных организаций или защитительного законоисследования"⁷. Определив конфликт между трудом и капиталом как исключительно распределительный, либералы предложили искать и соответствующие способы его разрешения.

Первым среди них было признано приобщение рабочих к владению в той или иной форме собственностью. Другим важнейшим средством разрешения распределительного конфликта либералы объявили введение подвижной шкалы заработной платы, означавшей, что доходы рабочих должны были автоматически увеличиваться в связи с ростом производительности труда, расширением прибылей предприятий, а также и в связи с инфляцией. Они отвергли как вульгарную теорию о "железном фонде" заработной платы и потребовали признать, что труд и капитал в равной степени являются создателями прибавочной стоимости (при этом, как другую крайность, они отвергли и марксову теорию трудовой стоимости).

Одним из надежных способов урегулирования трудовых конфликтов либералами признавался коллективный договор профсоюзов и предпринимателей. Многие либералы выступили защитниками государственного закона о минимуме заработной платы: он должен был защитить рабочих от колебаний конъюнктуры на рынке труда. Отстаивался и закон о максимальной продолжительности рабочего дня, призванный препятствовать преждевременному физическому истощению труженика. Активно разрабатывалась и пропагандировалась программа социального страхования рабочих на случай болезни, безработицы, наступления старости. При этом была отброшена теория ортодоксальных экономистов, доказывавшая, что предприниматели неответственны за утрату рабочими трудоспособности. Либеральный юрист Л.Брандейс объявлял преждевременную потерю трудоспособности жертвой, приносимой рабочим на алтарь частнокапиталистической наживы и требовал признать расходы по страхованию при несчастных случаях на производстве, по болезни, инвалидности, преждевременной смерти одной из статей стоимости жизни⁸.

Высшей целью новой рабочей политики, по убеждению многих либералов, должен был стать консенсус классов и обеспечение оптимальных условий экономического развития нации. Достижение консенсуса требовало уступок со стороны как предпринимателей, так и профсоюзов. Они нуждались в арбитре и таковым призвано было

стать государство. Государственный арбитраж, доказывал Кроули, должен был предотвратить любые насильтственные способы разрешения конфликтов и в первую очередь стачки: "Ни одна забастовка не должна быть объявлена до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства достижения компромисса между профсоюзами и хозяевами, а в случае, если забастовка начнется, общество обязано сформулировать справедливое отношение к конфликту"⁹. Кроули и его единомышленники конструировали модель равновесия социальных сил в Соединенных Штатах, которое утверждалось и поддерживалось государством.

Острые споры развернулись среди либералов по вопросу об отношении к монополиям. И здесь взоры их устремлялись к государству, но политика его в экономической сфере мыслилась по-разному. Часть либералов проповедовала идею ликвидации монополий, восстановления и поддержания при помощи государства свободной конкуренции, вместе с которой должна была вернуться и столь желанная социальная гармония. Другая часть требовала признать монополии в качестве новой, более высокой, и, безусловно, более эффективной экономически исторической стадии, но вместе с тем требовала от государства создать надежный перераспределительный механизм, который бы позволил воспользоваться плодами возросшей экономической мощи общества всем его представителям.

В 1912 г. в ходе президентских выборов эти два подхода воплотились в доктринах "новой свободы" и "нового национализма", которые были начертаны в программах соответственно Демократической и Прогрессистской партий. Лидер демократов, В. Вильсон, сумел выиграть президентские выборы, а глава Прогрессистской партии Т. Рузвельт занял второе место. И хотя Вудро Вильсон и Теодор Рузвельт были главными соперниками, оба они отстаивали концепцию активного реформистского воздействия на общественное развитие. И то, что оба претендента-реформатора сумели решительно потеснить кандидата от Республиканской партии, поклонявшейся идеалам чистотого индивидуализма, являлось настоящей политической сенсацией. Она свидетельствовала, что социальный либерализм набрал в Соединенных Штатах реальную силу.

Социальный либерализм в альянсе с другими демократическими силами сумел тогда добиться и реальных законодательных успехов. Назовем только самые существенные среди них. Во-первых, это многочисленные антимонополистические законы штатов, а также федеральные антимонополистические законы Шермана (1890 г.) и Клейтона (1914 г.). В соответствии с этими законами было возбуждено большое количество процессов против предпринимательских объединений: процессы эти не пресекли монополизации, но все же направляли ее в русло, позволявшее выживать и свободной конкуренции. Серьезным успехом реформаторов явилось одобрение в 1913 г. 16-ой поправки к Конституции, вводившей федеральный подоходный налог, и 17-ой поправки, провозгласившей прямые выборы в сенат Соединенных Штатов.

Во многих штатах, кроме того, были приняты демократические законы о прямых первичных выборах (тайное выдвижение избирателями кандидатов в президенты от политических партий), всевозможные акты, вводившие различные формы социального страхования

рабочих. Либералы все более твердо отказывались отдавать вопрос о судьбе капитализма на откуп "естественных сил". Так что к тому моменту, когда лидеры революционного социализма в Европе сформулировали выводы о монополистическом капитализме, как последней стадии капитализма и кануне пролетарских революций, американский либерализм сумел в существенной мере реформировать механизмы национального капитализма, встроить в него регуляторы, если не снимавшие, то серьезно смягчавшие традиционные антагонизмы.

После 1-ой мировой войны на ведущие позиции среди идеино-политических течений США вновь выходит "чистый" индивидуализм. Его главный выразитель, 31-ый Президент США Г.Гувер, предпочитал еще называть себя либералом¹⁰, но исповедуемые им принципы имели ярко выраженный охранительно-консервативный характер. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. идеология "чистого" индивидуализма в США потерпела сокрушительное фиаско: жестокий экономический кризис, сопровождавшийся массовыми банкротствами, безработицей, нищетой отвернул от него большинство американцев.

Идейно-политическим лидером в Америке вновь становится социальный либерализм, получивший развитие в реформаторской деятельности Ф.Д.Рузельта.

Ф.Д.Рузельт и приверженцы рузельтовского Нового курса в идеологическом плане развивали те подходы, которые были наработаны новыми либералами в конце XIX — начале XX вв. Но в политической практике они были гораздо большими радикалами, что было обусловлено принципиально новыми обстоятельствами. Во-первых, Ф.Д.Рузельт и ньюдилеры действовали в условиях экономического коллапса классического капитализма. Во-вторых, либерализм имел дело с вызовом советского социализма и германского фашизма, которые небезуспешно внушали массам мысль, что только государственно-тоталитарные системы способны покончить с безработицей, угрозой перепроизводства, необеспеченной старостью, нищетой.

Рузельт неизменно отстаивал идею разделения поколения американцев, "встретившегося с судьбой", на две магистральные "школы мысли" — либеральную и консервативную". В отличие от консерватизма, отдавшего развитие истории в распоряжение естественных сил, либерализм, как декларировал Рузельт, твердо высказывался в пользу целенаправленных усилий государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков всех классов и слоев¹¹.

Критика Рузельтом классических механизмов капитализма была беспощадна, часто он анализировал их при помощи языка и понятий, которыми пользовались до этого марксисты. Так, главную причину экономического краха, подобно марксистам, он видел в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Президент США от Демократической партии, ставшей выразительницей социального либерализма, указывал, что обобществление производства, рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшиеся в Америке 20-х гг., не подкреплялись радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возрастающих прибылей в пользу трудящихся

классов. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всеевласти монополий оставались по сути неизменными. В таких условиях перепроизводство и безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал главный реформаторский лозунг Рузельта: основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения¹².

При всем том, что Рузельт живо откликался на меняющиеся исторические реалии и требовал в практической политике реагировать именно на требования дня, в его сознании присутствовал и определенный набор теоретических установок из американской либерально-демократической традиции. Рузельт неизменно демонстрировал приверженность идее органического, избегающего революционных и радикальных скачков, процесса преобразований, который должен был совершенствовать и дополнять, но ни в коем случае не отменять либеральные ценности, закрепленные в Декларации независимости, федеральной конституции, Билле о правах. Свое либеральное кредо он любил разъяснять, апеллируя к привлекательным для него идеалам выдающихся американских политиков, среди которых чаще всего называл Б.Франклина, Т.Джефферсона, Э.Джексона, А.Линкольна, Т.Рузельта и В.Вильсона. В этой "великой кучке" он в свою очередь в качестве самого выдающегося деятеля выделял Томаса Джефферсона.

Из наследия Джефферсона Рузельт выбирал те идеи, которые были наиболее созвучны его реформаторским замыслам. Одна из них — право каждого поколения людей на обновление общественно-го договора, или конституции, в соответствии с меняющимися запросами и потребностями общества. Излюбленным кредо Рузельта стала и та мысль, что общественные изменения, после того как они назрели, должны осуществляться без всяких промедлений. При этом обществом и правительством должны были браться на вооружение только совершенно реалистические, всесторонне просчитанные и на-верняка реализуемые проекты.

Нет ничего удивительного в том, что Рузельт, возводивший во главу угла идею более справедливого распределения с помощью государства национального богатства, воспринял и джефферсоновскую концепцию собственности, сочетавшую принципы либерализма, эгалитаризма и демократии. Опираясь на авторитет Джефферсона, он доказывал, что право собственности оформилось исторически, что само ее возникновение было невозможно без государства и что в силу этого государство обязано бороться с издержками свободного развития частной собственности¹³. К этим издержкам он относил узурпацию права частной собственности сужающейся горсткой общества и отчуждение этого священного права от миллионов и миллионов нуждающихся, престарелых, безработных и бездомных. Государство, требовал Рузельт, должно предотвратить отчуждение от миллионов тружеников права на "самый полный, в той степени, в какой это возможно", продукт своего труда¹⁴.

Истинно национальное правительство и подлинно национальные политические лидеры, доказывал он, должны быть способны консолидировать вокруг себя общество на внепартийной основе. Этой способности как раз и не обнаружили Республиканская партия и его

предшественник на президентском посту Г.Гувер, тесно сросшиеся с финансовой элитой и промышленными монополиями. В отличие от них Рузельт требовал проявить особую заботу о "забытом человеке" — крылатое и ключевое понятие в его политическом словаре, объединявшее разоренных фермеров и безработных, низкооплачиваемых рабочих и малоимущих престарелых граждан.

Рузельт добился и практических результатов в реформировании государства и Демократической партии в направлении политического плюрализма и консенсуса. Так, ведомая им Демократическая партия в 30-е годы существенно расширила свою социальную базу, создала прочную коалицию среднего и мелкого бизнеса с рабочими, негритянским населением, фермерством и имела серьезные основания претендовать на звание партии среднего класса. Это потребовало от нее переориентации идеологических и практических подходов ко всем слоям общества, не только низшим и средним, но и высшим.

Отношение Рузельта к высшим слоям общества, монополиям было весьма противоречивым, но неизменно критическим. Уже во время президентской кампании 1932 г. Рузельт недвусмысленно возложил ответственность за экономический кризис на монополии, эту "экономическую олигархию", которая сконцентрировала в своих руках более половины производственных мощностей нации, утвердила максимально высокие, а следовательно, недоступные большинству народа цены на товары, следствием чего были кризис перепроизводства, его остановка, безработица, нищета.

И уже в 1932 г. Рузельт много размышлял о реальных антимонополистических мерах, которые призваны были спасти индивидуализм, конкуренцию, право каждого американца, а не только элиты на частную собственность и утвердить всеобщее благоденствие. Он видел два возможных варианта антимонопольной политики: один был заключен в концепции "нового национализма" Т.Рузельта и предполагал наказывать "нечестные", но поддерживать "честные" монополии, другой вытекал из концепции "новой свободы" В.Вильсона и требовал искоренить любые монополии. Ф.Д.Рузельт склонялся в пользу второго варианта, доказывал даже, что если бы первая мировая война не прервала вильсоновский реформаторский курс, то с монополиями в Америке было бы покончено, и она никогда бы не узнала такого страшного экономического крушения, которое постигло ее в 1929 г.¹⁵.

Судьба, однако, распорядилась так, что в течение всего первого срока своего президентства Ф.Рузельт должен был воплощать концепцию "нового национализма", а точнее тот ее практический вариант, который в сентябре 1931 г. был разработан президентом корпорации "Дженерал электрик" Джерардом Своупом. В полном соответствии с планом Своупа правительство Рузельта одобрило 16 июня 1933 г. закон о восстановлении промышленности, по которому монополии под эгидой и контролем со стороны государства утверждали кодексы "честной конкуренции" — своеобразные нормативы, определявшие объемы сырья и производимой продукции, цены на товары и заработную плату, которые бы предотвращали дальнейшие остановки производства и позволяли рабочим поддерживать сносное существование. В стране на два года приостанавливалось антимонополистическое законодательство 1890 г., допускалось картелирова-

ние по отдельным отраслям промышленности с целью гашения рыночной стихии.

Тесное взаимодействие правительства и корпораций продолжалось до 1934 г., после чего между ними наступил резкий разлад: оживший бизнес стал откровенно тяготиться как государственным контролем, так и социальными и экономическими реформами, направленными на непосредственное вовлечение государства в экономическую деятельность и помочь рабочим и фермерству. Со стороны бизнеса по адресу Рузвельта посыпались прямые обвинения в "фашистских" и "коммунистических" намерениях. В этой ситуации Рузвельт, проявив незаурядное мужество, перешел в острую идеологическую и политическую контратаку на бизнес.

Начиная с 1935 г. Рузвельт настойчиво внушал американцам, что главная задача заключается в том, чтобы освободить нацию от гнета монополий и финансовых спрятов. При этом он подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что наоборот эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей — "жирных котов". Власть должна быть отнята у "двухсот гигантских корпораций", распоряжающихся половиной богатства нации, у финансовых гигантов, которые с помощью нечестных сделок, слововоров и махинаций беспрерывно отчуждают в свою пользу "деньги народа, бизнес народа, труд народа"¹⁶. Антимонополистическая либеральная доктрина Рузвельта развивала идеи Л.Брандейса и В.Вильсона. Но удалось ли Рузвельту практически осуществить то, что оказалось не под силу сделать В.Вильсону?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. С одной стороны, Рузвельту не удалось возвести в практику разукрупнение монополий, что являло бы зримое воплощение антимонополизма, но с другой стороны, им были предприняты реальные шаги, направленные на ограничение экономической свободы корпораций, монополистической эксплуатации, перераспределение национального пирога в пользу малообеспеченных слоев. Гнев монополий вызвал закон о налогообложении 1935 г., повысивший ставки отчислений от корпоративной прибыли до 80%. И еще большую волну возмущений с их стороны вызвали федеральные законы, наделявшие трудящихся важными и, безусловно, чуждыми классическому капитализму социальными и экономическими правами.

Важным мотивом идеологии и практики Нового курса с самого начала был поворот лицом к "забытому человеку": после 1935 г. этот мотив вообще вышел на ведущее место. Кого включал Рузвельт в "забытых людей"? Фактически десятки и десятки миллионов простых американцев: тех, кто не имел работы, достаточных средств для сносного существования, крыши над головой. Эти американцы, по утверждению Рузвельта, составляли не менее одной трети нации¹⁷. Как и почему они были забыты? Отвечая на этот вопрос, Рузвельт рассуждал все более откровенно, пока, наконец, в 1938 г. не признал прямо, что ответственность должна быть полностью возложена на государство и крупных собственников, подчинивших себе правительство и управлявших им в своих эгоистических интересах вплоть до начала Нового курса¹⁸. Тем самым президент откращивался и от

классических постулатов индивидуализма, возлагавших ответственность за приниженное положение трудящихся на самих трудящихся.

Доказывая, что богатство, собственность и прибыль, созданные усилиями "сообщества индивидуумов", а не одного капитала, должны распределяться на новой, справедливой основе, Рузвельт требовал создать механизм перераспределения богатств, распоряжение которым по праву принадлежит государству. Одним из главных каналов перераспределения национального богатства в пользу "забытых американцев" была признана государственная система социального страхования. В 1935 г. в Соединенных Штатах были введены (кстати, первоначальный законопроект — "рабочий билль" — был составлен коммунистами) два вида государственного социального страхования — по старости и безработице. И хотя федеральный закон о социальном страховании носил во многом ограниченный характер, принципиально было то, что он впервые превращал федеральное государство в гаранта важных социальных прав трудящихся. Это был серьезный прорыв в теории и практике классической буржуазной социальной политики.

Другой такой прорыв заключался в одобренном в том же году федеральном законе о трудовых отношениях, который гарантировал рабочим право создания профсоюзов, ведения и заключения коллективных договоров с предпринимателями и право на забастовку (с предварительным уведомлением со стороны профсоюзов и арбитражем со стороны государства). В 1938 г. Национальным конгрессом был принят закон о введении максимальной продолжительности рабочей недели для рабочих тех отраслей, которые попадали под федеральную юрисдикцию. Все эти законы отвечали рузвельтовской концепции "заправки насоса" — перераспределение национального богатства в целях повышения покупательной способности трудящихся и смягчения и рассасывания в результате кризиса перепроизводства.

Преобразуя реалии капитализма, Рузвельт не действовал по какой-то единой схеме. Главное было отвести от капиталистического общества смертельную опасность, и ради этого стоило идти на самые неожиданные эксперименты. "Страна нуждается и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его, — формулировал свое прагматическое кредо Рузвельт в 1932 г., — если не получится — честно признайтесь и попробуйте другой. Но главное — попробуйте"¹⁹.

Таким радикальным экспериментом, продиктованным здравым смыслом, было создание федеральной системы социальных прав трудящихся. Другим радикальным экспериментом, заключавшем резкий разрыв с капиталистическими заповедями, стала идея государственного бюджетного дефицита, как важнейшего средства "заправки насоса" и преодоления кризиса перепроизводства.

Еще в 1932 г. во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета и обещал сделать все, чтобы погасить государственный долг. Однако борьба с безработицей, развитие социальных программ, государственное рефинансирование задолженности и спасение миллионов фермерских хозяйств потребовали резкого увеличения государственных расходов. Расширяющийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой

кой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или в 1935 г., — признает позднее Рузельт, — означало совершить преступление против народа. Постепенно практика дефицитного финансирования социальных и иных расходов правительства была введена им в теоретический постулат. Во второй половине 1930-х годов он уже говорил о наличии среди либералов двух школ в вопросе бюджетной политики: одна твердо исповедовала теорию сбалансированного бюджета, другая признавала узаконение дефицита, определяемого задачами снятия экономического кризиса и обеспечения социально-экономических запросов бедствующего народа. Рузельт безоговорочно вставал на сторону второй школы²⁰.

В президентском послании 1937 г. Рузельт, правда, вновь обещал вернуться к сбалансированному бюджету, но вскоре опять стал опираться на идею "заправки насоса", превратившейся поистине в лейтмотив его новолиберального курса. Ее практическое воплощение характеризуется впечатляющими цифрами: с 1932 по 1940 г. федеральные государственные расходы выросли с 4266 до 10061 млн. долларов. За этот же период промышленное производство увеличилось на 60%. Конечно, было бы преувеличением объяснять экономическое оздоровление только "заправкой насоса", но и отрицать ее огромную позитивную роль невозможно.

Государственный бюджет активно расходовался на оказание помощи фермерам (рефинансирование задолженности, выплаты премий за сокращение посевых площадей и т.д.), организацию общественных работ с целью рассасывания безработицы (особую роль сыграло государственное энергетическое строительство в долине р. Теннесси), развитие систем социального страхования. Все это означало дальнейшее обновление установок либерализма, включение в него концепции государственного планирования, выражавшегося как в прямом, так и в косвенном воздействии государства на процесс капиталистического производства и социальные отношения. По меркам классического капитализма то был чуть ли не социалистический переворот, в котором консерваторы не уставали обвинять Рузельта. Единомышленники же Рузельта неизменно рассматривали его как спасателя капитализма. Истинная суть Нового курса не раскрывалась ни в филиппиках консерваторов, ни в панегириках новых либералов: Рузельт вытаскивал капитализм из пропасти ценой мероприятий, которые объективно означали развитие процесса социализации частнособственнических отношений. Социализация не была равнозначна социализму, но в то же время означала освоение многих его форм и принципов, придававших капитализму новый, более цивилизованный облик.

Преображая американскую действительность, поистине выступая в роли творца истории, Рузельт закономерно объявил об отмежевании от той школы "профессиональных экономистов", которая мыслила общественное развитие исключительно в соответствии с "объективными", неподвластными человеческой воле законами. Президент не раз высказывался о них с иронией: можно ли воспринимать на веру учение "профессиональных экономистов", если сами они меняют представление об объективных законах каждые десять, а то и пять лет?²¹ Сам он был тверд в том, что люди вправе формулировать и переформулировать свои идеалы и цели и подчинять их достиже-

нию естественный ход вещей, меняя его, когда того требует общий интерес. Человек и нация, убеждал он американцев, обладают способностью преодолевать самые страшные несчастья и самые опасные пропасти: “единственная вещь, перед которой мы должны испытывать страх, это только сам страх”²².

Признавая огромное, если не решающее значение человеческой воли, коллективных усилий людей в определении характера общественного развития, Рузвельт естественно уделял много внимания осмыслению роли политических институтов, через которые могли реализоваться эти усилия. При этом он очень много позаимствовал из взглядов Т.Рузвельта, В.Вильсона, Л.Брандейса, Г.Кроули и других либералов ХХ в. Государство неизменно рассматривалось им как политически нейтральная, внеклассовая сила, назначение которой состояло в аккумулировании и выражении общенационального интереса. Первоосновой национального интереса, согласно его убеждениям, была защита принципов Декларации независимости, федеральной конституции и Билля о правах, но в современных условиях к этим первоосновам должны были быть добавлены гарантии экономических и социальных прав “забытых американцев”.

Будучи убежденным демократом, Рузвельт решительно отвергал диктаторские политические системы, высказывался в равной степени критически о гитлеровском и сталинском режимах. Но безвластная, недееспособная демократия им также отвергалась. Президент признавал нерушимыми и непреходящими принципы разделения властей, их взаимоограничения и равновесия, но вместе с тем полагал, что в чрезвычайных условиях 1930-х гг. решающую роль в спасении общества могла сыграть исполнительная власть. Эта идея обосновывалась при помощи исторического урока, извлеченного из прошлого самим Рузвельтом: “Большая часть наших великих дел совершалась президентами, которые были не орудиями Конгресса, а подлинными лидерами страны, правильно истолковывавшими нужды и стремления народа”²³.

В соответствии с концепцией сильной президентской власти Рузвельт подбирал в свою команду людей, способных твердо и энергично проводить принимаемые решения в жизнь. Признавая самостоятельность Конгресса, он добивался, как минимум, лояльности в отношении своего курса со стороны Демократической партии, располагавшей в годы его президентства большинством в высшем законодательном органе. Возможность фракционных размежеваний в собственной партии воспринималась им крайне болезненно. Без партийного единства в Конгрессе проведение реформаторского курса, по его убеждению, было невозможно.

Остроколлизийными оказались взаимоотношения Рузвельта с Верховным судом, в котором в момент его прихода к власти преобладали консерваторы. В 1935 — нач. 1936 г. Верховный суд отменил, как антиконституционные, 11 законодательных актов рузвельтовского Нового курса, среди них и наиболее важные, поставив тем самым под угрозу срыва все президентские замыслы. В этих условиях Рузвельт действовал жестко и бескомпромиссно: мобилизовав на свою сторону общественное мнение, заклеймив с его помощью “девять старцев” из Верховного суда, президент под угрозой радикальной перетряски высшего судебного органа вынудил-таки его перей-

ти от обструкционистской к одобрительной позиции в отношении реформ.

Ф.Д.Рузвельт скончался 12 апреля 1945 г. Его двенадцатилетнее пребывание на президентском посту составило целую самостоятельную эпоху в развитии всей американской нации и, конечно, идеологии и практики либерализма. Новый курс на долгие годы стал нарицательным понятием при обозначении либерализма, целое поколение его последователей были детьми, продолжателями, а подчас и эпигонами Нового курса.

Смерть Рузвельта совпала с окончанием второй мировой войны и началом нового этапа мировой и американской истории. Соотношение сил либералов и консерваторов в США изменилось: последние вновь перехватили политическое лидерство в стране. В 1940-е — 1950-е гг. сторонники “твердого” индивидуализма, уже не стесняясь, называли себя консерваторами. Более того, они объявили, что гордятся званием консерваторов и активно занялись обоснованием американской консервативной идеологии, в основу которой были положены идеи Д.Адамса, А.Гамильтона, Д.Мэдисона, Г.Гувера. И в последующем сторонники “свободы” предпринимательства от Б.Голдуотера до Р.Рейгана без всяких экивоков именовали себя консерваторами, а либералов же объявили врагами американских основ. Во второй половине XX века главным признаком либерализма в США по общему признанию стал социальный реформизм.

В консерватизме со временем произошли свои разделения: наряду с консерваторами социал-дарвинистского толка появились социальные консерваторы и неконсерваторы. Но все они твердо отмежевались от либерализма, который в сознании всех приверженцев консерватизма стал чуть ли не бранным понятием.

Усиление неприязненного отношения консерватизма к либерализму объяснялось и постоянной эволюцией последнего “влево”. Этапом наивысшей социализации и идеологии, и политической практики либерализма стали 1960-е гг., когда либералы опять сменили консерваторов у руля государственной власти. Новые идеологические вехи либерализма первым “столбил” тогда Д.К.Гэлбрейт. В книге “Новое индустриальное общество” он последовательно развивал идею своеобразного исторического компромисса между капитализмом и социализмом, а для обозначения этого компромисса ввел новое понятие — конвергенция.

Концепция конвергенции обосновывала объективную закономерность сближения производительных структур, производственных отношений и систем экономического управления при социализме и капитализме. При этом Гэлбрейт, как и его единомышленники, не считал возможным пользоваться впредь определением “капитализм” или даже “демократический капитализм” при обозначении американского общества, предпочитал им классово нейтральные понятия “индустриальное” и “новое индустриальное общество”. Активно проводилась мысль о том, что основные черты “нового индустриального общества” станут в будущем универсальными как в капиталистических, так и в социалистических обществах.

Концепция “нового индустриального общества” была подвергнута в свое время острой критике в советской литературе. Критиков особенно не устраивало то, что Гэлбрейт мыслил конвергенцию как

"капитализацию социализма", и в идеалистических красках изображал американский монополистический капитализм. Новое прочтение книги Гэлбрейта позволяет обнаружить, что отечественные критики увидели в его концепции то, что в ней вовсе не было заключено. Лейтмотивом концепции Гэлбрейта была отнюдь не идея "капитализации социализма", а как раз идея "социализации капитализма"²⁴.

Одной из главных идейных опор либерализма в 60-е гг. продолжало оставаться кейнсианство. Но в толковании кейнсианских доктринах возникли серьезные различия. Так весьма четко разделились левые и умеренные кейнсианцы. Один из наиболее видных левых кейнсианцев, С.Харрис, видел главное отличие либералов от консерваторов в том, что первые выступали за "сбалансированную экономику", а вторые — за "сбалансированный бюджет". "Сбалансированная экономика", предполагавшая гармоничное развитие и удовлетворение потребительских интересов разных слоев общества, в том числе престарелых, малообеспеченных, безработных, инвалидов, не только допускала, но и требовала поступиться идеей "сбалансированного бюджета".

Государство, доказывал Харрис, должно в полной мере финансировать систему социальной защиты этих социальных слоев, а потому не должно испытывать страха перед бюджетным дефицитом и инфляцией не только в условиях кризисов, но и в периоды экономического роста. Умеренная, регулируемая инфляция, по его убеждению, не противоречила, а напротив способствовала экономическому росту: перспективные производства, получив возможность повысить цены на товары с новыми качествами, могли существенно расширять свои капиталовложения. Если один процент инфляции обеспечивает десять процентов роста производства, лаконично заключал Харрис, то это хорошая экономическая политика²⁵.

Умеренные кейнсианцы делали упор на государственное стимулирование экономического роста при помощи уменьшения налогообложения корпораций, поддержание стабильности рынка посредством контроля над уровнем цен и заработной платы. Антиинфляционную политику они предпочитали, помимо всего прочего, и по той причине, что она препятствовала обесцениванию денежных накоплений высшего и среднего классов.

Социал-реформистская тенденция в либерализме получила в 60-е гг. практическое воплощение в президентских курсах Дж.Кеннеди и Л.Джонсона. Программа Кеннеди-Джонсона привела к самым глубоким структурным нововведениям в американское государство благосостояния. Она впервые создала государственные системы социальной защиты не только работающих, но и нетрудоспособных американцев, так же как и бедных, многосемейных и иных "наименее приспособленных" граждан Америки.

Кеннеди, как и занявший после его гибели президентское кресло Л.Джонсон, прислушивались к советам как левых, так и умеренных кейнсианцев, пытаясь по возможности сочетать их рецепты. Программа "новых рубежей" Кеннеди включала в себя целую серию либерально-реформистских требований: это и законопроект о создании системы обучения и переподготовки рабочей силы, которая должна была помочь тем, кто потерял работу вследствие широкой

автоматизации промышленности, и меры государственной медицинской помощи бедным и престарелым, и широкое государственное финансирование науки, образования, медицины, бедствующих фермерских хозяйств. Президент-реформатор обещал поддержку черным американцам в борьбе за равные с белыми гражданские права: он намеревался твердо, даже подключая помочь федеральных войск, покончить с сегрегацией при найме на работу, на транспорте, в школах и университетах южных штатов, вернуть черным американцам равные избирательные права, которые были провозглашены в период Гражданской войны, но фактически отменены южными расистами на рубеже XIX-XX вв.

Вся эта широкая реформаторская программа требовала огромных затрат, главным источником для которых могло стать налогобложение корпораций. И здесь Кеннеди натолкнулся на сопротивление не только консерваторов, но и умеренных кейнсианцев. По их убеждению, основой благоденствия всех социальных слоев являлось увеличение, а не передел "национального пирога", что требовало поощрять всяческими средствами, в первую очередь с помощью налоговых скидок, предпринимательскую активность. Под давлением умеренных и консервативных сил Кеннеди должен был пойти на налоговые льготы корпорациям, что существенно сузило возможности его реформаторских социальных замыслов. Из всей его программы "новых рубежей" за два с половиной года президентства Кеннеди были реализованы немногие предложения, самым важным среди которых был первый в истории страны федеральный закон о развитии системы подготовки и обучения рабочей силы.

Реформаторские замыслы Кеннеди были в полном объеме восприняты его преемником на президентском посту Л.Джонсоном. Безусловно уступая политическому кумиру американских либералов в интеллектуальных способностях, Джонсон, однако, не был обделен тщеславием и, не желая быть простой тенью Кеннеди, дал воспринятым у него реформаторским программам новые звучные названия — "Великое общество" и "Война с бедностью".

В период пребывания на президентском посту (1963-1969 гг.) Л.Джонсон выступал как бы в двух ипостасях: с одной стороны, он осуществлял эскалацию войны во Вьетнаме, что все более упрочивало представление о нем, как о консерваторе, но, с другой стороны, он же проводил активный реформистский курс во внутренней политике, уделив особое внимание обеспечению равных гражданских прав для черных американцев и борьбе с массовой бедностью. Подобное соединение в Джонсоне консерватора и либерала имело вполне логичное объяснение: реформистский курс внутри страны должен был служить смягчению демократического протesta против расширявшейся агрессии во Вьетнаме.

И нужно сказать, что в проведении внутренних реформ Джонсон преуспел гораздо больше, чем Кеннеди. Конечно, было бы заблуждением приписать это в заслугу лично ему: к активным шагам его подталкивало и мощное демократическое движение черных американцев, достигшее пика как раз в годы президентства Джонсона, и желание заручиться массовой поддержкой среди белых американцев, столь необходимой для правительства, все более увязавшего в "грязной войне" в Индокитае. Большие практические успехи Джонсона в

сравнении с Кеннеди объяснялись, конечно, и гораздо более длительным пребыванием его на президентском посту, как и тем, что многие реформистские проекты уже были подготовлены и "запущены" его предшественником, так что Джонсон пожинал урожай, который посеяли интеллектуал Кеннеди и его "мозговой трест".

Три закона в области гражданских прав, одобренные в 1964, 1965 и 1968 гг., запрещали дискриминацию черных американцев при найме на работу, в местах общественного пользования, при приобретении и аренде жилищ, отменяли всевозможные ограничения их избирательных прав. Это были самые серьезные демократические законы в интересах черных американцев со времен Гражданской войны 1860-х гг. В 1965 г. были принятые законы о государственном субсидировании медицинского обслуживания престарелых (старше 65 лет) и малообеспеченных американцев. Законом 1968 г. повышался до 1,60 долл. минимум почасовой заработной платы. На семь процентов повысились пособия для престарелых, инвалидов и детей-сирот. Вводилась выплата пособий и раздача продовольственных талонов семьям, жившим ниже официального уровня бедности.

Это были самые глубокие либеральные реформы со времен Нового курса, углублявшие процесс включения в американский либерализм социал-демократических доктрин. Эта тенденция достигла пики на рубеже 60-70-х гг., когда ее политическими выразителями выступили лидеры леволиберального крыла демократической партии, Ю. Маккарти и Д. Макговерн. Леволиберальное крыло попыталось существенно расширить традиционную социальную опору либерализма, подключив в нее радикальную молодежь, прогрессивные слои рабочего класса, черных американцев, а также многие национальные и социальные меньшинства Америки, пробудившиеся к политической активности, но продолжавшие оставаться на обочине экономического благосостояния. Всем этим силам были предложены обновленные идеологические ориентиры.

В политической агитации Ю. Маккарти с новой силой зазвучал антимонополизм. Он сравнивал власть корпораций со средневековым феодализмом: каждая корпорация твердо контролировала в своем домене распределение прибылей, организацию социального страхования, быта и отдыха своих рабочих. Благополучие рабочих зависело исключительно от корпораций, поэтому они превращались в безропотных подданных монополий. Сложившийся же в Америке государственный контроль над корпорациями был абсолютно антидемократичен: он осуществлялся через посредство правительства и зачастую сводился к непосредственным соглашениям между главой исполнительной власти и хозяевами корпораций.

Маккарти и его единомышленники предложили целую серию антимонополистических мер, получивших название "нового популизма" и прозвучавших наиболее ярко в период избирательных кампаний 1968 и 1972 гг. Во-первых, выдвигалось требование утвердить в стране единую общегосударственную систему социального обеспечения, с тем чтобы покончить с зависимостью рабочих от непосредственных хозяев. Далее предлагалось установить систему демократического общественного контроля над экономической деятельностью корпораций, их отношением к окружающей среде, политикой ценобразования, участием в избирательных кампаниях. Наконец, было

сформулировано и требование роспуска корпораций, приобретших монополистические черты, и определения при помощи правительственные органов допустимых размеров предпринимательских объединений²⁶. Последнее требование стало настолько популярным, что было включено в избирательную платформу Демократической партии в 1972 г.

Критически настроенные либералы не ограничивались разработкой одних социально-экономических реформ, но впервые за многие годы выдвинули программу "новой политики", означавшую демократизацию основных государственных институтов. Резкой критике была подвергнута президентская власть, превратившаяся, по определению А.Шлезингера-младшего, в "имперское президентство". Атака либералов на сильную президентскую власть звучала непривычно: ведь со времен Т.Рузельта и особенно в годы пребывания у власти Ф.Д.Рузельта и Д.Кеннеди именно динамичная, наделенная широкими прерогативами исполнительная власть рассматривалась ими в качестве главного средства проведения реформаторского курса. Тот же Шлезингер-младший в 40-50-ые гг. откровенно предпочитал "слабому" либеральному президенту Т.Джефферсону "сильных" и властных президентов Э.Джексона и Ф.Д.Рузельта.

Но времена изменились. Резкое возрастание в 50-60-ые гг. внешнеполитических полномочий президентской власти стало, по убеждению либералов, главной причиной нескольких "необъявленных войн" со стороны США, самой опасной среди которых явилась агрессия во Вьетнаме. Усиление президентской власти угрожало самим устоям американской демократии, и либеральные критики провозгласили безотлагательной задачу укрепления систем "разделения властей" и "сдержек и противовесов"²⁷.

Среди политических предложений либералов вновь зазвучали популярные в популистском и прогрессистском движении конца XIX — нач. XX вв. идеи расширения прямой демократии, народных референдумов и отзыва депутатов, строгого контроля над финансированием избирательных кампаний, установления квот пропорционального представительства при приеме в университеты, в государственных структурах, руководстве партий мужчин и женщин, разных рас и этносов.

Было сформулировано требование о новых гарантиях свобод слова, печати и собраний. Указывалось, что эти свободы и права зачастую "распределялись" по прихоти мощных средств массовой информации, они нарушались с помощью изощренных технических средств слежки и подслушивания, о которых, естественно, не могли даже догадываться авторы американской конституции и Билля о правах. В современных условиях реальная гаранция этих прав требовала обеспечения разным социальными слоям, партиям, группам, индивидуумам равных возможностей доступа к телевидению, прессе, радио, с одной стороны, и запрета всех появившихся за 200 лет после принятия Билля о правах прямых и косвенных средств ограничения свобод и прав со стороны властей предержащих

Высшей точкой успеха левых либералов стало выдвижение в 1972 г. кандидатом в президенты от Демократической партии Д.Макговерна и принятие ею самой радикальной за всю историю программы. Программа эта фактически явила альтернативу как плат-

форме правившей тогда Республиканской партии, так и традиционным концепциям самих демократов. Бунт и успех леволибералов, однако, немало напугал умеренных и, оправившись от шока, они предприняли отчаянные усилия, чтобы вернуть либерализм и Демократическую партию в прежнее русло. Уже в 1974 г. на чрезвычайном съезде партий левый "перехлест" в либерализме был устранен. Сам он с этого момента вступил в новый этап, который продолжается по нынешний день и заключает в себе серьезную ревизию прежних либерально-реформистских идеалов.

Было бы, впрочем, явным упрощением связывать наступление этого этапа с одним "испугом" умеренно-либерального большинства перед левыми. Он был обусловлен серьезными изменениями экономических условий развития американского общества, которые проявились в полной мере в середине 70-х гг.

1970-е гг. раскрыли как новые возможности, так и пределы социализации либерализма. Начавшие в то десятилетие нарастать кризисные явления в экономике — галопирующая инфляция и резкое замедление темпов экономического роста — стали увязываться экспертами с эксцессами государственного социально-экономического регулирования. Постепенно и либералы должны были признать, что социальные расходы государства, бюджетный дефицит, налогообложение бизнеса и среднего класса перешли за те пределы, которые были совместимы с сохранением индивидуальной предприимчивости и экономического роста. А когда этот вывод стал убеждением большинства американских избирателей, политическая власть в стране вновь была передана консерваторам. Консервативный идеально-политический цикл, начавшийся на рубеже 70-80-х гг., продолжается и по нынешний день. Пик его пришелся на годы президентства Р.Рейгана (1981-1989 гг.).

Современный либерализм в споре с консерватизмом выступает в роли обороняющейся стороны. Он известен под именем неолиберализма. Этот термин, как отмечал политолог Р.Ротенберг, впервые был обнародован в 1979 г. редактором журнала "Вашингтон мэйн-ли" Чарлзом Петерсом: "В феврале 1979 г. Петерс выступал на праздновании десятилетия своего журнала. "Мы, — провозгласил, почти прокричал он сквозь шум всеобщего веселья, — неолибералы!"²⁸. Вскоре после этого сложился и интеллектуальный "клуб неолибералов". В него вошли такие деятели демократической партии, приобретшие широкую известность, как Г.Харт, М.Дукакис, Р.Гепхард, Б.Брэдли, М.Куомо. В академической общине глашатаями неолиберализма стали известные экономисты Л.Туроу и Р.Райх, а в деловых кругах Ф.Рохатин.

Неолиберализм требует максимально рационализировать государственное социально-экономическое регулирование. Его представители отвергают, с одной стороны, социал-демократическую тенденцию в либерализме, а с другой стороны, стремление современных консерваторов провести жесткие разграничения между государством и рынком. Их позитивная программа требует, чтобы государственные институты в США, ориентируясь на японские и германские образцы, обеспечивали квалифицированное руководство социальной и экономической политикой. Прагматическая социальная политика должна преследовать цель оптимального вождения общества "человека-

ческого капитала", а не утверждение призрачного всеобщего благо-
денствия. Поэтому социальные расходы должны идти не на раздачу
талонов беднякам и увеличением пособий безработным, а на разви-
тие образования, здравоохранения, систем переподготовки рабочей
силы, которые бы позволили беднякам и безработным через их по-
средство интегрироваться в "человеческий капитал" нации. Еще од-
но ключевое понятие в политическом словаре неолибералов — "ин-
дустриальная политика", означающая государственное поощрение
малого бизнеса, помочь технологической перестройке традицион-
ных отраслей, налоговые льготы для отраслей, конкурентоспособ-
ных на мировом рынке и т.д.²⁹

Неолиберализм получил шанс испытать себя практически с 1993
года после вступления в президентскую должность лидера Демократи-
ческой партии У.Клинтона. Успехи его в течение 1993-1995 гг.
оказались более чем скромными. Первая же крупная социальная ре-
форма Клинтона — создание общенациональной системы медицин-
ского страхования — прочно увязла в стенах конгресса. Перспекти-
вы неолиберальной политики остаются весьма туманными.

Сугубо прагматическое течение неолиберализма не исчерпывает
современной либеральной идеологии. В ней сохраняется, хотя и не
на ведущей позиции, социально-реформистское течение, обогатив-
шееся на современном этапе новым содержанием. Эта новизна за-
ключалась в выдвижении в его повестке на первое место концепции
прав расово-этнических меньшинств, как и тех социальных слоев,
которые по либерально-демократическим меркам не пользуются в
американском обществе равенством возможностей.

В связи с этим в социально-реформистском течении получила
развитие новая концепция эгалитаризма, которая требует от обще-
ства и государства отказаться от догматического следования класси-
ческой формуле "равенства возможностей" и утвердить систему спе-
циальных льгот для тех слоев, которые на протяжении американ-
ской истории находились в ущемленном положении. Так оформи-
лась идея предоставления черным американцам преференций при по-
ступлении в университеты, найме на работу в государственные учре-
ждения, а также на предприятия, выполняющие заказы правительст-
ва. После выхода на авансцену американской политики феминист-
ского движения идея преференций была распространена на женщин. Наконец, эта идея "компенсационного равенства" была признана
справедливой в отношении сексуальных меньшинств.

Новая эгалитарная концепция американских социал-либералов
вызывала неоднозначное отношение общества, многие его представи-
тели, в том числе и большинство "стержневого" в США среднего
класса, отнеслись к ней отрицательно. Консерваторы обвинили ли-
бералов в разрушении святая святых американства — юридическое
равенство прав и возможностей всех граждан независимо от их по-
ла, цвета кожи, вероисповедания. Новый либеральный эгалитаризм,
доказывают они обычайтелям, утверждает на практике систему осо-
бых привилегий для афроамериканцев, женщин, гомосексуалистов и
лесбиянок. В последние десятилетия многие средства массовой ин-
формации США не без успеха творили либералам образ выразите-
лей "специальных интересов"³⁰.

В конце XX века американский либерализм находится в сложном положении. Ему не удается преодолеть утвердившегося в 1980-ые гг. господства консервативной идеологии и настроений. Современному либерализму не удалось выработать социально-политической философии и идеологии, способной склонить на его сторону большинство нации, что на разных этапах американской истории блестяще удавалось Т.Джефферсону, Э.Джексону, А.Линкольну, Ф.Д.Рузвельту, Д.Кеннеди.

¹ Цит. по Согрин В.В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975, с.107.

² The Progressive Movement. 1900-1915. Ed. by R.Hofstadter. N.Y., 1965, p.125.

³ Croly H. The Promise of American Life. N.Y., 1909, p.26-35.

⁴ Fine S. Laissez Faire and the General Welfare State. A Study of Conflict in American Thought. 1865-1901. N.Y., 1956, p.207.

⁵ Smith J.A. The Spirit of American Government. N.Y., 1907; Beard Ch. A. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y., 1913.

⁶ Weyl W. The New Democracy. N.Y., 1913.

⁷ Commons J. American Shoemakers. 1648-1895 — Quarterly Journal of Economics. 1909, November, p.76.

⁸ Social and Economic Views of Mr. Justice Brandeis. N.Y., 1930, p.378.

⁹ Croly H. Op.cit., p.393.

¹⁰ The Memoirs of Herbert Hoover. Vol. 1-3. N.Y., 1952, vol.2, p.56.

¹¹ Nothing to Fear. The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932-1945. Cambridge, 1946, p.150.

¹² Roosevelt F.D. Looking Forward. N.Y., 1933, p.29, 31-33.

¹³ Ibid., p.21.

¹⁴ Ibid., p.35.

¹⁵ Ibid., p.21,26,28-31,33,231.

¹⁶ Nothing to Fear, p.20,22,63-64,66-68.

¹⁷ Ibid., p.91.

¹⁸ Ibid., p.155.

¹⁹ Цит. по: США: политическая мысль и история. М., 1976, с.350.

²⁰ Nothing to Fear, p.170.

²¹ Ibid., p.30.

²² Greer T. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. Michigan, 1958, p.8.

²³ Binkley W. The Powers of the President. Problem of American Democracy. N.Y., p.262.

²⁴ Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. М., 1969, с.450.

²⁵ Harris S.E. The Economics of Political Parties. N.Y., 1962, p 19, 44-45, 101-102, 110.

²⁶ McCarthy E.J. The Hard Years. A Look at Contemporary America and American Institutions. N.Y., 1975, p.61-67.

²⁷ Ibid., p.3-14; Schlesinger A.M. Jr. The Imperial Presidency. Boston. 1973.

²⁸ Ротенберг Р. Клуб неолибералов. В кн.: США: консервативная волна. М., 1984, с.233.

²⁹ Hart G. A New Democracy. A Democratic Vision for the 1980's and Beyond. N.Y., 1983; Reich R.B. The Next American Frontier. N.Y., 1983; Thurow L. Dangerous Currents: The State of Economics. Oxford, 1983; Yankelovich D., Harman S. Starting With People. Boston, 1988. Gans H. Middle American Individualism. The Future of Liberal Democracy. N.Y. — L., 1988.

³⁰ Hamby A. Liberalism and Its Challengers. From F.D.R. to Bush. N.Y., 1992, p.395.

ГЛАВА 7 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ПЕРИПЕТИИ СОЦИАЛЬНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Начало XX века ознаменовано не только оформлением, но и наибольшими успехами социального либерализма в Великобритании. Под его знаменами Либеральная партия одержала ряд впечатляющих политических побед, самой яркой среди которых стал триумф на парламентских выборах 1906 года: либералы завоевали 401 мандат, почти две трети от общего числа депутатских мест. Воспользовавшись национальным мандатом доверия, либералы в течение десятилетия провели целую серию социальных реформ, с которыми в Великобритании обычно связывают становление общества всеобщего благосостояния. Хотя официальными лидерами Либеральной партии были умеренные политики, такие как Г.Кэмпбелл-Беннерман и Г.Асквит, тон в ней задавали глашатаи радикального крыла, среди них Г.Ллойд Джордж и молодой У.Черчилль. Период социального либерализма начала XX века не случайно известен как эпоха ллойд-джорджа.

В начале XX века в полной мере оформились и идеино-теоретические принципы социального либерализма. В их формировании активно участвовали и либеральные политические деятели, но наиболее весомый вклад в теорию социального либерализма внесли представители академического мира, среди которых выделялись двое – Л.Хобхаз и Д.Гобсон. Каждый из них написал в тот период не менее десятка пухлых книг и множество статей. Накануне первой мировой войны идеология социального либерализма имела законченный вид.

Первый постулат, ставший общепринятым среди сторонников социального либерализма, заключался в отказе от приверженности интересам одного "среднего класса" и провозглашении либерального кредо "общенародным", то есть в равной степени защищающем позиции арендаторов, рабочих, бедняков, престарелых, как и аутсайдеров общества. У.Черчилль в одной из самых известных речей, произнесенной в 1906 г., не только высказался в пользу курса на "популярные демократические реформы", но особо подчеркнул, что он расчитан на защиту "отверженных миллионов". Ллойд Джордж в речи 1910 г., как бы отвечая тем, кто полагал, что подобная популистская стратегия сама по себе не оригинальна, счел необходимым подчеркнуть принципиальное отличие в отношении к народным нуждам между "старым" и "новым" либерализмом. "Старый" либерализм, – указывал он, – мобилизовывал народ на свою сторону, имея в виду достижение общенациональных целей общественного прогресса, а "новый" либерализм намерен проводить конкретные социальные реформы в интересах самих рабочих, престарелых, бедняков¹. Подобная социальная идентификация нового либерализма потребовала от его защитников развернутого "выяснения отношений" как со "старым", или классическим, либерализмом, так и с социалистическими оппонентами, претендовавшими на монополию в представительстве интересов низов.

Что касается "старого" либерализма, то все его доктрины, провозглашавшие "государственное невмешательство" в социально-эко-

номические отношения, объявлялись или идеологической аномалией, или заблуждением, или, в лучшем случае, одним из возможных средств достижения конкретных либеральных целей в определенных исторических условиях. Например, доктрина экономического либерализма манчестерской школы была объявлена выражением специфических потребностей промышленного капитализма в специфический период его развития. Социальная концепция Г. Спенсера и его последователей была признана уже грубой ошибкой, явившейся следствием методологического просчета в анализе общественных взаимосвязей.²

Ревизия классического либерализма осуществлялась социальными либералами в направлении признания принципиальной и все возрастающей роли государства в социально-экономических отношениях, что делало актуальным прояснение их сходства и отличия от каких общепризнанных государственников, как социалисты. Новые либералы единодушно отвергали противопоставление либерализма, как сугубо индивидуалистической, и социализма, как чисто коллективистской веры. Провести "четкую разграничительную линию между индивидуализмом и коллективизмом, – доказывал У. Черчилль, – невозможно ни в теории, ни на практике". Каждый индивидуум, по его заключению, являлся по своей природе "одновременно и индивидуалистом, и коллективистом", а потому идеология, адекватно отражающая его интересы, должна быть синтетической – коллективистско-индивидуалистической. Новый либерализм, по утверждению Черчилля, определяя подобным образом природу человека, должен вслед за этим признать и то, что "общей тенденцией развития цивилизации является возрастание коллективных функций общества."³

Понятие "коллективизм" было уравнено новыми либералами в правах с понятием "индивидуализм", в связи с чем не случайным стало появление в их лексиконе и понятия "коллективистский либерализм". Некоторые новые либералы пошли дальше и стали соединять понятие "либерализм" с определениями "социал-демократический" и даже "социалистический". Хобхауз и Гобсон доказывали, что такие понятия, как "справедливость" и даже "социальная справедливость", которые считались чуждыми либерализму и идентифицировались с социализмом, должны быть восприняты в качестве основополагающей ценности новым либерализмом. В связи с этим должна была быть изменена и либеральная формула прогресса: если прежде упор в ней делался на увеличение материальных ценностей общества в целом, богатства нации, то теперь его критерием должно быть признано благосостояние и счастье каждого отдельно взятого индивидуума, каждого социального слоя. Этика должна быть признана в качестве главной опоры либеральной политической экономии.⁴

Но в чем, в таком случае, заключалось различие между новым либерализмом и социализмом? Отвечая на этот вопрос, новые либералы указывали, что во всех существующих теориях и доктринах социализма есть неприемлемые для них максимы, главными среди которых были следующие: 1) идеология радикального переустройства общества, включающего отмену собственности, семьи, брака религии; 2) идея классовой борьбы и пролетарской революции; 3) требование национализации средств производства, распределения и обме-

на. Этим максимам новые либералы противопоставляли реформистскую трансформацию и социализацию основополагающих институтов британского общества на основе государственного законодательства. Практические социальные реформы и градуалистская социализация были равнозначны в их понимании либеральному социализму.

В свете подобной реформаторской стратегии одной из центральных теоретических проблем для новых либералов стал пересмотр классической концепции собственности, ибо она и оказывалась главным объектом воздействия со стороны государства. Суть либерально-ревизионистского подхода к частной собственности лаконично и четко выразил Л.Хобхауз: "Основополагающей экономической проблемой является не разрушение собственности, а восстановление социальной концепции собственности"⁵. "Социальная концепция собственности" в отличие от классической локковско-либеральной концепции означала признание в ней двух равных, взаимосвязанных сторон – частной и общественной. Никакая частная собственность, утверждали новые либералы, не может быть признана "чистой" и "абсолютной", ибо общество и разные его классы многими способами участвуют в ее создании, умножении, охране. Утверждение, что индивидуум в одиночестве "делает свою собственность" и обладает на нее поэтому абсолютным правом, ложно. В связи с этим государство, по заключению новых либералов, было вправе регулировать функционирование и развитие частной собственности в интересах общества и особенно слоев, имеющих непосредственное отношение к ее созданию.

Каким образом государство могло распоряжаться той частью собственности, которая по праву принадлежала обществу? – это следующий вопрос, ставший актуальным для новых либералов. В связи с этим важно было определить, какой частью собственности общество могло по справедливости распоряжаться. К ней в первую очередь был отнесен "незаработанный доход": под ним понималась та прибыль, которая не зависела от способностей, трудолюбия и предприимчивости собственника, например, являвшаяся следствием его монополистического положения на товарном рынке. Среди "незаработанных доходов" новые либералы особо выделяли рентные сверхбарьеры лендлордов, в связи с чем боевым лозунгом их программы неизменно оставалось прогрессивно-пропорциональное налогообложение земельных рент и наследства. В начале XX века требование прогрессивно-пропорционального налогообложения доходов и наследств было распространено ими также на промышленные и банковские капиталы, особенно те, которые приобрели монополистические черты. Согласно концепции Гобсона, вне сферы налоговых притязаний государства должны были оставаться только "издержки производства", что же касается чистых прибылей предпринимателей, то общество должно было тщательно изучать, какая их часть могла быть признана вознаграждением за предпринимательский талант, а какая по справедливости отчуждена в пользу общества⁶.

Прогрессивное налогообложение прибылей стало одним из наиболее важных компонентов "социальной концепции собственности". Многие новые либералы полагали, что социальные обязательства

собственников перед обществом должны быть ограничены налоговой данью, но некоторые шли дальше и предлагали в ряде случаев прибегать в целях восстановления социальной справедливости и к национализации собственности. Самым горячим сторонником развития государственной собственности был Гобсон. В выдвинутой им концепции муниципального социализма предлагалось обобществить городское водо- и газоснабжение, как и городской транспорт. В общенациональном масштабе предлагалось в первую очередь огосударствление железных дорог. Данную реформу поддерживал и Хобхауз.

Новый взгляд на право частной собственности со стороны социальных либералов включал в себя и требование рассматривать это право не как священное и основополагающее, а как только одно из главных. Право на собственность, разъясняли они, является главенствующим только для собственников, что же касается несобственников, к которым принадлежит большинство общества, то для них жизненно важными являются другие права. Например, разъяснял Хобхауз, для трудящихся главным является "право на работу", а для бедных – право на "прожиточный доход". В связи с этим с точки зрения нового либерализма "право на работу и право на прожиточный доход должны быть признаны такими же ценными, как и право личности на собственность"⁷. Данный теоретический подход определял важнейшую сферу социального законодательства британского государства – борьба с безработицей, ее ограничение, пособия престарелым, беднякам, безработным.

Важной для новых либералов стала и тема классового сотрудничества, или, как стали говорить позднее, социального партнерства между трудом и капиталом, как и между всеми классами общества. В связи с этим были выдвинуты проекты приобщения рабочих к владению акциями предприятий, признания права профсоюзов участвовать в контроле над инвестициями и распределении прибыли. И уж, безусловно, новые либералы признавали право рабочих на организацию профсоюзов, коллективный договор, проведение забастовок. Вместе с тем забастовка рассматривалась как крайняя мера, обратиться к которой можно было только тогда, когда исчерпаны все иные способы разрешения трудового конфликта.

В целом ревизионистские подходы новых либералов Великобритании начала XX века, если рассматривать их ретроспективно, означали наивысшую социализацию либерализма не только в сравнении с предшествующими, но и многими последующими периодами. Наивысшей оказалась тогда социализация британского либерализма и в сравнении с другими западными странами. По крайней мере социальные либералы других стран не решались все же называть свои предложения социалистическими. Но столь радикальная ревизия классического либерализма была осуществлена в первую очередь в теоретической области. Более скромными были практические результаты усилий британских новых либералов.

Социальное законодательство Великобритании начала XX века связано с именем Ллойд Джорджа, внесшим в реформаторскую политику государства ряд новаторских мер. Радикальным признан его шаг в 1909 г., когда он внес на рассмотрение парламента проект

бюджета, который стал известен как "народный бюджет" и бюджет "социального благосостояния". В нем впервые в британской истории предусматривались серьезные правительственные ассигнования на развитие системы социального страхования по болезни, инвалидности, по безработице, пенсионного обеспечения в случае старости. Дополнительные расходы бюджета в значительной мере покрывались за счет увеличения налогов на землевладельцев. Сам Ллойд Джордж не скрывал, что рассматривает свой бюджет как перераспределительную революцию, а консерваторы характеризовали его как "революционный в принципе и социалистический по существу".

По поводу бюджета между либералами и консерваторами развернулась политическая баталия, самая серьезная со времени принятия в 1832 году знаменитой избирательной реформы. Сломить сопротивление консерваторов либералам удалось с помощью приема, который был применен в том же 1832 году: добившись согласия короля расширить палату лордов за счет своих сторонников, либералы их руками смогли провести законопроект, лишавший верхнюю палату прерогатив в бюджетной политике. После этого и социальный бюджет, и системы социального страхования обрели жизнь. Великобритания стала страной с самым развитым социальным страхованием в мире. В те же годы были приняты и другие демократические социальные законы, в частности, в полной мере признано право рабочих на коллективный договор и забастовку. Были одобрены и более мелкие меры, например, регулярный медицинский осмотр школьников за счет государства и бесплатные школьные завтраки. В целом можно заключить, что идеология социального либерализма не осталась риторикой, а была подкреплена конкретными законами и мерами, улучшившими положение низших классов.

Политический успех британского либерализма начала XX века сопровождался после первой мировой войны столь же быстрой утратой влияния в обществе. Эта смена британскими избирателями милости на гнев в отношении Либеральной партии остается в глазах историков одной из величайших политических загадок. На протяжении всего последовавшего уже более чем семидесятилетнего периода либералы не только не возвращались к власти, но и были вытеснены из двухпартийной системы более удачливым соперником – Лейбористской партией. Правда, влияние Либеральной партии не сошло на нет, а Д.М.Кейнс даже говорил, что либералы, утратив способность завоевывать власть, стали снабжать Консервативную партию "наилучшими умами и характерами", а лейбористов – идеями⁸. Но все же либерализм сохранил свое воздействие в британском обществе преимущественно в качестве течения мысли, сосуществуя и конкурируя с двумя другими влиятельными идеологиями – консерватизмом и лейборизмом.

После первой мировой войны в британской либеральной идеологии произошли серьезные изменения. В целом эта идеология осталась социально-либеральной, но стала более умеренной. В британском социальном либерализме образовалось как бы два направления – умеренное и "левое", причем первое стало главенствующим, а второе, которое было наследником социально-либеральной модели начала века, было оттеснено с ведущей позиции. Два крупнейших со-

циально-либеральных теоретика начала века, Гобсон и Хобхауз, приверженные синтезу либерализма и социализма, также утратили былое влияние. На ведущей же роли в британском либерализме в период между двумя мировыми войнами закрепились два теоретика умеренного направления – профессор истории манчестерского и ливерпульского университетов Рамсей Мюир и выдающийся британский экономист Джон Мейнард Кейнс.

Большое воздействие на развитие британского либерализма оказывали сессии так называемой Либеральной летней школы, собирающиеся ежегодно в Кембридже. Отчеты сессии рассматривались в качестве идеологического кредо либералов, а доклад сессии 1928 года, озаглавленный "Промышленное будущее Великобритании", был на долгие годы признан в качестве теоретической платформы Либеральной партии. Среди тех, кто оказал наибольшее влияние на доклад, ведущая роль принадлежала бывший таки Мюиру и Кейнсу. Оба лидера межвоенного британского либерализма объявляли себя приверженцами его социальной модели и неоднократно указывали на свои принципиальные отличия от классического манчестерского либерализма. Среди главных "ошибок" манчестерского либерализма наиболее часто отмечались две.

Во-первых, представители классического либерализма исходили из ошибочного предположения, что индивидуальные интересы, получив полную свободу, автоматически удовлетворяют общий интерес. На самом деле, индивидуумы эгоистичны, и в состоянии "естественной свободы" наиболее сильные и предприимчивые среди них стремятся прибрать к своим рукам богатство, власть, культуру и подчинить своим интересам большинство общества. Противоядием от данной ситуации не служит в полной мере даже "просвещенный индивидуализм", ибо в состоянии "естественнной свободы" обуздать свой врожденный эгоизм не в состоянии даже лучшие представители рода человеческого. Поэтому гражданское общество и государство обязаны, исходя из интересов всех классов и принципов гуманизма, разрабатывать и поддерживать "правила игры" в экономике, социальных отношениях, политике.

Второй крупный недостаток классического либерализма заключался в негативном определении свободы, которое заключалось в требовании освобождения индивидуума от всевозможных пут и ограничений. Эта "негативная" концепция "свободы от" не утратила своего значения, но она была явно недостаточной для обеспечения свободного развития и самореализации большинства индивидуумов. Индивидуумы не могут стать свободными и реализовать свои способности, если они не располагают, например, необходимыми материальными благами и образованием. Большинство общества этими условиями самореализации не обладало. Поэтому общество обязано было разработать и реализовать концепцию "позитивной свободы", которая означала предоставление всем членам общества возможности получения материального достатка и образования, дающих необходимую "стартовую площадку" для самореализации в той или иной сфере⁹.

Подобное отношение к классическому либерализму, на первый взгляд, не отличалось от позиции социальных либералов начала ве-

ка и предполагало выдвижение во главу угла нового либерализма государственного участия в социально-экономическом развитии и активный диалог с социализмом. В действительности же, между Кейнсом, Мюиром, их единомышленниками межвоенного периода, с одной стороны, и Гобсоном, Хобхаузом и социальными либералами начала века, с другой стороны, в этих вопросах существовали серьезные различия.

Кейнс и Мюир, признавая необходимость государственного участия в социально-экономических отношениях, вместе с тем исповедовали и противоречащую ему идею минимизации этого участия. Их критическое отношение к эксперессам стейтизма основывалось на осмыслении опыта государственного социально-экономического и правового регулирования в период первой мировой войны, когда оно оказалось велико, как никогда. В глазах либералов послевоенной эпохи особенно неприемлемы были массовые ограничения и подавления государством индивидуальных прав и свобод. В последующем критическое отношение британских либералов к неограниченному расширению государственных функций подкреплялось негативными примерами из практики тоталитарных режимов – германского фашизма, с одной стороны, и советского социализма, с другой.

В идеологии Кейнса, Мюира и их единомышленников центром мироздания оставался индивидуум, а главными ценностями – его права и свободы. Все остальные механизмы и институты общества, в том числе государственное социально-экономическое и правовое регулирование, являлись лишь средствами поддержания и упрочения этих ценностей. Показательна в свете этого интерпретация ими назначения политической демократии. Для настоящих либералов, указывал Мюир, демократия важна отнюдь не потому, что она возвышает волю большинства и подчиняет ему политический выбор общества. Либералы осознают, что большинство, особенно если в нем преобладает малообразованный избирательный округ, может наделать много ошибок, а его предпочтения редко равнозначны компетентным решениям. Либералы поддерживают демократию прежде всего потому, что она является главным механизмом, создающим возможности самореализации для большинства индивидуумов, а не избранного меньшинства¹⁰.

От либералов начала века либералов межвоенного периода отличало резко отрицательное отношение к социализму, причем к любой его разновидности – марксистскому, гильдейскому, фабианскому. В социализме же их не устраивали главным образом две черты – приверженность классовому подходу и закрепление важнейших социально-экономических функций за государством. "Межвоенные" либералы исповедовали идею сосуществования и партнерства всех слоев и классов общества и ставили задачей разрабатывать схемы паритета их интересов в промышленной, социальной, аграрной, как и иных общественных сферах.

Свободное сосуществование, конкуренция и сотрудничество различных социальных интересов являлись в идеологии "межвоенных" либералов вторым приоритетом после обеспечения возможностей свободной реализации устремлений индивидуумов. В связи с этим можно говорить о том, что британские либералы, безусловно, воз-

вышли гражданское общество над государством и полагали, что именно в гражданском обществе должны быть выработаны механизмы регулирования и снятия социальных антагонизмов и конфликтов. Кейнс, чуравшийся слова "социализм", тем не менее считал, что прогрессивное общественное развитие предполагает не только самоорганизацию различных общественных групп, институтов и интересов, но и их "социализацию", означающую добровольное приведение своих устремлений в определенное соответствие с общественным благом¹¹.

Отвергая социализм в любых его разновидностях, либералы полагали, что единственной реальной альтернативой ему остается капитализм, возможности которого далеко не исчерпаны. Под капитализмом при этом они понимали, во-первых, "нейтральный" сам по себе способ расширенного воспроизводства экономического потенциала общества и, во-вторых, идеологически выраженный способ присвоения производимых благ. Этот способ присвоения, то есть частную собственность, либералы считали наиболее соответствующим природе человека, а посему были убеждены, что замена его любыми иными способами будет иметь следствием неизбежную экономическую стагнацию, в конечном итоге деградацию и крах общества. Вместе с тем сложившийся способ частнокапиталистического присвоения и распределения национального богатства представлялся им далеким от совершенства и заслуживающим серьезного реформирования.

В 1920-е гг. наиболее обстоятельную реформу капиталистического способа присвоения и распределения предложил Мюир. Манчестерская либеральная федерация признала ее в качестве "основы разрешения многочисленных социальных и промышленных проблем, накопившихся в нашем обществе". Схема Мюира получила одобрение многих британских либералов, и о ее авторе даже заговорили как об основателе новой школы манчестерского либерализма¹².

Мюир предложил выделить пять участников частнокапиталистического присвоения и распределения, которых он расположил в следующей последовательности: 1) организаторы капиталистического производства, управляющие, коммерческие директора; 2) наемные работники умственного и физического труда; 3) владельцы капиталов; 4) потребители производимой продукции; 5) общество в целом, интересы которого представлены государством.

В схеме Мюира на первом месте оказались не собственники, владельцы капиталов, а управляющие капиталистическим производством. Подобно многим либеральным идеологам, Мюир полагал, что в современном капиталистическом производстве именно менеджерам, а не собственникам принадлежит главная роль в совершенствовании экономической эффективности и максимизации прибыли. Этим представителям "наиболее созидающей силы в промышленности" должно быть гарантировано достойное вознаграждение, возрастающее пропорционально росту эффективности производства. Вслед за менеджерами Мюирставил опять таки не собственников, а наемных работников, доходы которых должны были складываться из нескольких компонентов. Это, во-первых, зарплата, "достаточная для поддержания работником и его семьей приемлемого по совре-

менным стандартам существования", во-вторых, "дополнительное вознаграждение за мастерство и старательность", в-третьих, социальные выплаты в случае болезни, безработицы и т.д. Кроме того, наемным рабочим должно быть обеспечено достаточно времени для досуга, восстановления работоспособности. Схема Мюира предполагала также предоставление рабочим голоса в планировании и организации производства с тем, чтобы они не ощущали себя неким товаром, "покупаемым на рынке труда".

На третьем месте в схеме Мюира были владельцы капитала, акционеры, которые должны были получать доход с учетом реальной прибыли и инвестиционного риска. На четвертом месте оказывалась масса потребителей продукции, которым должно было обеспечиваться право приобретения товаров по минимальной цене, что требовало разрушения монополизма и поддержания честных правил конкуренции. Наконец, в схеме Мюира присутствовало и государство, которое имело право претендовать на свою долю в частнокапиталистической прибыли, поскольку обеспечивало целую сумму благоприятных условий для развития производства¹³.

Социально-либеральный подход к частнокапиталистическому присвоению и распределению может быть, на первый взгляд, охарактеризован как эгалитарный, однако при тщательном анализе такое определение обнаруживает уязвимость. Если понятие "либерально-эгалитарный подход" и может быть использовано, то оно должно быть сопровождено серьезными уточнениями. Первое, что очевидно, это отличие либерального эгалитаризма от социалистического: если последний предполагал уравнивание доходов на основе их законодательного и иного перераспределения, то либеральный эгалитаризм означал вознаграждение каждого субъекта общественно-производственного процесса в соответствии с его реальным и получившим к тому же рыночное выражение вкладом в этот процесс. Социальные либералы в отличие от манчестерцев восприняли понятие "социальная справедливость", но в ее трактовке существенно отличались от социалистов. Они, например, решительно протестовали против идеи "искусственного уравнивания людей, которые от природы не равны и отличны друг от друга"¹⁴. Против уравнительства, абстрагирующегося от реального вклада людей в создание национального богатства, протестовали даже левые либералы, в том числе и самый радикальный среди них – Гобсон.

Социально-либеральная схема распределения частнокапиталистического прибавочного продукта вызывала ряд вопросов, на которые либералы не давали убедительных, а то и вообще каких-либо ответов. Например, до какой степени "социально справедливая" цена труда совпадала с рыночной ценой? Или как можно было определить рыночную цену труда ученых, учителей, служащих? Или каковы были критерии, определяющие справедливую долю государства во вновь произведенной в обществе стоимости?

Много неясностей заключалось и в социально-либеральной концепции экономического равенства. Либералы считали недопустимыми, несправедливыми и опасными имущественные контрасты, но не давали четких ответов на вопрос, как эти контрасты можно было устранять. Они выступали за прогрессивное обложение собственно-

сти, особенно земельной, и наследства, но в то же время предупреждали, что чрезмерное налогообложение опасно для предпринимательских стимулов и инстинктов. Однако определить грань, отделявшую приемлемое прогрессивное налогообложение от неприемлемого и опасного, не могли. Перераспределительному уравнительству либералы противопоставляли идею создания обществом таких условий и возможностей, которые позволяли бы всем гражданам превращаться в собственников и постоянно увеличивать свои доходы и недвижимость. Но когда возникал вопрос, каковы реальные пути и способы создания таких условий и возможностей, мысль их оказывалась скучна!'

Важное место в социально-либеральной мысли межвоенного периода заняла тема государственного экономического планирования, ставшая особенно актуальной в связи с мировым экономическим кризисом 1929-1933 гг. Она определяла повестку заседаний летней либеральной школы на протяжении 1930-х гг. Среди либеральных разработчиков государственного экономического планирования на ведущей позиции прочно утвердился Д.Кейнс. Выдвинутая им теория предполагала резкое увеличение государственных расходов даже ценой создания бюджетного дефицита в целях расширения покупательской способности населения, рассасывания кризиса перепроизводства, инвестиционных вливаний в промышленность и сельское хозяйство. Кейнсианская доктрина "расширения спроса" имела не только экономическую (гашение перепроизводства), но и социальную направленность: важнейшими средствами увеличения покупательской способности населения должны были стать государственные выплаты безработным, беднякам, престарелым. Эта доктрина легла в основу "кейнсианской революции", преобразившей в последующем социально-экономическую политику западных государств. Пионером в укоренении "кейнсианской революции" выступила, однако, не Великобритания, а Соединенные Штаты Америки, где социально-экономические рецепты, схожие с кейнсианскими, были испытаны на практике уже в 1930-е гг. В Великобритании же очередь до "кейнсианской революции" дошла уже после второй мировой войны. Проводником ее оказалась не Либеральная партия, так и не обретшая способности бороться за государственную власть, а лейбористы.

Серия законодательных мер, осуществленных Лейбористской партией во второй половине 1940-х гг., означала создание всеобъемлющей системы обязательного социального страхования, ставшей самой полной и развитой среди всех стран Запада. В основу этого социального законодательства лег план известного либерального идеолога У.Бевериджа по социализации системы социального страхования, выработанный и изложенный им еще в годы второй мировой войны. В докладе "Полная занятость в свободном обществе" Беверидж в духе левого кейнсианства провозглашал, что целью его программы является "планирование расходов, направленных против великих социальных зол – нужды, болезней, нищеты и невежества, как и для повышения производительности труда путем улучшения капиталовложений"¹⁵.

Руководствуясь планом Бевериджа, лейбористское правительство приняло последовательно законы о национальном страховании (1946 г.), о страховании от производственного травматизма (1946 г.), о семейных пособиях и национальном вспомоществовании (1945 и 1948 гг.), наконец, о службе национального здравоохранения. Все системы страхования и вспомоществования были переданы от отдельных разрозненных министерств в министерство пенсий и социального страхования, специально созданного в 1944 г. Законы о социальном страховании имели всеобщий и обязательный характер, распространяясь в ряде случаев не только на рабочих и служащих, но и на членов их семей, не уплачивающих никаких страховых взносов. В результате столь радикальной реформы система социального страхования в Великобритании стала одной из самых социализированных в странах Запада, о чем свидетельствуют следующие сравнения (Данные на конец 1950-х – начало 1960-х гг. – авт.). Если в Великобритании страхование от производственного травматизма и профессиональных заболеваний распространялось на всех рабочих и служащих, то во Франции только на 70% лиц наемного труда. Если в Великобритании медицинской помощью по национальной системе здравоохранения обеспечивалось все население страны, то в ФРГ – 86% населения, в Италии – 74%, во Франции – 54%. (В США медицинская помощь по государственному социальному страхованию оказывалась только лицам, достигшим пенсионного возраста). Застрахованных по старости рабочих и служащих в Великобритании было 96%, а в Италии – только 72%. Страховые фонды формировались из трех источников – взносов самих страхуемых, государства и предпринимателей. Наименьшим является взнос государства, а наибольшим – и в процентном отношении примерно равным – работников и предпринимателей. При этом размер взносов тружеников составляет от 3 до 6% их заработной платы¹⁶.

Наряду с созданием национальной системы обязательного социального страхования лейбористское правительство приняло также ряд законов о национализации ряда ключевых отраслей промышленности (сталелитейной, угольной и некоторых других). Как же отнеслись либералы к лейбористскому законодательству, которое в значительной мере основывалось на идеологии их единомышленника У.Бевериджа?

В целом отношение либералов и Либеральной партии к социальным реформам Лейбористской партии оказалось отрицательным. Согласно их оценке, лейбористы создали в Великобритании громоздкую систему государственного социализма, которая породила огромные постоянно возраставшие бюджетные расходы без сколько-нибудь адекватной отдачи на практике. Связь реформ лейбористов с программой Бевериджа не отрицается, но при этом утверждается, что ее принципы были подвергнуты серьезному искажению. Во-первых, отмечается, что Беверидж не был сторонником огосударствления огромных отраслей промышленности, тяжким бременем свалившихся на плечи налогоплательщиков. Далее утверждается, что Беверидж не был сторонником жестко огосударствленной системы социального страхования, что принцип обязательного, фактически принудительного страхования, глубоко чуждый духу либерализма, им

также никогда не одобрялся. Указывается и на некоторые "ошибки" самого Бевериджа, например, включение им в систему социального страхования даже тех, кто вообще не вносил никаких страховых взносов¹⁷.

Если главным оппонентом "слева" для либералов в период после второй мировой войны выступала Лейбористская партия, то главным оппонентом "справа" для них неизменно оставалась Консервативная партия. В идеологии и политике Консервативной партии они в первую очередь не приемлют корпоративизм, под которым понимается сращивание интересов государства и крупного капитала. Либеральная же партия претендует на внеклассовый подход, а свою главную цель видит в обращении как можно большего числа граждан в собственников, экономически и политически независимых индивидуумов, способных во всем совершать самостоятельный квалифицированный выбор. Вместе с тем сам либерализм, как и Либеральная партия, на современном этапе не отличался однородностью, в нем получили развитие различные тенденции.

В период после второй мировой войны на ряде этапов либералам сопутствовали определенные политические успехи, но все же и в последние десятилетия они не имели шансов восстановить былое политическое влияние и оставались аутсайдером партийно-политической системы Великобритании. Пытаясь если не вернуть былое величие, то хотя бы расширить политическое влияние, Либеральная партия уделяла серьезное внимание выработке стратегии, которая могла бы сплотить вокруг ее знамени как можно больше сограждан. Партия регулярно организовывала идеологические дискуссии, а ее лидеры – Д.Гrimond, Д.Торп, Д.Стил – выступали не только в качестве политических лидеров, но и теоретиков либерализма. Наиболее весомую лепту в идеологию либерализма внес Д.Гrimond, опубликовавший целую серию либеральных трактатов, среди них и солидные книги, такие как "Либеральное будущее" (1959 г.), "Либеральный вызов" (1963 г.), "Общее благосостояние (1978 г.), "Личный манифест" (1983 г.).

Гrimond и другие лидеры в целом следовали идеологии социального либерализма в его умеренно-центристском варианте. Время от времени эта позиция подвергалась атакам как справа, так и слева. Так в начале 1960-х гг. группа правых либералов во главе с А.Пикоком провозгласила, что партия должна обучать народ, как можно обходиться без "государства благоденствия". Подобный антистейтанизм не получил поддержки среди большинства либералов. В 1970-е гг. уже группа радикальных либералов во главе с П.Хейном выдвинула доктрину коммунистаризма, во многом перекликавшуюся с идеями новых левых. Но и она не нашла отклика среди большинства либералов, и Хейну с его единомышленниками пришлось покинуть Либеральную партию и примкнуть к лейбористам.

В 1981 году в политический альянс с Либеральной партией вступила уже часть бывших лейбористов, образовавших Социал-демократическую партию. Ее лидеры, наибольшую известность среди которых приобрел Д.Оуэн, были близки в своих взглядах к социал-либерализму. Сам Д.Оуэн объявил своим идеалом социально-рыночную экономику. В современном варианте британского социал-либе-

рализма можно выделить несколько постулатов, которые разделяют как либералы, так и социал-демократы.

Первым основополагающим принципом либерализма остается индивидуализм, провозглашающий приоритет человеческой личности по отношению и к обществу, и к государству. Вот как формулируется он в манифесте Либеральной партии: "Либерализм выступает за свободу. Либерализм интересует люди, но не в своей массе, а как индивидуумы. Либералы отрицают философские мифы о высшей ценности государства, нации, аристократии или рабочего класса; для них ценность представляет только человеческая личность. Человеку же для полного выражения и развития своей личности необходимо свободное общество – общество, в котором он сможет что-то сказать в деле его управления и сыграть определенную роль в одной из его общин"¹⁸.

Либеральная концепция индивидуализма подчеркивает, что в основе его должны неизменно находиться этические принципы: свободная личность, выступающая как высшая самоценность, добровольно связывает себя определенными морально-нравственными нормами, которые-то и позволяют сделать индивидуальные права и свободы достоянием всех членов общества. Смысл этих морально-нравственных норм заключается в том, что свободы одного или группы индивидуумов не должны ущемлять прав и свобод всех других членов общества. К этому постулату тесно примыкает положение о неклассовом характере просвещенного индивидуализма. Человеческая личность, независимо от того, принадлежит ли она к буржуазии или пролетариату, богатым или бедным, равнозначна по своей ценности всем другим членам общества. В связи с этим формулируется положение о том, что либерализм должен находиться в самых тесных узах с демократией, а последняя должна приобрести личностный характер, предлагающий активное и осознанное участие каждого индивидуума в политической, экономической, духовной, социальной жизни.

Среди главных врагов просвещенного индивидуализма современные либералы особо выделяют массовую культуру, превращающую индивидуумов в обезличенную массу. При этом к массовой культуре относят и молодежную культуру, которая выросла из контркультуры 1960-х гг., но затем сама стала жертвой коммерциализации. признается и то, что главным источником и творцом массовой культуры является частнокапиталистическое производство, умело приспособливающее к своим интересам и откровенно эксплуатирующее "первичные инстинкты" человека. Торжество массовой культуры и потребительства в конце XX века требует, с точки зрения либералов, признать, что исходная идея классического индивидуализма о приоритете экономического, приобретательского мотива в жизни и деятельности личности является ложной и что равными ему и основополагающими должны быть признаны духовные, социальные и нравственные мотивы¹⁹.

Вместе с тем современные либералы исходят из того, что материальное положение личности формирует необходимые предпосылки и фундамент для раскрытия и реализации ее индивидуальных способностей. Поэтому проблеме обеспечения материального благополучия

чия индивидуума уделяется первостепенное значение. В связи с этим одним из центральных для либералов остается вопрос о частной собственности. Диффузия собственности, приобщение к ее владению как можно большего числа граждан, обращение их в средний класс, остается, по убеждению либералов, их главной стратегической задачей, решение которой и обеспечит прочность экономического благополучия, социальной справедливости и политической демократии в Великобритании. Способы развития народного капитализма и общества среднего класса предлагаются разнообразные. Среди них – приобщение рабочих к совладению предприятиями, приобретение каждой семьей жилья в частную собственность (либералы являются противниками муниципальной собственности на жилье), приватизация огосударствленных отраслей промышленности и распродажа акций рядовым англичанам.

Проявляя заботу об упрочении частнособственных основ британского общества, либералы вместе с тем не считают, что увеличение числа собственников автоматически ведет к пропорциональному возрастанию социальной справедливости и демократии. Как отмечал Д.Оуэн, вопрос о социальном прогрессе и демократии не тождествен вопросу о форме собственности, и рабочие, например, могут испытывать одинаковое отчуждение и чувствовать себя объектами эксплуатации на предприятиях разной формы собственности²⁰. Решение проблемы отчуждения индивидуума в современном индустриальном обществе, являющейся также одной из главных забот либералов, связано, по их мнению, в первую очередь с приобщением британских граждан к участию в управлении производством, социальными отношениями, государственными и административными делами.

Либеральная концепция соучастия рабочих в управлении промышленностью исходит из того, что работающий по найму должен занять положение не менее важное, чем держатель акций. Она предполагает разработку и принятие законодательства, которое обязывало бы предпринимателей регулярно информировать рабочих о состоянии предприятия, его планах и перспективах. Этим законодательством рабочим должно быть предоставлено право создавать наблюдательные советы за деятельностью управляющих и собственников. Таким образом, либеральная концепция промышленной демократии предполагает соучастие рабочих как во владении собственностью, так и в выработке и принятии решений о деятельности и развитии предприятий.

Либеральная концепция предполагает и резкое расширение экономических прав большинства граждан на основе объединения их в ассоциации потребителей, которым с помощью государственного законодательства должны быть предоставлены широкие права по контролю за качеством продукции частных предприятий.

Либералы предполагают расширение "демократии участия" и в сферах государственного управления и политической жизни. В связи с этим отстаивается идея рассредоточения государственного управления по четырем уровням: местные советы, районные советы, провинциальные советы, наконец, парламент – с передачей максимального количества управленческих функций на нижние этажи. В част-

ности местные советы могли бы исчерпывающим образом решать вопросы организации здравоохранения, начального и среднего образования, транспорта. Провинциальные ассамблеи помогли бы снять "нездоровое давление Лондона и удовлетворитьажду региональной автономии". Особое значение либералы придают созданию парламентов в Шотландии и Уэльсе и реформе парламента в Северной Ирландии, вследствие чего Великобритания превратилась бы из унитарного в федеративное государство.

В современной либеральной идеологии важное место как и на протяжении всего XX века, принадлежит концепции социальной справедливости. Понятие "социальная справедливость", которое было чуждо классическому либерализму, прочно вошло в словарь либерализма социального. Было бы, однако, весьма трудно найти точное определение того что современные либералы понимают под социальной справедливостью. Ясно, что это не социальное равенство, ибо либералы отрицают механическое уравнительство и отстаивают идею вознаграждения индивидуума за предприимчивость и таланты. Вместе с тем либералы одобряют принцип государственного перераспределения национального богатства с учетом социальной справедливости. Анализируя совокупность рассуждений либералов о социальной справедливости можно прийти к заключению, что под ней понимается корректировка обществом и государством рыночного механизма распределения в направлении ликвидации крайностей неравенства, обеспечения прожиточного минимума и социальной защиты всем гражданам, достойного вознаграждения тех социальных категорий например, учителей, ученых, врачей которые заведомо оказываются пасынками рыночного механизма.

Такому пониманию социальной справедливости соответствуют основные реформы, предлагаемые либералами в социальной сфере. На протяжении последних десятилетий одно из главных их требований заключалось в принятии закона о государственной гаранции прожиточного минимума для всех граждан. Другим традиционным требованием является пропорциональное налогообложение доходов и наследств, в связи с чем либералы резко критируют Консервативную партию, политика которой, по их заключению в течение последних сорока лет привела к перемещению тяжести налогообложения с богатых слоев на лиц со средними и низкими доходами. Традиционным является и требование об отдельном пропорциональном налоге на землю!

Одной из центральных в арсенале либералов остается реформа образования, которая предполагает обеспечение равного доступа к нему всех социальных слоев и рассматривается как основополагающее условие обеспечения истинного "равенства возможностей". Важное место в современной либеральной концепции социальной справедливости заняли также требования обеспечения равных гражданских и статусных прав женщинам и иммигрантам.

Социально-либеральная модель в целом удерживает ведущую позицию в современной либеральной идеологии Великобритании. На современном этапе в нее были включены ряд новых концепций среди которых наиболее оригинальной и весомой выглядит концепция "демократии участия". Британский либерализм также как и амери-

канский, в конце XX века зиждется на трех главных принципах: индивидуализм, демократизм, умеренный эгалитаризм. Политическое его влияние в Великобритании остается меньшим, чем в США, ему так и не удалось ликвидировать или существенно сократить "отставание" от двух главных политических сил страны – Консервативной и Лейбористской партий.

-
- ¹ The Liberal Tradition: From Fox to Keynes. Ed. by Bullock A.S. Shock M. L., 1956, p.209, 212.
- ² Freedon M. The New Liberalism. An Ideology of Social Reform. Oxford, 1978, p. 23; Hobson J.A.: A Reader. Ed. By Freedon M. L , 1988, p.53.
- ³ The Liberal Tradition, p. 210.
- ⁴ Freedon M. Op.cit., p. 27, 42-47; 161-162; Collini S. Liberalism and Sociology: L.T. Hobhouse and Political Argument in England. 1880 - 1914. Cambridge, 1979, p.129-130.
- ⁵ Hobhouse L.T. Liberalism. L. 1911, p.98.
- ⁶ Hobson J.A. The Industrial System. An Inquiry into Earned and Unearned Income. L., 1909.
- ⁷ The Liberal Tradition, p. 214.
- ⁸ The Collected Writings of John Maynard Keynes. 30 vols. N.Y. - L., 1971-1989, vol.9, p.343.
- ⁹ Ibid., p. 312-313; Muir R. Liberalism and Industry Towards a Better Social Order. L., 1920, p.28-30.
- ¹⁰ Muir R. Op.cit., p. 27-28.
- ¹¹ The Collected Writings of John Maynard Keynes. vol.9, p.314.
- ¹² Freedon M. Liberalism Devided: a Study of British Political Thought 1913-1939, Oxford, 1986, p.81.
- ¹³ Muir R. Op.cit., p. 76-79.
- ¹⁴ Freedon M. Liberalism Devided, p.25.
- ¹⁵ Beveridge W. Full Employment in a Free Society. L., 1944, p.59
- ¹⁶ Каленский В.Г. Социальное законодательство Англии. М., 1969, c.198,204.
- ¹⁷ Bradley I. The Strange Rebirth of Liberal Britain. L., 1985, p 82-97.
- ¹⁸ Liberals look ahead 1970-1980. The Report of the Liberal Commission. Liberal publ. dep., 1970, p.8.
- ¹⁹ Bradley I. Op.cit., p.122-125, 153, 223; Grimond J. The Liberal Challenge. L., 1963, p.8,23,27.
- ²⁰ Owen D. Face the Future. Oxford, 1981, p.14.

ГЛАВА 8. КРАХ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА.

От революции к республике

Военное поражение, революция и падение монархии вызвали необходимость реорганизации прежних политических партий, деятельность которых в старом виде была парализована. Многие видные политические деятели полагали, что пробил час объединения национал-либералов и Прогрессивной Народной партии. Стремление к созданию единой и сильной либеральной партии было поддержано крупными промышленниками и банкирами – Г.Стиннесом, Э.Борзигом, Я.Шахтом и другими. Опасаясь дальнейшего нарастания революционного хаоса, Шахт 9 ноября 1918 года предложил лидеру либералов Густаву Штреземану (1878-1929 гг.) взяться за организацию новой либеральной партии, на что последний заметил, что это может быть "выходом из создавшейся ситуации"¹.

Поскольку национал-либералы дискредитировали себя во времена войны сотрудничеством с реакционной и агрессивной Отечественной партией, создание нового объединения могло произойти лишь на базе Прогрессивной Народной партии под лозунгом "Демократия и порядок". В создании партии приняла участие и прогрессивная интеллигенция во главе с редактором газеты "Берлинер Тагеблатт" Теодором Вольфом (1868-1943 гг.) и профессором Альфредом Вебером (1868-1958 гг.), которые организовали переговоры между национал-либералами, прогрессистами и группой политически ангажированной интеллигенции.

Однако сразу же выявились почти непреодолимые разногласия Группа Вольфа – Вебера высказывалась против вступления правых либералов в партию и за ее сотрудничество с СДПГ, на что решительно возражал Штреземан. В итоге, после трудных и напряженных переговоров так и не удалось преодолеть раскол немецкого либерализма

20 ноября 1918 года было официально сообщено о создании Немецкой Демократической партии (НДП), во главе которой чуть позднее встал Фридрих Науман, а на следующий день Штреземан и группа правых национал-либералов объявили об образовании Немецкой Народной партии (ННП). Эту партию лишь условно можно причислить к либерализму, ибо она не предлагала никаких реформ, выступала за "сильное национальное" государство, против демократической конституции и Веймарской республики в ее оформленном виде Единственное, что оставалось у Народной партии от либерализма, так это фразеология. Не случайно в декабре партию покинула еще одна большая группа, перешедшая в партию демократов.

Что касается последней, то она оказалась достаточно разнородной. В нее, кроме прогрессистов и левых национал-демократов, входили: часть крупной буржуазии из новых отраслей экономики (Отто Гесслер, Карл Фридрих фон Сименс, Вальтер Ратенау, Ялмар Шахт), отвергавшая союз магнатов тяжелой промышленности и юнкерства, бывшее "Демократическое объединение" вместе с пацифистами во главе с Людвигом Квидде, лауреатом Нобелевской премии мира за 1927 год; ряд выдающихся деятелей культуры и науки (в том числе и

Альберт Эйнштейн); руководство реформистских гирш-дункеровских профсоюзов; много представителей хозяйственно-самостоятельных средних слоев и интеллигенции. Идеологи партии Гуго Пройс и отчасти Макс Вебер стали авторами Веймарской конституции, наиболее демократической для своего времени.

Партия либералов высказалась за демократическую республиканскую форму правления, свободу предпринимательства и проведение широких социальных реформ с целью достижения большей социальной справедливости. Демократы требовали сохранения на федеративных основах единства Германии, авторитетной централизованной власти, отделения церкви от государства и единой для всех конфессий школы. Партия заявила: "Мы ищем компромисса с социал-демократами большинства и боремся вместе с ними против террора коммунистов и диктатуры независимых, а также против любой формы реакции"².

На первых выборах в Национальное собрание в январе 1919 г. НДП заняла третье место после социал-демократов и партии Центра, получив более 5,6 млн. голосов и 75 депутатских мест. В тот период либеральную партию можно было считать массовой, число ее членов приближалось к 800 тыс. человек. Но уже на вторых выборах в июне 1920 г. демократы потерпели сокрушительное поражение, откатившись на шестое место. Они потеряли более трех миллионов избирателей и 30 мест в рейхстаге. С этого времени начинается неуклонное сползание либерализма на дно большой политики, к концу Веймарской республики его электорат, организация, программа представляли лишь тень первоначальной партии. Изменилось даже название – из Демократической партия стала Государственной. В определенной мере это было отражением общего упадка европейского либерализма после первой мировой войны. Освальд Шпенглер указывал, что поскольку "сама эпоха стала радикальной", между "право- и леворадикальной тенденциями" не оставалось места для примиряющей центристской позиции либералов³. Но в Германии масштабы этого процесса были гораздо глубже. Практически как политическая сила буржуазный либерализм сходит с исторической сцены еще до прихода Гитлера к власти. Было ли это объективным процессом или же следствием ошибок самих либералов? Попробуем разобраться. Но для этого надо в общих чертах проследить весь путь развития Демократической партии.

Крах либерализма в Веймарской республике

После первой мировой войны Германия внезапно, без всяких промежуточных ступеней совершила головокружительный переход от псевдоконституционализма вильгельмовской империи к полному парламентаризму. И как уже часто случалось в немецкой истории, идеал и действительность разошлись между собой. С одной – идеальной – стороны, выразившая принципы полного парламентаризма, объявившая о суверенитете и верховенстве народа конституция. С другой стороны, расколотое на враждебные слои и группы общество, тяжкий крест побежденного, ущемленного национального чувства, низкая политическая культура масс, отсутствие выдающегося ха-

ризматического лидера нации. Впрочем, такой лидер через некоторое время нашелся. Но не из числа либералов: звали его Адольф Гитлер. Что же мог предложить в идеале и что дал в действительности обществу немецкий либерализм?

С самого начала обнаружилось противоречие между политической формальной демократией, за которую ратовала партия, и ожиданиями масс, связанными с экономической и социальной демократией. Социально-экономическая же программа была ахиллесовой пятой в деятельности Демократической партии. Она стремилась соединить в программе интересы предпринимателей, рабочих и средних слоев, но на практике почти ничего не сделала для улучшения положения трудящихся, а наоборот, все более оказывалась в русле социальной политики крупного капитала. Хотя в принципиальном плане либералы высказывались за соучастие рабочих в управлении производством и распределении прибыли, и в целом за превращение пролетариата в равноправного члена буржуазного общества, а не в класс, противостоящий ему. Их программа имела компромиссный характер. Признавая незыблемость частнокапиталистической экономики, партия решительно высказывалась против ее монополизации и в осторожной форме упоминала о желательности раздробления крупных земельных владений, не уточняя, впрочем, каким путем это должно произойти. Стремясь к установлению сотрудничества и равноправия рабочих и предпринимателей, либералы, опиравшиеся на классический принцип свободы личности, отвергали как выдвигавшиеся СДПГ планы социализации, так и "крайний капитализм", т.е. монополизацию хозяйства, поскольку обе эти концепции экономического строя являлись отрицанием свободного предпринимательства. Экономическая свобода рассматривалась как основа, без которой не существует ни политической свободы, ни независимости личности вообще.

Но вопрос о демократизации экономической системы вышел из стадии программных положений не всей партии, а только некоторых левых групп внутри нее. Так, решительно антибуржуазно была настроена группа Вольфа – Вебера. Представительница левого крыла партии Гертруд Боймер выступала за введение производственных советов на предприятиях, рассматривая их как средство воспитания общности целей рабочих и предпринимателей.

В целом на левом фланге партии находились последователи Фридриха Наумана, неожиданная смерть которого в 1919 г. существенно ослабила их позиции, хотя сменившие его в руководстве партии Карл Петерсен и особенно Эрих Кох-Везер (1875-1944 гг.) также придерживались "национально-социальных" взглядов. Естественно, внутренние разногласия ослабляли партию, поэтому Кох-Везер всячески пытался сгладить эти противоречия тем, что с одной стороны, отмежевывался в идеологических постулатах от СДПГ, а с другой – стремился не допустить в партии роста влияния правого крыла, ориентированного на крупный капитал.

Неоднородность социального состава и идейных позиций Демократической партии служила источником и ее организационной рыхлости, что вообще является чуть ли не врожденной чертой либерализма в целом. Руководители партии надеялись, что этот недоста-

ток компенсируется ее особой политической позицией между правыми и левыми силами в Германии. Некоторые, как например Теодор Вольф и его сторонники, стремились к возможно более тесному союзу с СДПГ, чтобы вместе с ней привести в жизнь свою концепцию "социальной демократии". Либерализм, по мнению Вольфа, был призван сыграть посредническую роль между консервативным лагерем и социал-демократией. Но не означало ли это, что в результате он лишался самостоятельного значения?

Препятствием, о которое разбивались все попытки сплочения левого и правого либерализма в годы Веймарской республики, являлось отношение к социал-демократии. В первые годы республики буржуазные демократы поддерживали СДПГ потому, что опасались ее антигосударственной деятельности в случае, если партию вновь оттеснят на довоенные позиции. Именно поэтому Демократическая партия в 1920 г. выступала против объединения с ННП Густава Штреземана, не без основания полагая, что такой союз разрушит мост, соединяющий буржуазные партии и СДПГ, а это может погубить молодую демократию Веймара вообще.

Даже когда попытки создания "большой коалиции", то есть включения в нее социал-демократов, заканчивались провалом, как произошло это на рубеже 1925-1926 гг., Демократическая партия продолжала придерживаться прежнего курса, что стоило либералам немалого числа голосов избирателей из буржуазных слоев. Так случилось, например, на выборах в рейхстаг в мае 1928 г., когда по сравнению с предыдущими выборами Демократическая партия потеряла 400 тыс. голосов и 7 мест в парламенте.

Что же сближало и что разделяло либералов и социал-демократов? Они вместе выступали за сотрудничество с западными державами, за выполнение Германией обязательств по выплате reparаций, одновременно требуя их смягчения, за вступление в Лигу Наций. Во внутривидовой области обе партии стремились не допустить реставрации монархии и поддерживали все меры, направленные на укрепление демократически-республиканских институтов государства. Таким образом, все сближающие обе партии аспекты касались политической сферы.

Кардинальные расхождения начинались при оценках социально-экономического курса, прежде всего в отношении к частной собственности и к программе социализации. Показателен в этом отношении пример Макса Вебера. Весной 1920 г. Демократическая партия решила направить его как своего представителя в комиссию по социализации во главе с Карлом Каутским. Кандидатура Вебера казалась самой подходящей не только потому, что он был одним из наиболее квалифицированных экономистов Германии, но и потому, что в дни революции он высказывался за лояльное сотрудничество либералов с социал-демократией "в направлении планомерной социализации". Когда же дело дошло до практического участия в разработке таких проектов, он решительно отказался от него, считая, что в данный момент "социализация является бессмысленной"⁴. Из этого видно, что у СДПГ были основания обвинять либералов в переходе на чисто буржуазные позиции и считать их "адвокатами капитала", отказавшимися распространить демократические принципы на сфе-

ру экономики. Со своей стороны, либералы критиковали социал-демократов за догматическую приверженность социальным утопиям и стремление превратить рабочего в "государственного рантье", а не ответственного гражданина.

В целом СДПГ проявила меньше заинтересованности в сотрудничестве, чем демократы, единственная из буржуазных партий, которая во время капповского путча опубликовала 13 марта 1920 г. призыв объявить всеобщую забастовку. События, связанные с капповским путчем и всеобщей забастовкой, открывали перед социал-демократами и либералами широкие возможности демократизации всей общественной жизни. Массы выдвинули требование возобновить работу комиссии по социализации и немедленно национализировать калийные и угольные синдикаты. В совокупности с требованиями политической демократизации это означало, что речь идет о глубокой перестройке всей Государственной системы. Но лидеры Демократической партии отказались поддержать эти требования, заявив, что они противоречат конституции республики⁵.

Расхождения среди либералов по вопросу об отношении к СДПГ вновь проявились в 1925 г., когда было создано "либеральное объединение" во главе с Кох-Везером и Штреземаном. Но слить воедино обе либеральные партии не удалось. Народная партия упорно не желала играть роль моста между рабочими и буржуазией. Тем не менее, лидер демократов Кох-Везер не оставлял надежд на объединение и поднял эту тему сразу после неудачных для обеих либеральных партий выборов в рейхstag в 1928 г. Он не без основания считал, что только совместными усилиями можно дать действенный отпор "националистическим фантазиям и марксистским утопиям".

Однако Штреземан медлил с решением, ибо у него появилась надежда, что из-за обострившихся в Демократической партии разногласий ее правое крыло перейдет на его сторону. К тому же из-за смены руководства в Национальной партии там также появилось много недовольных, которые в принципе могли бы в недалеком будущем перейти в ННП. Но смерть Штреземана 3 октября 1929 года перечеркнула эти расчеты, ибо Народная партия потеряла общепризнанного лидера, а новый председатель, адвокат Эдуард Дингерлей весомым авторитетом не пользовался.

Поражение Демократической партии на выборах 1928 г. и неудачная попытка объединения с партией Штреземана поставили демократов на грани политической смерти. В поисках выхода руководство обратило свои взоры к "Младогерманскому ордену" Артура Марауна (1890-1950 гг.), организации военизированного характера и националистического толка. В итоге, 27 июля 1929 года была образована новая Немецкая Государственная партия. Объединение с правыми силами вызвало всплеск резкого недовольства среди демократов. Из партии ушли почти все последовательные демократы и пацифисты. Часть из них влилась в ряды СДПГ, а пацифисты во главе с Квидде образовали Радикально-демократическую партию, не имевшую, впрочем, никакого политического веса.

На рубеже 20-х-30-х гг. пробил последний час веймарской демократии. Чувствовал ли это либерализм, балансируя на краю пропасти? Как представлял он себе будущее парламентарно-демок-

ратического государства? С позиции сегодняшнего дня очевидно, что республика 1932 года уже не имела почти никакого сходства с конституционным веймарским государством и его первоначальными основами, что президентские кабинеты оказались не спасением, а переходной стадией от демократии к диктатуре. Но как выглядела эта ситуация тогда в глазах левых либералов, участников, а не зрителей разыгравшейся драмы?

С этим тесно связан еще один вопрос. Правы ли те авторы, которые утверждают, что либералы сыграли роль невольных пособников в установлении тоталитарного режима, тем более что и они в начале 30-х годов стали относиться к парламентарно-республиканской системе правления скорее отрицательно?⁶ В данном случае необходимо учитывать противоречивый характер веймарской конституции, а это значит, что изменение отношения к ней не было равносильно изменению отношения к республиканизму вообще. Не всякое требование реформы веймарской конституционной системы означало требование "смены парламентарно-демократической формы господства". Если строить умозаключения на основе критических высказываний либералов в адрес веймарской системы без их тщательного анализа, то историческая картина получается если и не грубо искаженной, то во всяком случае – односторонней.

Еще в 20-е гг. леволибералы предлагали осуществить ряд реформ, которые могли бы принципиально изменить облик веймарского государства "от незавершенной к полной республике"⁷. Конкретно это предполагало проведение административной реформы для усиления централизованного начала, демократизацию избирательной системы, финансовую реформу. На заседании руководства партии в Галле в мае 1930 г. Кох-Везер изложил уже обширную программу таких реформ⁸. Реформы были необходимы потому, что на рубеже 20-30-х гг. веймарская система явно начинала давать сбои, резко возросшие в связи с мировым экономическим кризисом. Либералы стремились выпрямить положение своевременным вскрытием болевых точек системы. То, что расчет этот не оправдается, а их критика будет способствовать росту недоверия к республике, либералы совершенно не предвидели. Они более или менее позитивно оценили создание первого президентского кабинета Брюнинга, рассматривая его как свидетельство гибкости веймарской системы. Кризисная ситуация, в которой оказалась Веймарская республика, как раз требовала скорейшего создания действенной исполнительной власти. Правда, некоторые видные деятели партии, как например, Густав Штальпер (1888–1947 гг.), рассматривали первое применение 48-й статьи конституции как ее "ясное и недвусмысленное" нарушение, но при этом не могли привести каких-либо аргументов, кроме чисто эмоциональных опасений⁹.

Обеспокоенность либералов резко возросла летом 1932 г., когда Брюнинг был смешен, а формирование нового кабинета президент поручил реакционеру и интригану Францу фон Папену, открытому врагу республики. Сами либералы после июльских выборов еле удержались в рейхстаге, получив всего 4 места. Теперь левые либералы могли лишь бессильно взирать на удушение республики и пытаться воздействовать на массы только словом, разъясняя им, что "Гитлер и

его окружение – это воплощение всего того недостойного, аморального и неполноценного, что еще сохраняется в немецком народе"¹⁰.

Однако к концу 1932 г. оптимизм либералов несколько возрос. Первые признаки экономического оживления, приход генерала Курта Шлейхера на пост канцлера, сравнительный откат назад национал-социалистов на выборах в ноябре 1932 г., когда они потеряли 2 млн. избирателей и 34 мандата, распри внутри НСДАП, – все это вселяло определенные надежды. Лидеры либералов не уставали повторять в партийной прессе, что самые тяжелые испытания уже позади, что "демократию согнули, но не смогли сломать", что 1933 год станет годом демократического пробуждения. Действительность жестоко развеяла эти иллюзии.

Разумеется, столь жалкий крах либеральной демократии в Германии имеет свои причины. При этом целый комплекс причин вступил в действие потому, что немецкое общество оказалось неподготовленным к условиям парламентарной демократии. Новый демократический наряд был надет на старое социальное тело Германии. А под этим нарядом продолжали существовать не только старые противоречия. К ним добавились и новые – детища поражения, революции и их последствий.

Решающей слабостью либеральной демократии в Веймарском государстве было то, что большинство его граждан не считали эту систему ни желательной, ни необходимой. Во всяком случае, что касается либеральной партии, то она пыталась сформировать новое демократическое сознание. Этой заслуги отнять у нее невозможно. Но для воплощения своих идей в практические дела ей не хватало решительности и наступательности. И в обстановке Германии 20-30-х гг. либерализм в растерянности отступал под натиском вождей нового типа, циничных и аморальных, которых либерализм никогда не мог бы породить по самой своей природе.

Доктрина "социального рыночного хозяйства"

Национал-социализм и его человеконенавистническая политика привели немцев в 1945 г. к тотальному краху. Обнаружившиеся между бывшими союзниками противоречия о будущем устройстве и роли Германии в центре Европы привели к разделу страны. Победители были едины только в том, что их управляемым органам следует сохранить в своих зонах верховный контроль.

Возрождение Западной Германии и ее включение в систему демократических государств было определено несколькими основными факторами. С экономической точки зрения следует назвать помощь в соответствии с планом Маршалла, по которому с 1948 по 1952 гг. США направили в ФРГ в общей сложности 3,5 млрд. долларов в виде финансовых кредитов и поставок оборудования. И если в начале 1948 года промышленное производство в западных зонах достигало лишь 53% от уровня 1936 г., то во второй половине того же года эта цифра поднялась до 73%, а в ноябре 1949 г. достигла довоенного уровня. В ноябре 1950 г. объем промышленного производства увеличился на одну треть по сравнению с предыдущим годом. Невиданный экономический подъем вошел в историю как "немецкое эконо-

мическое чудо". Его творцом по праву считается экономист Людвиг Эрхард (1897-1977 гг.) со своей денежной реформой и неолиберальной доктриной "социального рыночного хозяйства". (Это понятие было введено в оборот экономистом Альфредом Мюллер-Армаком в 1947 г.).

Сама доктрина зародилась в 30-х гг. в рамках "Фрейбургской школы", лидером которой был Вальтер Ойкен (1891-1950 гг.). В книге "Основы экономической политики", вышедшей уже посмертно в 1952 г., Ойкен описывал рыночные условия, необходимые для успешного развития экономики. Исходя из основной идеи "взаимозависимости укладов", он считал, что предпосылкой политической организации будущего немецкого государства, основанной на принципах свободы и законности, является рыночная экономика. Последняя же функционирует только в условиях свободы: свободы выбора в потреблении, свободы выбора профессии и места работы, свободы предпринимательства и распоряжения частной собственностью, свободы вступать в договорные отношения. В свете этого политический строй, основанный на демократии, и дирижизм в экономике – вещи абсолютно несовместимые, как вода и огонь.

Идея социального рыночного хозяйства ни в коем случае не идентична капитализму "вседозволенности", т.е. полной и свободной конкуренции без вмешательства государства. Оно должно прежде всего обеспечивать правила конкурентной борьбы, свободу от монополий, следить за тем, чтобы отдельные экономические действия по возможности не вступали в противоречие с социальными целями и свободой других.

На государство возлагается и такая важная задача, как приздание социального характера распределению национального дохода. Оно должно быть независимым и объективным арбитром свободного рыночного хозяйства, вмешиваясь в экономику "столь мало, насколько это возможно, и столь много, насколько это необходимо", чтобы внести социальную справедливость в свободную игру сил на рынке. При соблюдении всех этих условий рыночное хозяйство приобретает социальный характер. То, что в этом случае речь идет не о фиговом листке для прикрытия всевластного капитала, показывают цифры объема социальной помощи. На современном этапе в среднем около 20% валового продукта ФРГ идет на социальные расходы разных видов, которые в начале 90-х гг. колеблются в пределах половины триллиона немецких марок ежегодно.

Социальная справедливость и солидарность являются непременными предпосылками общественного консенсуса, который в свою очередь выступает условием успешного хозяйствования. Не тратить силы на химеру классовой борьбы, а создавать по возможности высшую гармонию на основе дискуссий и компромиссов – вот к чему должно стремиться общество, если оно желает стать стабильным и процветающим. Взаимодействие вместо противостояния – вот что позволит направить производительные силы на достижение цели нормальной экономической деятельности, а именно – роста благосостояния.

Государство социального рыночного хозяйства, однако, всегда балансирует на острие ножа: чем больше социальных гарантий оно

предоставляет, тем выше становятся требования граждан, а это снижает тот экономический потенциал, который собственно и позволяет государству проводить и финансировать социальные меры. Возникает, таким образом, своего рода заколдованный круг. Между "эффективностью" и "социальностью" существует определенное напряжение и даже противоречие. Эти противовесы, как показала история ФРГ, могут смещаться внутри определенных допусков, если при этом не затрагиваются основные элементы рыночной экономики. Соревнование за предложение лучшей формы социально обязанного рыночного хозяйства проходит во время свободных демократических выборов. Такова в общих чертах доктрина социального рыночного хозяйства, показывающая, что экономическое учение классического либерализма, никогда не имевшее в Германии особо прочных корней, ушло, и видимо окончательно, в историю.

СвДП: традиции и новации

Опыт Веймарской республики показал, что одна только демократическая конституция не является надежной гарантией стабильности политической системы. Поэтому при разработке конституции ФРГ, принятой 8 мая 1949 г., в ней были усилены принципы представительной демократии в ущерб плебисцитарным элементам, а власть федерального президента значительно уступала полномочиям федерального канцлера как главы исполнительной власти.

Важнейшим элементом стабилизации молодой демократии стало возрождение дееспособных партий, которые впервые в немецкой истории были определены в 21-й статье конституции как политические объединения, формирующие политическое волеизъявление. Заново возникшие партии получили шанс быть признанными среди масс и оккупационными державами именно потому, что над ними не давлела тяжесть политического прошлого. Это относилось как к социал-демократам и либералам, так и к представителям консервативных сил, которым к тому же удалось преодолеть давние конфессиональные разногласия между католиками и протестантами.

Многообразие партий и раздробленность группировок были в значительной мере абсорбированы этими тремя наиболее крупными течениями. Введение обязательного минимального числа голосов избирателей (квота сначала в три, а затем в пять процентов) для прохождения в бундестаг и ландтаги отдельных земель привело к тому, что маргинальные партии и организации не могли представлять опасности для политической системы в целом. В общем русле возрождения партийно-политической структуры общества двигался и немецкий либерализм. Его организационное оформление произошло в декабре 1948 года, когда в южногерманском городе Геппингейме на съезде либеральных партий и организаций отдельных земель было объявлено о создании единой для трех западных зон Свободной Демократической партии, реальное конституирование которой последовало спустя полгода, на первом съезде 10-12 июня 1949 г. в Бремене. Председателем новой либеральной, и на этот раз единственной партии стал ученик и последователь Фридриха Наума Теодор Хейсс (1884-1963 гг.), позднее первый президент Федеративной республики.

СвДП сложилась в первые послевоенные годы как партия преимущественно мелких и средних собственников, лиц свободных профессий, высших служащих и чиновников, интеллигенции либерального толка. С начала 60-х годов в партию влилось значительное число лиц наемного труда, большей частью мелких и средних служащих; возросла и доля рабочих – с 16% в 1953 г. до 21% в 1972 г. Партию можно было считать новой только в известной степени, так как она в основном не выходила за пределы традиций либерализма кайзеровского и веймарского периодов, оставаясь "буржуазной партией классического стиля"¹¹.

Как это обычно и присуще либерализму, партия не была сплоченной и однородной. В ней довольно быстро и четко выкристаллизировались два основных течения: либерально-демократическое и национально-либеральное. Первое ориентировалось на проведение широких социальных и демократических реформ, второе отличалось консервативными чертами и тяготело к сближению с ХДС/ХСС. Не случайно, лидеры национал-либералов Эрих Менде и Зигфрид Цогльман позднее перешли в ряды Христианско-демократического союза.

Существовали среди либералов и региональные различия: в Баден-Вюртенбурге они были по традиции наиболее близки к идеалам демократического либерализма и федерализма, в Рейнской области выдвигали подчеркнуто архиерикальные и антисоциалистические лозунги, в Гессене пытались выдвинуть лозунги более консервативного содержания, чем у ХДС.

В 1949 г. после долгих дискуссий верх в СвДП одержало консервативное крыло. Поэтому для партии практически не существовало иной альтернативы, кроме коалиции с ХДС. Основой этой коалиции, продержавшейся до 1956 г. и продолженной в 1961-1966 гг., было общее отрицание "социализации и государственного дирижизма".

То, что в либерализме политика и экономика оказались не только разделенными, но и в какой-то мере противоречащими друг другу, проявилось в различии линий СвДП в Парламентском совете, где ее делегаты зачастую голосовали вместе с социал-демократами, и в Экономическом совете, где либералы обычно были единодушны с представителями ХДС/ХСС.

Новые тенденции социального развития, обозначившиеся в начале 60-х гг., отчетливо проявились к 1968 г., когда ускорился экономический спад, расцененный многими теоретиками как конец экономического чуда, и возросли сомнения в правильности экономической модели, основанной на неограниченном экономическом росте. Одновременно Федеративную республику потрясли невиданные прежде студенческие волнения.

В таких условиях политической и экономической нестабильности СвДП в январе 1968 г. собралась на Фрейбургский съезд, оказавшийся переломным в ее истории. Руководящие посты в партии перешли к сторонникам социального либерализма, позднее оформленного в виде специальной программы "Фрейбургские тезисы либералов". Его суть заключалась в определенном отходе от приверженности к рыночной экономике как традиционного принципа либерализма, в допущении некоторого вмешательства государства в общест-

венную и экономическую жизнь для обеспечения социально важных интересов. Обосновывая необходимость реформ, один из руководителей партии Карл-Гермен Флах (1924-1973 гг.) накануне съезда выпустил небольшую работу "Еще один шанс для либералов, или Будущее свободы", имевшую программное значение.

Флах подверг резкой критике немецких либералов XIX века за то, что они выражали исключительно интересы буржуазии, вместо того, чтобы защищать "свободу и достоинство возможно большего числа людей", что "правое крыло либерального движения капитулировало перед национализмом и империализмом". Он подчеркивал, что в прошлом либералы ошибочно считали, будто свободная игра рыночных сил автоматически обеспечит интересы большинства общества, хотя стало очевидно, что свободная игра сил ведет к нарастанию несвободы, к притязаниям небольшой социальной группы на права и свободы большей части общества. Именно поэтому политический либерализм оказался в состоянии упадка и потерял опору в массах. Выходом из тупика, в который попал либерализм, являлось, по мнению Флаха, его отмежевание от капитализма и освобождение либерализма от классовой ограниченности.

На Фрейбургском съезде Флах вновь подтвердил свою позицию и заявил, что "если между консервативной косностью и социалистической утопией мы не укажем третий путь либеральных социальных реформ, то страна вступит в опаснейший период политической поляризации со всеми непоправимыми последствиями для либерализма, гуманизма и сегодняшней демократии, и, кроме того, (что не все понимают), для состояния экономики. Либо нам удастся достичь большего равенства и справедливости и укрепить будущее свободы в условиях массового индустриального общества, либо после этапа тяжелейших социальных столкновений утвердится утопия тотального равенства. То, что мы здесь разрабатывали, т.е. концепция современной социальной политики либерализма, есть действительно единственная надежная альтернатива любым социалистическим программам. Кто не понимает этого, тот ведет себя подобно тем близоруким феодалам кануна Французской революции или Октябрьской революции в России, которые в своей узколобости даже тогда все еще чинили препятствия либеральным реформаторам и способствовали таким образом насилиственному перевороту"¹².

Председателем партии на Фрейбургском съезде был избран противник ее "буржуазной направленности" Вальтер Шеель, а его заместителем – более умеренный Ханс-Дитрих Геншер, уже тогда воспринимаемый многими как "интегрирующий фактор во фракции и в партии"¹³. Позднее один из наиболее крупных теоретиков современного либерализма Ральф Дарендорф писал, что тогда "мы фактически уничтожили старую партию и ее традиции, поскольку перестройка, которую она испытала, оказалась неприемлемой для старых либералов, приверженцев прежней СвДП"¹⁴.

Главные идеологи обновленной партии, ее генеральный секретарь Флах, Дарендорф и профессор политологии и государствоведения Вернер Майхофер ориентировались на весьма широкое понимание либерализма, которому, по словам Флаха, было жизненно необходимо "выбраться из буржуазного гетто" и взять курс на "свобод-

ное социальное государство и на далеко идущую реформу капитализма"¹⁵.

В такой трактовке либерализм понимается как необходимость постоянного пересмотра догм и адаптации к политическим реалиям, как сфера деятельности, в которой нет и быть не может окончательных решений и рецептов. Очень емко выразил это положение Дарендорф, для которого "одним из фундаментальных аспектов человеческой жизни является то, что человек не в состоянии дать ответ на все вопросы. И если кто-то претендует на знание этого ответа, то позволительно усомниться в том, что он говорит. Никто не может доказать, что он располагает готовыми решениями всех проблем. Мы живем в условиях фундаментальной неопределенности, а она в этом смысле предполагает, что имеется возможность давать различные ответы. Проистекает это из того, что ни один человек не является богом"¹⁶.

Невозможность полного знания исключает, следовательно, обязательность какой-то идеи и предполагает поэтому необходимость свободы, которая, как истина, реализуется в конфликте. В этом либеральное сознание противоположно тоталитарному мышлению, для которого мир прост и понятен, а любое непонятное есть злонамеренное запутывание стройного, не скрывающего уже никаких существенных тайн мира.

Рассуждение Дарендорфа о проблеме знания означало, что либерализм не связан с какой-то определенной моделью общества и не может служить основой исторически завершенного типа общественной организации. Либеральная идея, как социально наиболее открытая, становится компонентом для самых различных политических сил от социалистов до христианских демократов. Но они в состоянии воспринять лишь отдельные элементы либерализма, который нуждается для своего постоянно обновляющегося выражения в самостоятельном политическом направлении.

Такая либеральная идеология нового типа отражала быстро меняющуюся социальную обстановку 60-х гг., когда заметно росла численность новых средних слоев, ставших объектом пристального внимания и воздействия со стороны СвДП, да и других политических партий ФРГ.

Из новых деятелей партии, пришедших в 1968 г. к ее руководству, наиболее опытным был Ханс-Дитрих Геншер (1927 г.р.), с именем которого тесно связана политическая линия немецкого либерализма 70 – 80-х гг. Занятие им поста председателя партии в связи с избранием Шееля в 1974 г. федеральным президентом можно рассматривать как определенное завершение эволюции СвДП, начало которой пришлось на 1967-1968 гг. Сыграла свою роль и преждевременная кончина в 1973 г. Флаха, внесшего основной вклад в разработку новой идеологии социал-либерализма. Больше практик, чем теоретик, Геншер трактовал тезис Флаха о самостоятельности либерализма сугубо прагматически: как готовность СвДП заключить коалицию с той из больших партий Германии – ХДС/ХСС или СДПГ, – которая в наибольшей степени способна на данный момент воспринять и проводить в жизнь политические идеи либерализма. Сама партия сознательно отказалась от каких-то попыток сравняться с крупными

"народными" партиями, предпочитая сохранение функции эластичного и гибкого младшего партнера-посредника. На практике СвДП дважды обеспечила перевод правительственно-го механизма ФРГ с одних рельс на другие: в 1969 г., когда была создана коалиция социал-демократов и либералов, и в 1982 г., когда эта коалиция распалась, а правительенную ответственность принял на себя консервативно-либеральный блок ХДС/ХСС – СвДП, лидер которой Хельмут Коль (1930 г.р.), как бы там ни было, уже обеспечил себе место в истории как "канцлер германского воссоединения".

Свообразие СвДП как партии заключается в том, что, с одной стороны, ей часто угрожает опасность опуститься ниже пятипроцентного порога, дающего пропуск в бундестаг, а с другой, – партия играет роль, более значительную, чем может показаться на первый взгляд, так как именно от ее решения зависит, какой из двух больших партий Германии пребывать у власти. Совершенно очевидно, что это обстоятельство заставляет любого политика, возглавляющего либералов, проявлять максимум гибкости и маневренности, что вообще-то говоря, свойственно либерализму. Но сила СвДП не только в умении и способности вовремя сориентироваться. Партия при всей своей небольшой численности и балансировании на грани пятипроцентного барьера достаточно устойчива и прочна, так как в политической культуре ФРГ идеи либерализма относятся к основным доминантам.

В свое время много шума наделал разрыв либералами коалиции с СДПГ, и их поворот к союзу с христианскими демократами. Генштадта обвиняли в предательстве интересов партнера, но все дело в том, что либералы и, прежде всего, министр хозяйства Отто Ламбсдорф, ныне являющийся наряду с Клаусом Кинкелем одним из лидеров партии, своевременно уловили тенденции, которые стали проявляться не только в ФРГ, но и в других индустриальных странах Запада, а именно: непосильные для государственного бюджета расходы на социальные нужды, сковывание налоговым бременем частнопредпринимательской инициативы, излишнее вмешательство государства в социально-экономические процессы. В наибольшей мере эти затруднения проявились в тех странах, где, как и в ФРГ, у власти находились социал-демократы. Партии неоконсервативной ориентации стали приходить к власти в одной стране за другой, наступила эпоха рейганизма и тэтчеризма, чей звездный час пробил именно по той причине, что они предложили свой достаточно эффективный вариант решения проблем, накопившихся в этих государствах и явно тормозивших технологическую модернизацию экономики.

Немецкие либералы в начале 80-х гг. окончательно убедились в том, что у СДПГ, которая взяла на вооружение методы кейнсианского регулирования экономики, практически нет ни возможности из-за давления снизу, ни решимости, ни, наконец, просто желания перейти на рельсы экономического неоконсерватизма, как сделали это, например, их французские коллеги-социалисты. Даже обычный инстинкт самосохранения диктовал либералам решение выйти из коалиции, хотя было оно нелегким и принесло на первых порах не только явное падение популярности, но и значительный отток из партии ее недовольных политическим поворотом вправо членов. Но про-

шедшее с тех пор время выявило дальновидность Геншпера, сумевшего решиться на весьма непопулярный шаг.

Следует заметить, что открытость либеральной идеологии влечет за собой некоторый парадокс. Суть его в том, что для проведения либеральной политики в принципе совсем не обязательно существование самостоятельной либеральной партии. Если даже допустить, хотя это и маловероятно, что СвДП на время или надолго потеряет свое парламентское представительство, это отнюдь не будет означать гибели, исчезновения германского либерализма. Он слишком укоренен в политическом сознании немецкого общества, чтобы исчезнуть вместе с концом той или иной партии. Ни ХДС, ни СДПГ далеко не чужды либеральным идеалам и ценностям, они вполне могут представлять на политической арене либеральное начало. Поэтому, как политico-идеологическое течение, либерализм так или иначе сохранит свое место в общественно-политической жизни Германии, будь то в форме нового либерализма Ральфа Дарендорфа, или в облике либерального неоконсерватизма.

"Новый либерализм" и либеральный неоконсерватизм

Консерватизм понимает себя как учение, противостоящее либерализму. Но как в либерализме есть некоторые черты консерватизма, так и в последнем содержится определенный либеральный компонент. Причина такого кажущегося противоречия в том, что обе концепции не только противостоят, но и взаимодополняют друг друга. Поэтому различия их, в сущности, относительны, а единство в целях сохранения сложившейся в Германии социально-политической системы сравнительно абсолютно. Такое переплетение хорошо прослеживается в концепциях виднейшего теоретика современного либерализма, бывшего в 1968-1974 гг. членом федерального правления СвДП, ректора Колледжа Св.Антония в Оксфордском университете и председателя правления интеллектуального центра немецкого либерализма – Фонда Фридриха Наумана – Ральфа Дарендорфа (1929 г.р.).

Дарендорф стремится разработать идею механизма, призванного обеспечить постоянное преобладание либеральных ценностей в обществе, в котором они перестают быть самоочевидными и становятся проблемными. Необходимым пунктом в рассуждениях Дарендорфа явилось скептическое отношение к современному положению в мире. Он полагает, что в развитых странах, для которых характерны рыночная экономика, открытое общество и либерально-демократическая система, исчерпала себя господствующая идея прогресса в одномерном смысле, "идея прямолинейного развития, подсознательная, а иногда и осознанная вера в бесконечные возможности чисто количественного развития"¹⁷.

Кризис идеи прогресса сопровождается деградацией идейного комплекса, лежавшего в основе предшествующего периода развития, комплекса, который Дарендорф называет "социал-демократическим консенсусом", представляющим итог реализации такой программы, в фундаменте которой лежали социал-демократические принципы.

Последние же, по мнению Дарендорфа, включают в себя несколько обязательных элементов. В экономическом аспекте социал-демократы всегда были уверены в необходимости роста на основе постоянного расширения производства, ведущего к улучшению условий жизни и труда. В социальной политике стержнем выступала идея равенства, понимаемого скорее как равенство исходных жизненных шансов, нежели как равенство результатов. Основным инструментом общественных изменений в социал-демократическом консенсусе считаются демократические институты, а в сфере ценностей и культуры социал-демократы являлись "главными поборниками рациональности в духе Макса Вебера: от бухгалтерии через бюрократию к науке и технике"¹⁸.

В своих основных чертах эта программа в значительной мере была осуществлена в западных индустриально развитых странах, которым период экономического роста принес невиданное ранее процветание. Гражданские права распространились на политическую, а затем и на социальную сферы. Система демократических институтов позволила обществу контролировать власть и менять правительства. Наконец, практически все области жизни оказались под воздействием науки и техники. Все это означало, что "великая программа была реализована и больше не является движущей силой развития"¹⁹.

Но что же может или должно прийти ей на смену? Тем более, что, как отмечает Дарендорф, уже достаточно четко обозначились пределы исторического господства социал-демократического консенсуса, создавшего такие новые противоречия, которые уже не могут быть разрешены в его рамках. В результате возникло явление, называемое Дарендорфом "кризисом легитимации политической власти в современном обществе"²⁰. Выходом, по его мнению, может явиться "новый общественный договор".

Такой договор в политическом аспекте предполагает, что в "улучшенном" гражданском обществе должен существовать сравнительно небольшой круг политически ангажированных людей, способных контролировать власть на местном, региональном, национальном и даже наднациональном уровнях, ибо посредничество "между индивидами и теми, кто принимает решения, становится более важным, чем когда бы то ни было"²¹. Классическая представительная система по Дарендорфу является первым уровнем организации интересов. Сам он настаивает на создании и второго уровня, одновременно независимого от парламента и связанного с ним, каким бы странным не звучало такое сочетание для слуха либералов.

Дарендорф полагает, что гарантами "нового общественного договора" должны стать "легитимирующий" и "репрезентативный" виды деятельности. Первый – это поддержание законности средствами власти, которую Дарендорф вслед за Максом Вебером понимает как "возможность добиться повиновения данной группы людей определенному приказу"²². Репрезентативная же деятельность – это открытие "новых горизонтов" путем постоянной научной критики и дискуссии. Люди, занятые такой деятельностью, порождают, обобщают и формулируют идеи, которые становятся достоянием всего общества. Эти два вида деятельности различны. Их вряд ли будет возможно

когда-нибудь объединить, хотя в процессе развития формируется особая группа ученых-политиков, которая не чужда обоим мирам. Кстати, ярким представителем такой группы можно считать и самого Дарендорфа, крупного ученого-теоретика и активного политического деятеля.

Такова в общем виде теория элитарной демократии с ее особой схемой нового разделения властей, где сочетаются либеральные и консервативные принципы. Видимо, Дарендорф – первый теоретик, который попытался обосновать право и необходимость для либералов, в том числе и левых, в определенных случаях становиться консерваторами, не выбрасывая при этом либеральные ценности.

Теоретическая конструкция Дарендорфа выглядит довольно громоздкой, но, может быть, именно благодаря этому ее основные положения, которые допустимо толковать как либеральную трактовку неоконсервативной идеологии, могут быть претворены в жизнь теми, кто не слишком отягощен ценностной раздвоенностью, характерной для этой программы.

Среди теоретиков немецкого либерального неоконсерватизма наиболее значительными представляются профессор университета в Тисене Отто Марквард (1928 г.р.) и Герман Люббе (1926 г.р.), профессор Цюрихского университета.

Исходной посылкой для концепции Маркварда служит технократизм, который в условиях массового индустриального общества настолько поработил человека, что тот ищет компенсацию в духовности, в тяготении к природе, в восстановлении традиций, чтобы найти хотя бы небольшое убежище от окружающего его перенапряженного реального мира²³.

Марквард рассматривает действительность в типично консервативном духе – как нечто, изначально предустановленное и оправданное. Но одновременно у него присутствует и либеральная черта, согласно которой любые идеи, притязающие на всеобщую значимость, отвергаются как диктат общего над индивидуальным.

Политический плюрализм Маркварда находит обоснование в его "новой мифологии". Он утверждает, что люди не могут жить без мифов, которые вовсе не предваряют истину и не заменяют ее. Миф – это искусство приспособить свои представления к тому, что нам дано в реальной жизни. При этом необходимо существование множества разнообразных мифов, так как наличие только единственного мифа крайне опасно. Опасно прежде всего потому, что он не оставляет свободного пространства для инакомыслящих. Наибольшее же отрицание Маркварда вызывает "мономиф" о неудержимости прогресса всемирной истории, которому он противопоставляет многовариантность как бесчисленное количество индивидуальных путей в будущее²⁴.

В итоге консервативно-либеральный пафос политической философии Маркварда выступает как защита незыблемости социально-политических институтов и охрана прав личности на свободу мнений в системе либеральной демократии.

В унисон с Марквардом выступает и Герман Люббе, весьма основательно разработавший либеральное направление в системе неоконсерватизма. Он исходит из того, что индивидуальные и общие

интересы обычно не совпадают, поэтому либерализм, защищая первые и ограничивая власть государства, имеет бесспорное право на существование.

Важнейшей чертой либерального неоконсерватизма является философско-антропологическая идея об органическом несовершенстве самого человека. С этим связано и недоверие к демократии, ибо человек одержим страстями, жаждой власти, денег, славы. Поэтому предоставленную ему свободу он стремится использовать только в эгоистических целях. Обуздать его страсти и эгоизм могут только твердый политический авторитет и соответствующие политические институты. А это вполне осуществимо и в рамках сегодняшней парламентарной демократии.

Было бы неверным считать, будто неоконсерваторы являются принципиальными антидемократами. Они выступают лишь против "чрезмерного", с их точки зрения, либерализма, против "безбрежной" демократии без всяких ограничений, легко переходящей в анархию. В связи с этим вполне справедлива их озабоченность дефицитом духовности в современном западном обществе и постоянные напоминания о том, что у человека всегда была, есть и будет потребность в вере в какие-то идеалы и ценности, подлинными хранителями которых являются сегодня, по убеждению Люbbe, именно неоконсерваторы²⁵.

* * *

Зачастую, и особенно это относится к Германии, трудно провести разграничительную линию между либерализмом и консерватизмом. Они впитывают идеи друг друга, а потому возникают, на первый взгляд, странные явления как "либеральный консерватизм" или "консервативный либерализм". Но странного здесь ничего нет: эти направления человеческой мысли находятся по одну сторону от границы, отделяющей нормальное человеческое мышление от тоталитарного, по самой своей сути направленного на уничтожение личности, будь то консервативного, будь то либерального толка.

Во всяком случае история движется вперед. И прошедший долгий, сложный и противоречивый путь развития, полный надежд, но еще больше – разочарований, драм и даже трагедий, немецкий либерализм выжил и к концу XX века превратился в атрибутивный компонент структуры общества. До тех пор, пока существует опасность злоупотребления государственной властью и необходимость контроля за ней в политической, экономической и социальной областях, либерализм как политическая сила будет существовать и в дальнейшем. С известной долей уверенности можно сказать, что исчезновение в обозримом будущем ему не грозит.

¹ Schacht H. 76 Jahre meines Lebens Bad-Wörishofen, 1953, S 192

² Seyfert R. Des deutschen Volkes Schicksalstunde. Leipzig, 1919, S 26.

³ Spengler O. Jahre der Entscheidung, 2. Aufl. München, 1980, S 173

⁴ Weber Marianne Max Weber. Fün Lebensbild. Tübingen, 1926, S.65

- ⁵ Albertin L. Liberalismus und Demokratie am Anfang der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1972, S. 415.
- ⁶ Opitz R. Der deutsche Socialliberalismus, 1917-1933. Köln, 1973, S. 212-215; Pois R. The Bourgeois Democrats of Weimar Germany. Philadelphia, 1976, p.112-113.
- ⁷ Haas L. Vor neuen Zielen. - Deutsche Republik, 1929, H.3. S. 1391-1395.
- ⁸ Ein demokratischen Aktionsprogramm - Der Demokrat, 1930, H.11, S. 249-253.
- ⁹ Stolper G. Auflösung. - Der Deutsche Volkswirt, 1929/30 Bd.4. S.1467-1469.
- ¹⁰ Stolper G. Wo stehen wir? - Der Deutsche Volkswirt, 1932/33 Bd.7, S.366-367.
- ¹¹ Kaack H. Zur Geschichte und Programmatik der Freien Demokratischen Partei. Meisenheim an Glan, 1976, S.9.
- ¹² Flach K.-H. Liberaler uns Leidenschaft. München, 1974, S.116-117.
- ¹³ Kaack H. Op.cit., S.37.
- ¹⁴ Dahrendorf R. Intervista sul Liberalismo e l'Europa. Bari, 1979, p.12.
- ¹⁵ Flach K.-H. Op.cit., S.125.
- ¹⁶ Dahrendorf R. Op.cit., p.28-29.
- ¹⁷ Dahrendorf R. The new liberty: Survival and justice in a changing world. Stanford, 1975, p.14.
- ¹⁸ Dahrendorf R. Life changes: Approaches to social and political Theory. Chicago, 1979, p.106.
- ¹⁹ Ibid., p.107.
- ²⁰ Ibid., p.112.
- ²¹ Dahrendorf R. The new liberty..., p.95.
- ²² Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford, 1959, p.166.
- ²³ Marquard O. Apologie des Zufälligen. Stuttgart, 1986, S.26-27.
- ²⁴ Marquard O. Abschied vom Prinzipiellen. Stuttgart, 1987, S.99-102.
- ²⁵ Lübbe H. Fortschritts-Reaktionen. Über Konservative und destruktive Modernität. Graz, 1987, S.7.

ГЛАВА 9. ИТАЛИЯ: МЕЖДУ ЛИБЕРИЗМОМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ СОЦИАЛИЗМОМ

Начало XX века ознаменовано в Италии двумя событиями принципиального значения: убийство короля Умберто и поражение на выборах консерваторов. Было очевидно, что необходимы новые пути и методы управления. Внутри либерального движения появились новые тенденции.

Характерной особенностью новых проектов либералов было то, что все они включали "социальный вопрос". Так, например, Республиканская партия после 1900 года призывала своих членов вступать в профсоюзы, в лиги сопротивления, в кооперативы, начала пропаганду среди рабочих Юга, эмигрантов, развернула борьбу за реформу налоговой системы (введение прогрессивного налога) и т.д.

Наибольшую известность получил проект Сиднея Соннино (умеренного либерала). Его программа (*Quid agendum*) была опубликована в журнале "*Nuova antologia*" в 1900 г. и развивала его статью 1897 г. "Вернемся к Статуту". Основной мотив статьи – призыв к либеральному реформаторству. Соннино предлагал создать сильное конституционное государство по германской модели, настаивал на преобладании исполнительной власти по отношению к законодательной (т.е. к Парламенту). Фактически, призывая вернуться к Альбертинскому Статуту 1848 г., Соннино на деле предлагал его ревизию в сторону авторитаризма. Он призывал к некоторому ограничению конституционных свобод.

Однако победа тогда досталась представителю демократического течения либерализма – Джованни Джолитти. "Эра Джолитти" (1900–1914) имеет для Италии особое значение и сама по себе, как эпоха осуществления либеральных реформ, эпоха процветания итальянского государства, и как символ, образец, эталон, "золотой век" итальянского либерализма, на который ориентировалось последующее поколение либералов, жившее в условиях фашистской диктатуры.

Приход к власти Джолитти знаменовал замену умеренно-консервативного либерализма либерализмом по-преимуществу демократическим. Его характеристикой было то, что он перестал быть непосредственным образом связанным с интересами земельной аристократии и финансовой крупной буржуазии. Это течение либерализма выражало интересы предпринимательской буржуазии, у которой оказалось много общих интересов с реформистским социализмом.

Родившись в 1842 г. в пьемонтской буржуазной семье мелкого доспятка, Джолитти уже в молодости стал поклонником либерально-демократических идей. В то же время он был горячим поклонником Кавура и его методов управления. Его карьера началась в 1870 г., когда он поступил чиновником в министерство финансов, а политическая деятельность – несколько позднее, в 1882 г.: он был избран в парламент от округа Кунео (и оставался депутатом этого округа до конца своей жизни). Первая проба сил Джолитти в качестве премьер-министра состоялась в 1892–93 гг., но тогда он потерпел неудачу.

Джолитти не был теоретиком либерализма. Его литературное наследие сводится в основном к парламентским и внепарламентским речам, а также к мемуарам и переписке. Однако как политик-практик, он, пожалуй, не знал себе равных со времен Кавура. Джолитти и сам признавал свой практицизм: "Моя политика, – говорил он в парла-

речам, а также к мемуарам и переписке. Однако как политик-практик, он, пожалуй, не знал себе равных со времен Кавура. Джолитти и сам признавал свой практицизм. "Моя политика, — говорил он в парламенте в 1902 году, — полностью эмпирична, если под эмпиризмом понимать следующее: отдавать себе отчет в реальных фактах, в реальных условиях, в которых находится страна и народ и в которых мы должны осуществлять свою внутреннюю политику"!¹.

4 февраля 1901 г. Джолитти выступил с первой программной речью, где отстаивал правомерность рабочих организаций, поддерживал требование о повышении заработной платы. Джолитти утверждал, что лишь в странах с высоким уровнем заработной платы происходит промышленный прогресс. Кроме того, он обосновывал необходимость финансовой, налоговой, административной реформ, реформы образования (передачу в ведение государства начальных школ) и т.д.

Собственно, социальный вопрос Джолитти, как уже говорилось, поднимал и в конце XIX века. Его первая парламентская речь 1882 года была названа историком Кардуччи "требованием соли для хлеба бедняков". Однако лишь в начале XX века Джолитти выступил с действительно новой программой.

"Единственный путь предотвращения угроз, нависших над страной в результате всеобщего неблагополучия, а также происков реакции, — говорил он, — это осуществление либеральной программы, ставящей себе целью устраниить — в пределах возможного — причины недовольства посредством глубокого и радикального пересмотра как методов управления, так и существующего законодательства"².

Джолитти понял необходимость обеспечить сотрудничество между буржуазией и пролетариатом. Отвергая принцип классовой борьбы, он стремился ввести рабочее движение в легальное русло. С этой целью Джолитти взял на вооружение определенные пункты программы социалистов. Это было новое явление, характерное для всего европейского либерализма начала XX века — попытка противостоять росту рабочего движения путем своеобразного компромисса между либерализмом и реформистским социализмом, благоразумными уступками, тактическими союзами добиться "сотрудничества труда и капитала". Это был путь либеральной эволюции.

Приверженность Джолитти эволюционному пути развития и либеральному реформизму не изменяла ему на протяжении всей жизни. В 1917 г., когда Джолитти открыто высказывал свое отрицательное отношение к Октябрьской революции в России, он утверждал: "История, как и природа, не делает скачков"³. И реформы, по его мнению, следовало проводить постепенно, "шаг за шагом".

"Его приверженность реформизму, — пишет З.П. Яхимович, — определялась не только его личным политическим опытом и предпочтениями, но и немалым воздействием позитивизма, оказавшего заметное влияние на интеллектуальную атмосферу в Италии, как и во всей Европе"⁴. Главный лозунг Джолитти, начиная с первых же парламентских выборов, — "ни революция, ни реакция": Джолитти стремился нейтрализовать не только социалистов, но и правых.

Для первой правительенной декларации Джолитти характерна также расширительная трактовка "принципа свободы", распространенного на низшие сословия: свобода организации тру-

дящимся и уважение их законных прав. "Я полагаю, – говорил Джолитти, – что нужно поставить на одну доску как капиталиста, так и рабочего: каждый из них имеет право на законное представительство, признанное государством. Это та функция, которую современное государство должно взять на себя, и бесполезно желать управлять теми же методами, которые были хороши 50 лет назад, но которые сегодня совершенно неприменимы".

"Мы должны констатировать, – говорил он в другом случае, – что итальянский народ созрел для свободы"⁵. Есть только два возможных пути в политике, утверждал Джолитти: репрессии и свобода, – и прошлое убедило нас в том, что первый из них ведет в никуда. "Я глубоко убежден, – повторял он, – что только на почве свободы мы можем победить социализм"⁶.

Главным практическим шагом в этом направлении в политической деятельности Джолитти была избирательная реформа 1912 г., по которой отменялся имущественный ценз и право голоса (право избирать) предоставлялось всем мужчинам старше 21 года, умеющим читать и писать. Отметим, что и Джолитти к идее всеобщего избирательного права пришел не сразу. Еще в 1902 году он заявлял, что итальянцы не могут пользоваться всеми политическими свободами в той же мере, как, например, англичане, которые имеют за спиной два века опыта этих свобод⁷.

На первый план для Джолитти выступил социальный аспект "нового курса" – признание права рабочего класса на организацию и свободу стачек. "Создание организаций рабочих, – утверждал Джолитти, – идет в ногу с прогрессом человечества". Эти организации являются выразительницами законных интересов трудящихся классов. Они же выполняют полезнейшую функцию посредника между трудом и капиталом. При этом Джолитти утверждал, что государственные учреждения должны служить всем членам общества, а не только собственникам. "Правительство должно быть защитником всех классов общества без исключения"⁸.

Право рабочих на забастовку он отстаивал, несмотря на усилившееся забастовочное движение и острую критику справа его методов управления. Вынужденная в связи с этими обстоятельствами отставка Джолитти в 1906 г. не заставила его изменить своей концепции. Собственно, как уже говорилось, в теоретическом плане это не было концепцией строго говоря, но Джолитти твердо придерживался трех пунктов в своих убеждениях: забастовки не должны препятствовать деятельности основных общественных служб, в стране должны соблюдаться порядок и законность, не должно быть нарушено право на труд, или точнее, по его выражению, "свобода труда".

Противозаконными Джолитти считал забастовки, которые посягают на "свободу труда", другими словами препятствуют применению труда штрайбрехеров. "В случае забастовки государство имеет право вмешаться только лишь тогда, когда нарушена свобода труда, когда забастовщики мешают работать другим трудящимся; потому что свобода труда не менее священна, чем свобода забастовок"⁹. Кроме того, Джолитти не распространял свою концепцию права на забастовки на классовые бои в деревне. Крестьянские выступления он подавлял силой.

Джолитти был сторонником "надклассового государства", его "нейтралитета" в социальных конфликтах. "Правительство должно оставаться в стороне и выше конфликтов между трудом и капиталом", – утверждал Джолитти уже в своей первой речи¹⁰. Вмешательство государства неоправданно до тех пор, пока не нарушаются законы. Согласно его концепции об особой роли и функциях государства, оно должно было держать контроль над деятельностью капиталистических групп и консервативных земельных собственников.

С ролью государства была связана и экономическая программа Джолитти, включавшая в себя требования ослабления тех финансовых кругов, которые связаны с отсталым производством, стимулирование промышленного роста и ограничение монополий. Монополии, по мнению Джолитти, представляли собой "незаконные нелиберальные институты"¹¹. Программа Джолитти защищала интересы независимых собственников, что, как он полагал, должно составлять основу демократии. В этом же ряду можно назвать и его идеи о децентрализации.

Теоретически Джолитти объявлял себя сторонником децентрализации. Но на практике, реализуя понятие о сильном государстве, Джолитти осуществил расширение функций префектов, которые проводили волю исполнительной власти на местах. Префекты даже имели право распускать муниципальные советы, что они и делали на юге страны. Через институт префектов правительство имело возможность осуществлять свою власть на местах. Особенно твердо централизаторскую политику Джолитти проводил в отношении юга Италии. Вообще нужно сказать, что его либеральные принципы давали трещину, когда дело касалось южных районов.

Видимо именно представления Джолитти о роли государства и его приверженность твердым методам управления привели к тому, что в начале 20-х годов Джолитти поддержал фашизм. Джолитти увидел в фашизме тогда силу, способную навести порядок. "Страна, – писал он в частном письме, – нуждается в сильном правительстве, которое будет думать не только о том, чтобы как-нибудь перебиться"¹².

В то же время, в противоположность Соннино, который настаивал на усилении исполнительной власти, Джолитти был защитником парламента и его функций в государстве. Парламент, как полагал Джолитти, должен был уравновешивать взаимоотношения между монархией и правительством. Необходимо совершенствовать этот институт, который представляет собой самую передовую часть страны, утверждал Джолитти, признавая, что итальянский парламент далеко не совершенен, но доказывая, что его существование, его активная роль в жизни страны совершенно необходимы для правильного функционирования исполнительной и законодательной властей. Парадокс заключался в том, что призываая к совершенствованию парламентских структур, к тому, чтобы парламент "был выразителем великих национальных, а не мелких местных или личных интересов", Джолитти вместе с тем был одним из самых известных в истории коррупционеров. Путем создания привилегий, подкупа депутатов Джолитти обеспечивал необходимое ему парламентское большинство. Он также широко практиковал обеспечение избрания в парламент "своих" депутатов. Джолитти в целом полагал, что пар-

ламент должен не столько осуществлять законодательную функцию, сколько поддерживать исполнительную власть. Джолитти даже обвиняли в том, что он осуществляет диктатуру над парламентом. Но Джолитти вместе с тем твердо поддерживал прерогативы парламента, не допуская их ущемления.

В области торговли Джолитти продолжал придерживаться протекционистского курса своих предшественников. Расцвет итальянской экономики в первые 10-15 лет XX века произошел во многом благодаря этому курсу, который сохранял очень высокие таможенные пошлины. Этот курс вызывал ожесточенную критику со стороны классических либеристов – среди них уже в те годы выступили Л.Эйнауди и Г.Сальвемини.

Но Джолитти никогда не утверждал, что принципиально отдает предпочтение протекционистскому курсу. Он считал, что практическая экономическая политика не должна определяться жесткими изначальными принципами. “Я скажу откровенно, что в экономических вопросах не признаю догм... Полагаю, что правительство не может исповедовать догмы ни в том, ни в другом смысле”¹³.

Весьма оригинальным подходом характеризовалась и религиозная политика Джолитти. Теоретически он был последователем Кавура, то есть концепции “двух параллелей”. Но на практике Джолитти, сознавая необходимость обеспечения большинства на выборах, особенно после введения всеобщего избирательного права, привлекал к союзу католические организации, обеспечив при их помощи большинство правящему блоку. Джолитти дважды – на выборах 1904 и 1913 г. – прибегал к этому методу. Он широко использовал церковные структуры в своих политических целях.

После первой мировой войны Джолитти эволюционировал влево. Его речь в Дронеро в 1919 г. – это либерально-демократическая программа, которая выглядит еще демократичней его прежних выступлений. Джолитти признал необходимость радикальных реформ, прогрессивного налога, именных акций и т.д.

За более справедливую налоговую реформу Джолитти ратовал еще в конце прошлого столетия. Италия была отягощена весьма несправедливым налоговым законодательством. Джолитти требовал реализации глубокой налоговой реформы. Он также сформулировал проект закона об участии рабочих в техническом и финансовом управлении предприятиями (1919-20 гг.).

Джолитти никогда не пытался создать политическую партию либералов, “партию принципов”. Она и не была создана. Даже Республиканская и Радикальная партии не были структурно оформлены, не имели разветвленной организационной сети; это были скорее группы старого образца. Джолитти пытался опираться на широкий сплоченный правящий блок. Подобно Депретису, он пытался создать некую аморфную политическую правительенную партию, правительство большинства. Вместе с тем Джолитти опирался на значительно более широкую базу, чем Депретис. Он привлек к сотрудничеству социалистов, что было возможно сделать, только обеспечив свободу действий и политических организаций и введя в действие социальное законодательство, способное гарантировать рабочим достаточно высокий уровень жизни, католиков, и даже националистов.

Перед лицом надвигающегося фашизма Джолитти сохранял прежние методы управления: он полагал, что путем различных компромиссов сможет управлять фашистским движением, как когда-то управлял социалистическим. Он продолжал придерживаться и концепции "нейтралитета" государства. "Правительство, — говорил он 26 июня 1921 г. в парламенте, — столкнулось с тем же феноменом, что и захват фабрик. Правительство полагает, что его долг — не разрешать этот конфликт силой. Я буду продолжать следовать той же системе, что и раньше, и могу прибегнуть к силе только в рамках закона"¹⁴.

Позднее, когда Джолитти перешел в идеологическую оппозицию к фашизму, он обвинял фашизм, главным образом, в нарушении традиций либерального государства. "Этот закон, — говорил он по поводу избирательного закона 1928 года, который, предоставив право выбора депутатов Большому фашистскому совету, исключил из парламента какую-либо оппозицию политического характера, — означает решительный разрыв режима со Статутом"¹⁵.

В период правления Джолитти (1901-1914 гг.) его методы управления вызывали много критики и дискуссий, среди наиболее яростных его противников были и такие крупнейшие георетики итальянского либерализма, как Б.Кроче, издававший в те годы журнал "Critica", Г.Де Руджиеро, Г.Сальвемини, возглавлявший журнал "Unita", Л.Эйнауди, П.Гобетти, Д.Джентиле и др. Основой для критики джолиттианской политики был экономический либерализм. Но звучала и критика левого толка. Г.Сальвемини в своем знаменитом памфлете "Министр преступного мира" обвинял Джолитти в коррупции и решительно осуждал его политику по отношению к Югу Италии. Правда, Сальвемини признавал, что Джолитти не начал, а лишь продолжил коррупционистскую практику предыдущих министерств. Более того, политика Джолитти по отношению к северной Италии, по его мнению, была прогрессивной и оправданной. Но Сальвемини, разделявший в те годы концепции социализма, видел в социализме, а не в течении, представленном Джолитти, продолжение традиций демократического либерализма XIX века. Сальвемини стремился к максимальной демократизации общественной жизни. В одной из своих работ этого периода, посвященной Мадзини, Сальвемини упрекал последнего в недооценке возможностей пролетариата.

Кризис итальянского либерализма, связанный с войной (в этом плане он вписывался в общий кризис либерализма в Европе) и с наступлением фашизма, заставил многих его приверженцев пересмотреть свои позиции и взгляды. Дело в том, что кризис либерализма в Италии характеризовался отказом либералов от собственно либеральных методов управления и признанием ими необходимости спасать государство, находящееся в состоянии кризиса, жестким авторитарным способом, опираясь на позицию силы.

События 1914-1922 гг. побудили к переосмыслению опыта либерального правления в Италии, к переоценке методов управления и теоретических концепций либерализма. Эти размышления призвана были определить не только причины кризиса либерализма, как системы и как политической идеологии, но и его будущее, или точнее

будущее итальянского государства, которое одни связывали с возвращением к дофашистским формам государства и институтам, другие с реформированием этих структур, но обязательно в духе либерализма.

Одной из главных проблем, которые встали перед либералами, была проблема правящих слоев: определить, какие именно слои буржуазии могли бы взять на себя миссию реализации идей либерализма. С выходом на политическую арену массовых политических партий (а в 1919 г. заявила о себе и католическая Народная партия, сразу завоевавшая большое число голосов избирателей) возможности распространения в обществе идей либерализма резко сократились. Кроме того, итальянский либерализм оказался неспособен осознать закономерность экономических и социальных изменений в послевоенном итальянском обществе, приведших Италию к фашизму. Для многих либералов фашизм был всего лишь перерывом в нормальном развитии общества, они полагали, что после свержения фашизма Италия вернется на прежний довоенный путь развития. Таковы, например, были взгляды крупнейшего представителя итальянского либерализма XX века Бенедетто Кроче (1866-1952).

В противоположность Джолитти Кроче был не столько практиком, сколько теоретиком либерализма. Он был сторонником отделения политики от науки, искусства, литературы, видел причину многих (или всех) недостатков в смешении политики и теории, политики и истории.

Первоначально Кроче был противником Джолитти. Сформировавшись в русле итальянского меридионализма, Кроче не мог воспринять положительно трансформизм Депретиса и Джолитти, столь далекий от идеалов Спавенты и Де Санктиса. В начале 20-х гг. он так же, как и другие либералы, воспринял положительно появление на исторической сцене фашизма. Кроче считал, что, если либералы наделали "массу глупостей", не сумев спасти страну от анархии, то они должны быть признательны фашизму, который навел порядок в стране. Но он скорее оценивал фашизм, как силу, которая встанет на защиту либеральных институтов, сохранив их в неприкословенности, то есть свершит то, что сам либерализм был сделать не в состоянии.

Позднее, а точнее во второй половине 20-х годов, начала складываться крочеанская "концепция свободы" или, как часто ее называют, "философия свободы", которой Кроче посвятил не один труд на протяжении 20-30-х гг. Это – "Философские предпосылки либеральной концепции" (1927 г.), "Принцип, идеал, теория: по поводу философской теории свободы" (1939 г.)¹⁶ и многие другие работы¹⁷. Эта теория развивалась Кроче и в одном из самых известных его трудов – "Истории Италии с 1871 до 1915" (1928 г.)¹⁸. Крочеанская концепция свободы формировалась и развивалась как антитеза фашистских теорий. Мысль Кроче в середине 20-х годов претерпела значительную эволюцию по сравнению с его взглядами начала века. Кроче стал в 20-30-е годы символом антифашизма и либеральных традиций. Он был одним из главных авторов "Протеста против манифеста итальянских интеллектуалов", т.е. против профашистского документа, составленного некоторыми представителями итальянской интелигенции в 1927 г.

Кроче рассматривал свободу не только как "принцип" или некий моральный идеал, но как созидающую силу в истории. Как утверждал Кроче, свобода является субъектом истории, причем необходимым субъектом всей истории в целом, от палеолита до настоящего времени, "вплоть до того, что... история как таковая есть история свободы"¹⁹. Исходя из этого представления, Кроче рассматривал историю человечества, как разделенную на периоды свободы или тирании, констатируя, что практически все периоды являются периодами тирании или подавления свободы. Определение "история свободы", утверждал Кроче, "звучит, таким образом, как ирония..."²⁰

Но и эти тиранические периоды составляли для Кроче часть "истории, как истории свободы" по двум причинам: во-первых потому, что тирания никогда не бывает полной, абсолютной, во-вторых потому, что подавление, тирания вызывают противоположную реакцию, которая является зародышем подлинной свободы, свободы будущего. Очевидно, таким образом, что Кроче не связывал принцип, или точнее идеал свободы с принципами и эпохой одного только либерализма. Он утверждал, что свобода, как моральный идеал, существует в сознании людей во все эпохи и все времена. То, что отличает новое время от других эпох, так это то, что люди осознали это присутствие идеи свободы и поставили ее перед собой как реальную цель. Кроме того, Кроче трактовал свободу в расширенном плане, включая в это понятие и категории "равенства" и "справедливости". Эти категории, как и либеральная концепция свободы, входят в кроcheанскоe понятие "свободы" в качестве ее составляющих.

Власть в представлении Кроче должна быть неотделима от свободы. Государство является законной силой только тогда, когда основывается на консенсусе. Если государство способствует историческому прогрессу, тогда оно является этическим. Вопрос о соотношении политики и этики составляет одно из важнейших звеньев философии Кроче – ведь Кроче создатель этико-политической школы в историографии. Его взгляды, как и в других вопросах, претерпели значительную эволюцию под воздействием фашистских методов управления. В начале 20-х гг. Кроче отказывается от своего представления о политике, как о чем-то, что находится посредине между этикой и экономикой, как и от своего утверждения о том, что существует две морали – одна частная, другая общественно-государственная. Теперь Кроче полагает, что этика и политика должны рассматриваться в их диалектическом единстве. Политика соотносится с этикой, по выражению Кроче, как тело с душой.

В концепции Кроче важно отметить еще и другой пункт. Кроче считал неправильным и "абстрактным" разделение свободы на "негативную" и "позитивную". Кроcheанская философия истории исходит из диалектического принципа, который сам Кроче называл "абсолютным историзмом". Исторический прогресс, считал Кроче, это не просто линейный и чисто количественный прирост, он достигается не действием какой-либо одной силы в истории, но путем столкновения различных сил, прогресс является производным войн и сотрудничества, взаимопереплетения и столкновения разных сил и интересов. Так, работами Кроче и Джентиле преодолевалась узость позитивизма.

Как уже говорилось, концепции Кроче вырабатывались в противопоставлении фашизму, и с этой точки зрения в середине 20-х гг. меняется его оценка предшествующего периода истории. Одна из крупнейших работ Кроче "История Италии с 1871 по 1915" – это подлинный гимн эпохе Джолитти. Ее герои – это "те, – писал итальянский историк В.Матури, – кто вместе с Депретисом и Джолитти считал либерализм скорее политическим методом, чем отвердевшей, превращенной в догму доктриной"²¹. Кроче писал, что это были годы мира, спокойствия и процветания, когда "наилучшим образом реализовалась идея либерального государства"²². Конвергенция с социализмом, осуществленная Джолитти, удостоилась высокой оценки Кроче; он отзывался положительно и о "позитивных и либеральных действиях" реформистского социализма, которые, как он считал, имели благотворные последствия для истории Италии. Противопоставляя прошлое и настоящее, Кроче представлял прошлое Италии в некоем идеальном ореоле, а фашизм, таким образом, как явление на сто процентов отрицательное, не имеющее с прошлым ничего общего и, более того, как временный перерыв в поступательном прогрессивном развитии либерального общества и полный разрыв с благородными традициями итальянского Рисорджименто. Фашизм, по его мнению, был результатом действий кучки авантюристов, корни его не имели отношения к либеральной эпохе, "это всего лишь дурной сон, который развеется с первыми лучами света".

Свобода торговли, или "либерализм", отвергалась Кроче как принцип, но принималась, как метод, который возможно использовать при необходимости и отвергать, если он становится ненужным. Уже в начале века Кроче вступал в ожесточенные дискуссии по этому вопросу с Л.Эйнауди, ревностным защитником либерализма. Кроче, делая различие между либерализмом и либерализмом, считал, что только либерализм, как доктрина, берущая на вооружение "идеал свободы", имеет философскую значимость. Экономика же, в представлении Кроче, имеет лишь практическую значимость, а потому является преходящей ценностью.

Отношение Кроче к политическим партиям не отличалось простотой. В начале века он вообще был решительным противником партий, которые определял как "разновидности политической казуистики". Даже в начале 20-х годов Кроче говорил о мечте всех людей здравого смысла о создании единой партии честных людей, которая не являлась бы партией в строгом смысле этого слова. Главным в его концепции было представление о "предпартии" (и по-видимому, образцом для нее служила группа либералов довоенной Италии, которая действительно не была оформлена в партию, но представляла собой большой аморфный конгломерат, внутри которого можно было выделить различные тенденции), состоящей из культурной "элиты" и вмещающей различные оттенки мнений и политических установок.

После 1924 г. Кроче стал говорить о "реальности" партий, утверждая, что либерализм должен признавать существование любой из партий. "Все партии, – писал он, – при условии, конечно, что они имеют моральную силу и моральную устойчивость, то есть волю к общему благу, и не скатываются до уровня сект и банд, – по своей сущности также либеральны"²³. Для обозначения политического

плурализма, существования различных тенденций, находящихся в состоянии свободного соревнования, Кроче использовал выражение “либеральный метод”, который включал, по его мнению (что, впрочем, согласовалось и совпадало с традиционной либеральной доктриной), свободу обсуждений, ассоциаций и т.д., и который предназначен для “регулирования политической борьбы”. Для концепции Кроче было характерно признание необходимости свободных всеобщих выборов, существования парламентской, представительной формы правления. Надо добавить к этому, что Кроче был сторонником либерального метода в его демократической форме, что, впрочем, не мешало ему критически относиться к “абстрактному демократическому эгалитаризму”. Для себя, однако, он в то время не принимал присоединения ни к одной из партий, в том числе и к либеральной.

Точно так же Кроче обосновывал плурализм социальный, свободу соревнования, равенство возможностей для социальных сил общества.

Несомненный сторонник кавурианской концепции “двух параллелей”, Кроче с большой страстью обрушился на заключение в 1929 г. Латеранских соглашений, во многом подрывавших светский характер итальянского государства и означавших для него отказ от светских традиций либерального Рисорджименто. По словам Кроче, выступившего в Сенате со смелой речью, осуждавшей соглашения, государство, подписав их, отказалось от традиции, которой следовало 70 лет и которая “представляла собой изначальную черту новой Италии, признавшей за церковью свободу в рамках государства. Теперь же равновесие нарушилось...”²⁴

Если “философия свободы” Кроче и не всегда укладывалась в рамки либеральной доктрины, он все же оставался одним из крупнейших теоретиков либерализма первой половины XX века, чему во многом способствовало то, что его философские размышления воспринимались (и таковыми в большинстве случаев являлись) как противопоставление фашистскому авторитаризму и тоталитаризму.

Представители либерально-демократического течения все больше проникались убеждением в том (особенно под влиянием революционной волны 1919-1920 гг., так называемого “красного двухлетия”), что реализация либеральной модели государства невозможна без активной роли рабочего и социалистического движения. Это проявилось в позиции Пьero Гобетти.

Пьero Гобетти (1901-1926) был, как и Кроче, одним из символов либерального антифашизма. Несмотря на молодость (Гобетти умер 25-ти лет) он оказался одним из виднейших теоретиков либерализма, сформулировавшим теорию “либеральной революции”.

Мышление Гобетти формировалось под сильным влиянием коммунистических идей А.Грамши и социалистических идей и меридионалистской школы Г.Сальвемини. Будучи другом Грамши, Гобетти в молодости сотрудничал в основанном им журнале “L'Ordine Nuovo”, ставшим затем органом Коммунистической партии, и руководил журналом “Energie Nuove”, который являлся филиалом журнала “Unita”, руководимого Г.Сальвемини. Сальвемини определил во многом тематику значительной части исследований Гобетти: его по-

стоящее внимание к южному вопросу, к проблеме либерализма-протекционизма, к реформе образования и т.д.

Влияние Грамши просматривается в оценке Гобетти деятельности Джолитти, которую он, в отличие от Кроче, определял не как высшее достижение либеральной цивилизации, а лишь как "гениальное" приспособление к реальным условиям страны, имеющее, однако, свои пределы. Фашизм же, по мнению Гобетти обнажил и обострил все недостатки либерального строя. Его истоки Гобетти вслед за Сальвемини искал в нереализованности задач Рисорджименто (понимаемого как несостоявшуюся или "провалившуюся" революцию), и даже ранее, в несостоявшейся в Италии Реформации. Возвращаясь постоянно к истории Рисорджименто ("Рисорджименто без героев", так называлась одна из его работ), Гобетти критиковал политику демократических партий: как либеральной, так и социалистической, Народной и коммунистической. Фашизм же он вначале определял не столько как диктаторский режим, а как один из вариантов коррумпированного джолиттианского правления. Критика политики правящего класса звучит на страницах многих работ Гобетти.

Историю либерального государства Гобетти делил на три этапа. Первый из них характеризуется следующими признаками: в области экономики – принципы либерализма, в области политики – либерализм, в области философии – критицизм и имманентизм, в области логики – принципы диалектики. Второй этап связан с разрушением концепций либерализма и построением "Государственного социализма", либерализм отягощен демократической демагогией и идеями национализма, в философии господствует позитивизм, а диалектика теряет свое значение. Наконец, третий этап, который еще не наступил, но наступление которого предвидит Гобетти, связан с выходом на арену рабочего движения. Но историческую функцию рабочего класса Гобетти оценивал с точки зрения его необходимости для мира капитала. Капиталистическое производство, по мнению Гобетти, вовсе не обязательно связано с его управлением самими представителями буржуазии. Соуправление капиталистическим производством рабочим классом – это высшее достижение развития капитализма. Это в тоже время торжество демократии.

С исторической миссией рабочего класса Гобетти связывал и вопрос о торгово-промышленном развитии. "Новый либерализм, – писал он, – должен совпасть в Италии с рабочей революцией, чтобы предоставить гарантии автономного свободного развития частной инициативы"²⁵.

Характерной чертой либеральных концепций Гобетти является демократический оттенок его убеждений и твердая вера в принципы либерализма. Среди основных пунктов его первых программ было требование пропорциональной электоральной реформы, предоставление права голоса женщинам, административная реформа, создание содружества наций и т.д.

Гобетти считал свои убеждения "неконсервативным либерализмом" и стремился сочетать веру в возможности революционного движения пролетариата с потребностями капитализма. В своем стремлении увязать идеи социализма с принципами либерализма Гобетти оценивал Октябрьскую революцию, как революцию в первую очередь либеральную. Большевистский эксперимент, согласно логи-

ке Гобетти, проложил путь ценностям либерализма. Работы Ленина и Троцкого – “это отрижение социализма и утверждение либеральных принципов”²⁶.

Точно также в движении туринских рабочих он видел “выражение независимой воли и способности к инициативе, т.е. проявление либеральных черт, может наиболее либеральных за всю историю Италии. Впервые возникает массовое либеральное движение, светское по своей сути, единственно способное... проявить себя как идеальное религиозное и антикатолическое движение, отрицающее всякую Церковь”²⁷. В оценке движения туринских рабочих (1920 г.) уже проглядывают основные мотивы мышления Гобетти: либерализм с признанием роли рабочего класса, противопоставление масс элите “Речь идет о подлинной попытке реализации не колlettivизма, – писал он, – но организации труда, в которой рабочие, или, по крайней мере, лучшие из них, станут тем, чем сегодня являются промышленники”²⁸. В туринских рабочих Гобетти видел “элиту” рабочего движения.

В основе этого утверждения лежало представление Гобетти о ‘политической необходимости’ капиталистической цивилизации, которая с экономической точки зрения может быть управляема рабочими в том случае, если руководящий класс продемонстрирует свою неспособность к управлению. Он пришел к выводу, что политика итальянских промышленников в своей основе антилиберальна. “Революционные и созидательные силы” Гобетти считал “либеральными” по своей сути, “совпадающими с нашим либерализмом”. Его либерализм подразумевал определенную трансформацию во взаимодействии с социализмом.

Гобетти ориентировался на элиту – пролетарскую и буржуазную. Представляя читателю свой журнал “Rivoluzione liberale”, Гобетти писал, что его задача – “формирование политического класса, который имел бы ясное представление о своих исторических традициях и в то же время о социальных потребностях, возникающих в связи с участием народа в жизни Государства”²⁹. Создавая теорию “элиты” он ставил целью воспитание “свободных душ”, способных в нужный момент поддержать инициативу народа, идущую снизу. Однако тот народ нужно должным образом воспитывать, просвещать, выделять в нем те элементы, которые необходимы для будущей жизни общества.

С этой точки зрения и “Советы” (в России) Гобетти рассматривал, как структуру, сформированную “снизу”, а потому она являлась инструментом, посредством которого решается проблема “свободы”. На этом и основана “либеральная ценность” диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата может представлять собой “новую элиту”. По утверждению Грамши, в мышлении Гобетти либеральные идеи “проецировались с феномена индивидуальности на феномен массовости, то есть на классы, воспринимаемые как коллективная индивидуальность”.

Централизованное государство тоже может быть либеральным, полагал Гобетти, если осуществление власти правительства сориентировано с инициативой снизу.

“Революционный либерализм” Гобетти формировался под значительным влиянием Грамши. Этому способствовало то, что Гобетти и

второму этапу творческого пути Гобетти, он выдвинул перед лицом наступавшего фашизма. Именно сознание того, что итальянский антифашизм потерпел крах в начале 20-х гг., а фашизм неотвратимо надвигается, заставило Гобетти высказать основные принципы своей либеральной концепции. В 1922 г. Гобетти создал журнал "Rivoluzione liberale", а год спустя издал книгу под тем же названием. Эта книга, как писал Гобетти, является "книгой по либеральной теории, ... изложением позитивной программы"³⁰ либерализма. Вместе с тем, по его же признанию, книга эта "предлагает читателю теорию правящего класса"³¹.

Италия, полагал Гобетти, нуждается в либеральной революции, чтобы стать современной нацией, то есть выполнить ту задачу, которую Рисорджименто выполнить не сумел. По сути дела "либеральная революция" Гобетти – это программа интегрирования рабочего движения в процесс функционирования капиталистической системы. Веру в историческую роль рабочего класса Гобетти сохранил до конца жизни. Единственные силы, способные к обновленческой деятельности, полагал Гобетти, – это рабочий класс и крестьянство. На них одних он возлагал надежды, как на силу, способную свергнуть фашизм, несмотря на то, что в те годы рабочее движение находилось в состоянии кризиса. "Современная промышленность, – писал он, – не может развиваться без одновременного развития сил пролетариата, его способностей самозащиты и наступления. Это ключевой момент всей будущей европейской истории". Но добиться победы рабочее движение может, если будет возглавлено "политической либеральной аристократией". Это и было ядро программы Гобетти – создание политической руководящей элиты, способной возглавить будущую революцию. С этой точки зрения Гобетти рассматривал фашизм, как явление временное, эпизодическое, существующее лишь до тех пор, пока рабочее движение, преодолев кризис, не наберет силу.

Гобетти, в отличие от Кроче, считал необходимым активное участие в политической борьбе. Лозунг Гобетти – "креативное присоединение к истории". Он даже утверждал, что его понимание Рисорджименто – это одна из форм полемики, которая позволит лучше понять его политическую позицию.

Под влиянием журнала Гобетти в Италии в 20-е годы возник ряд других журналов аналогичного направления: "Il Caffè" в Милане, "Pietre" в Генуе, "Rinascita liberale" в Риме и др. В своем же журнале Гобетти призвал к созданию "оппозиционных групп", которые и возникли во многих центрах страны и приобрели значительный вес в среде антифашистской оппозиции. Программа их деятельности была опубликована Гобетти в журнале "Rivoluzione liberale" 8 июля 1924 г. В эту программу входили пункты, которые могли рассматриваться как марксистские, включая признание необходимости создания рабочих организаций на основе принципа классовой борьбы.

Создавая теорию "элиты", Гобетти развил и дополнил идеи Гэтано Моска, у которого они носили далеко не столь демократический характер. Во времена Джолитти Моска полагал, что парламентский режим в Италии, сильно коррумпированный, не может выполнять положительной функции. Моска надеялся на полный крах демократического и парламентского режима и полагал, что есть не-

обходимость создания “правящего класса”, который бы выражал надежды и чаяния масс, уже созревшие и готовые к разрешению.

С приходом фашизма взгляды Моска несколько изменились. Теперь он видел в парламенте силу, которая гарантировала бы защиту прав меньшинства. Моска, однако, не отказался от концепции “элиты” или “правящего класса” – в создании такой структуры он видел возможности выхода из кризиса, охватившего либеральные институты в Италии.

Гобетти развил идеи Моска в значительно более демократическом ключе, пытаясь сочетать теорию “элиты” с теорией свободной политической борьбы.

На концепцию Моски о “правящем классе” опирался в этот период своего творчества и Г. Сальвемини. “История, – писал Г. Сальвемини, – делается не инертным большинством, не олигархией, находящейся в состоянии паралича. История совершается руками сознательного и активного меньшинства, которое, преодолев инерцию большинства, ведет его к новым условиям жизни, часто против его собственной воли”³². Весь ход истории, говорил Сальвемини, подтверждает правильность теории Моска. В то же время Сальвемини утверждал, что только в диалектическом единстве с массами меньшинство может осуществить свою миссию. Отказавшись от концепций социализма, отвергая принцип классовой борьбы, Сальвемини, по словам одного из его биографов, Массимо Сальвадори, совершил эволюцию от Маркса к Мадзини. Идеалом для Сальвемини был Карло Каттанео, которому в 1922 году он посвятил большое исследование.

Вслед за Кроче Сальвемини рассматривал фашизм, как перерыв, “болезнь” в поступательном развитии либерально-демократического государства. В эти годы несколько меняется его оценка либерального государства конца XIX – начала XX века. Сальвемини утверждал, что ни одно государство не смогло за столь короткий срок (с 1870 до 1920 г.) совершить такой значительный прогресс в политике и экономике. Правда, его оценка либерального государства не означала отказа от критики самого Джолитти (эти идеи он развел позднее, в своих работах после второй мировой войны), политика которого, согласно Кроче является вершиной развития либерального государства. По мнению Сальвемини, прогресс либерализма в Италии совершался не столько благодаря, сколько вопреки Джолитти. Главным завоеванием либерального режима был демократический метод, обеспечивший возможности для дальнейшего прогрессивного развития государства. Джолитти, с его практикой политики силы, применяемой по отношению к крестьянам Юга, нарушал демократический метод управления. И если фашизм означал перерыв в развитии государства, то Муссолини, как личность, являлся продолжателем методов Джолитти.

Фашизм, стремясь к власти, утверждал, что ограждает Италию от возможности прихода к власти коммунизма. Сальвемини отвергал такую аргументацию, подчеркивая, что к 20-м годам экономика Италии уже очевидным образом стабилизировалась после потрясений военного времени. Фашизм, таким образом, являлся бесполезным, неоправданным насилием, таким, каким был якобинский террор в годы Французской революции.

Центральное место рабочему движению отводил в своей концепции "либерального социализма" Карло Росселли. Не считая возможным возврат к дофашистским либеральным институтам, Росселли в то же время предостерегал от увлечения "коммунистическим экспериментом". Он предлагал не закрывать глаза на универсальную ценность формальных свобод, необходимых в современном обществе. Главная идея Росселли состояла в том, чтобы в новой концепции либерального социализма "проблемы социальной справедливости и общественной жизни" рассматривались "на том же уровне, что и проблемы свободы и индивидуальной жизни. Социализм должен стремиться стать либеральным, – писал Росселли, – либерализм – воплощением борьбы пролетариата"³³. "Новая европейская демократия, социалистическая по своему содержанию, должна была быть либеральной по духу"³⁴.

Социализм и либерализм, по мнению Росселли, не только совместны, но и имеют общие основы. "Социалистическое движение – это конкретный наследник либерализма... Социализм – это ни что иное, как логическое развитие, до самых крайних его последствий, принципа свободы"³⁵. Сближение либерализма и социализма происходит, как полагал Росселли, повсеместно и с той, и с другой стороны. Буржуазия отказывается от старых методов в связи с ростом и укреплением пролетарского движения. Социализм движется к "либеральной, даже в традиционном смысле слова, деятельности" при виде того, как новые способы производства приносят "в жертву личность рабочего". Рабочий в современном мире – раб. Социалисты требуют по сути равного распределения в мире буржуазных свобод. Росселли утверждал, что социализм в конечном счете, это философия свободы. "Либерализм – это идеальная вдохновляющая сила, – писал он, – социализм – практическая созидающая сила"³⁶.

Росселли в то же время делал принципиальное различие между "либерализмом" и "буржуазным либерализмом". Последний, по его мнению, "пытается остановить исторический прогресс на настоящей стадии, увековечить свое господство", в то время как первый "по своей сути историчен и относителен"³⁷. Либерализм осуществляется "во всех активных, революционных... силах истории"³⁸.

Современный социализм же уже отказывается от догматических принципов, требующих централизованной, колLECTИВИСТСКОЙ программы. "Преобладает тенденция в пользу таких форм управления, которые были бы как можно более самостоятельными, гибкими...: формы муниципальные, кооперативные, профсоюзные, гильдии, тресты смешанные формы, увязывающие общие интересы с частными, индивидуальные и семейные формы... и т.д."³⁹. Социалисты принимают и либеральные методы – согласие на смену у власти различных партий и т.д. Для того, чтобы все эти идеи были реализованы, считал Росселли, должен возникнуть "пакт о гражданстве" которых должен найти свое выражение в принципе непротого суверенитета и представительной форме правления, в уважении прав меньшинства в торжественном признании некоторых основных прав личностей в безупречном отказе от применения насилия"⁴⁰.

Еще важнейшую роль, полагал Росселли, в целях социалистической либеральной методики сыграли Европа, Америка, Япония и Австралия⁴¹. Последний из которых должен сделать следующее: из-

признать, что либеральный метод должен применяться при любых обстоятельствах, что неизменно должны уважаться права меньшинства, что должна царить полная и абсолютная законность.

Карло Росселли, вместе со своим братом Ненни, Г.Сальвемини и др., основал во Франции антифашистское движение "Справедливость и свобода". В 1942 г. это движение стало основой для созданной в тот год Партии действия – партии, к которой, кроме членов движения "Справедливость и свобода", примкнули также сторонники созданного в 1937 г. философами Гуидо Калоджеро и Альдо Капитини либерал-социалистского течения. Идеи либерального социализма в конце 30-х – начале 40-х гг. получили распространение среди университетской интеллигенции Италии.

Ответы на поставленные историей вопросы видного историка и идеолога либерализма межвоенного периода Гуидо Де Руджиеро были скорее умеренно-консервативными. Его наиболее известная книга – "История европейского либерализма", ставшая классическим исследованием либерализма, – была опубликована впервые в 1925 году, а затем дважды переиздавалась в годы фашизма – в 1941 и 1945 гг. Эта книга, как и работы Кроче, оказывала существенное воздействие на формирование антифашистского мышления в годы фашистского двадцатилетия.

В годы первой мировой войны Де Руджиеро был весьма близок к националистам, и его концепция будущего либерализма была неразрывным образом связана с его представлениями о национальных различиях. Исходя из этого, будущее либерализма он видел в создании итальянской национальной модели, которая наиболее адекватно способна решать вопросы национальной истории.

Хотя Де Руджиеро был противником авторитаризма и с самого начала не скрывал своих антифашистских убеждений, он не связывал будущего итальянского государства с рабочим и социалистическим движением, к которому относился с крайним подозрением. Более того причины кризиса либерализма в Италии он видел в увлечении представителей итальянской буржуазии идеями социализма, в попытке их конвергенции с либерализмом. Де Руджиеро был сторонником "чистого либерализма", открыто провозглашая свою "либеральную веру".

Кризис либерализма в Италии Де Руджиеро относил к тому времени, когда на смену Правой власти пришла Левая с ее либерально-демократическими тенденциями. "Расширение избирательного права, – писал Де Руджиеро, – распространение заботы правящего класса на дезорганизованную и аполитичную массу, способную рассматривать свои новые функции лишь как средство для достижения определенных привилегий, значительно ухудшили... политические и юридические структуры государства"⁴². Де Руджиеро противопоставлял либерализм демократии, предостерегая от опасностей, которые подстерегают на пути тех, кто проводит ее в жизнь. Более того, Де Руджиеро видел опасность авторитаризма как справа, так и слева, как в движении фашистском, так и в "коммунистическо-материалистическом".

Де Руджиеро предлагал в качестве средства для выхода из кризиса создание буржуазного блока, включающего различные компоненты и выигрывающего роль центра. Цель этого блока – построение ли-

берально-демократического общества, где уважались бы общественные интересы, но благодаря либеральным по сути порядкам не произошло бы "массификации". Де Руджиеро надеялся на создание такой либеральной партии, которая бы объединила все социальные силы, отказавшись, таким образом, от принципа классовой борьбы. Но главным для Де Руджиеро были не политические битвы и политические решения, которые он называл "вульгарной политикой", а возрождение "самого духа либерализма". Как ни парадоксально, благоприятным условием для этого возрождения Де Руджиеро считал господство фашизма, поскольку последний исключал возможности политической борьбы, но создавал особые условия для морального формирования, как основы для построения будущего общества.

Де Руджиеро, таким образом, все больше расходился с Гобетти, несмотря на первоначальное сотрудничество в журнале "Rivo-luzione liberale". "Революция" Де Руджиеро носила моральный, а не политический характер. Свобода имела для него символ абстрактного морального идеала – свобода и ценность человеческой личности, которая не может раствориться в безликом коллективе.

Следует сказать, что в 40-е годы Де Руджиеро временно отошел от своих принципов противопоставления политики морали. Он принял активное участие в антифашистской борьбе в рядах Партии действия, был арестован. Однако его послевоенные работы являлись, как сам он утверждал, подтверждением и разъяснением его позиции 1925 года.

После второй мировой войны либерализм в Италии играет весьма скромную роль. В это время можно наблюдать две тенденции его развития: одна, связанная с крочеанским идеализмом, другая – с теоретической и практической деятельностью итальянских либерал-социалистов (Гуидо Калоджеро) и социалистов-либералов (Карло Росселли и Партия действия, а также умеренное течение, представленное А.Омодео, М.Паджи, Л.Сальваторелли). Рупором идей сторонников Партии действия стал журнал "Lo stato moderno".

Позиции крочеанской школы после второй мировой войны сильно пошатнулись в связи с рядом обстоятельств.

Во-первых, идеология Кроче все больше отрывалась от реальной действительности постольку, поскольку новая Италия ничем не напоминала Италию прежнюю, дофашистскую. Неспособность осознать до конца изменения, произошедшие в стране в период фашизма и второй мировой войны, характеризовала всю либеральную послевоенную культуру крочеанского толка. И работы Кроче становятся все более и более пессимистическими. В статье "Considerazione sul problema morale dei nostri tempi"⁴³, он выдвигает идею морального кризиса общества, которую затем развил в работах "La fine della civiltà" и "Anticristo"⁴⁴. Источник кризиса общества – это иррационализм, а иррационализм в своем коллективном выражении – это тоталитаризм, термин, которым Кроче объединил коммунизм, фашизм и расизм.

В основе концепции Кроче в эти годы лежало утверждение необходимости адаптации социалистических принципов социальной справедливости, на базе которых может состояться обновление и возрождение либерализма.

Во-вторых, возрождение либерализма вызвало негативную реакцию со стороны марксистской и католической идеологии, но эта реакция была значительно смягчена после 1947 г., с началом публикации "Тюремных тетрадей" Грамши. Действительно, марксисты указывали на исключительную роль пролетариата в построении будущего общества, но пролетариат должен был действовать не изолированно, а вместе с другими социальными силами, в том числе и с теми, которые исторически являлись его соперниками. Крочеанская философия должна была быть диалектически включена в идеологическую систему общества.

Влияние Кроче все же сильно ощущалось, например, в оценке итальянскими учеными-либералами фашизма и дофашистского либерализма. Так Ф.Шабо, известный историк, последователь Кроче, хотя и признавал несовершенство итальянской либеральной системы, но не связывал с ее недостатками происхождение фашизма, а считал, что фашизм представлял собой явление совершенно нового типа.

Марксистские концепции оказали сильное воздействие на представителей либеральной идеологии. В первую очередь это сказалось на либеральной историографии. Под влиянием марксизма историки-либералы (например, такие крупные историки, как Розарио Ромео и Джованни Спадолини) стали уделять большее внимание социально-экономической тематике, что привело многих из них к переосмыслению итальянской истории, в частности, истории Рисорджименто. Так, Д.Спадолини утверждал в своей ранней работе, что "политическая борьба отражает уровень экономического развития: либерализм является выражением формирующегося капитализма, социализм – зрелого капитализма"⁴⁵. Он подчеркнул запоздалое утверждение капитализма в Италии и связал с этим тезис о консервативном характере итальянского либерализма.

Правда Джованни Спадолини, отдав дань этим новым веяниям в итальянской историографии, вновь вернулся в русло классической этико-политической школы. Позднее он писал, что "либерализм не может быть идентифицирован ни с какой экономической, даже с капиталистической, системой, не может быть связан ни с каким социальным строем"⁴⁶.

Но Спадолини понимал, что ценности либерализма, своего восхищения которыми он не скрывал, потерпели значительный урон после второй мировой войны. Он назвал этот период "осенью" Рисорджименто, сравнивая его с концом XIX века, когда впервые начали обесцениваться идеалы Рисорджименто. Период Сопротивления, полагал Спадолини, продемонстрировал возрождение таких "мифов" Рисорджименто, как волонтерство гарibalдийского типа, стремление народов к самоопределению, создание Республики в соответствии с идеалами Мадзини.

Важной проблемой после второй мировой войны оставалось взаимоотношение либерализма и либерализма. Луиджи Эйнауди был представителем экономического направления либеральной идеологии. Убежденный сторонник частной инициативы, Эйнауди отождествлял либерализм и либерализм и в свое время вступил в яростную дискуссию с Кроче по этому вопросу. По его мнению, политическая свобода неотделима от свободы экономической. Более того,

экономическая свобода по Эйнауди имеет значение высшей морали. “Никакого противоречия не существует между тем, что подсказывают человеку его личные интересы, и тем, что его сознание диктует ему, как долг перед будущими поколениями”. Таким образом, Эйнауди отождествляет экономическую свободу и этику.

Будучи последователем Адама Смита и Джона Стюарта Милля, Эйнауди был всегда противником того, что он называл “государственным социализмом”, противником любой формы протекционизма и господства монополий. В то же время он полагал, что нормы классического либерализма должны согласовываться с социальным законодательством, с тем, чтобы обеспечить принципы социальной справедливости и равенства возможностей для всех.

Эйнауди, подобно Кавуру, был горячим поклонником английского либерализма. По собственному его признанию, он был фанатичным читателем английских книг. По его мнению, английское либеральное государство возникло не благодаря следованию схемам какой-то политической концепции, но вследствие свободной деятельности нескольких поколений инициативных людей. Таким и должно быть государство, полагал Эйнауди – результатом деятельности суверенных личностей, чья воля свободно реализуется. Отсюда вытекает и убежденность Эйнауди в необходимости как экономического, так и политического плюрализма. “История учит нас, что не имеют будущего государства, которые навязывают всем единый жизненный идеал, единую систему ценностей”. Эйнауди явно выражал свое критическое отношение и к догмам любого рода – от религиозных до идеалов демократии в том случае, если она исключает одновременное существование любых других. Государство, по его мнению, может выполнять лишь одну функцию – контроля над исполнением законов, под защитой которых граждане могут осуществлять самую различную деятельность во имя самых различных идеалов.

В отличие от Кроче для Эйнауди кризис либерализма и приход к власти фашизма – это заключительный этап длительного процесса разложения итальянского государства: экономическая политика руководителей государства после 1876 г. (протекционизм по отношению к промышленному меньшинству, а затем, во времена Джолитти, также по отношению к рабочему классу) подорвала социальные и экономические основы страны. Протекционизм виновен в неэффективности итальянской промышленности, а также явился фактором, стимулировавшим коррупцию власти. Средний класс, бессильный положить конец такой политике, фактически самоустранился от политической жизни. Итальянская буржуазия видела в фашизме орудие, способное осуществить социальный мир. Даже Эйнауди тогда питал иллюзии в отношении того, что фашизм способен реализовать либеристскую экономическую программу.

Правда, Эйнауди допускал, что для осуществления подлинного свободного рынка необходимы какие-либо юридические ограничения. А позднее он пришел к мысли о необходимости для более полной реализации принципов либерализма в экономике вмешательства государства с целью ограничения власти искусственно громоздких монополий, которые по сути своей антилиберальны. Эйнауди был главным идеологом либерализма в Италии.

Среди произведений Эйнауди одним из наиболее значительных является *Lezioni di politica sociale* – яркий трактат по итальянскому экономическому либерализму⁴⁷. Каждому человеку, живущему в гражданском обществе, – утверждал Эйнауди, – должна быть дана возможность достижения более высокого уровня жизни. Возможность – это не то же самое, что право. Итальянская экономическая система не гарантирует человеку такого права, благодаря постоянному вмешательству государства в экономику и игнорированию принципов свободного рынка, что на деле приводит к защите интересов монополий.

Необходимость социальных реформ Эйнауди обосновывал еще в начале своей творческой деятельности. Эти реформы, считал он, служат цели эманципации рабочего класса. Эйнауди признавал высокий моральный потенциал социализма, но его идеи тогда не выходили за рамки реформизма.

Эйнауди обладал твердым представлением о правовом государстве и отождествлял права и законы с принципами морали. Государство, полагал он, должно принадлежать всем, защищать обездоленных и принципы социальной справедливости. Этим целям наиболее соответствует такая форма государства, в которой обеспечены и защищены прерогативы и исполнительной, и законодательной власти. Главной проблемой для Эйнауди была проблема защиты либеральных институтов, которые, по его мнению, только и могли обеспечить безопасность и социальную справедливость.

Эйнауди был в то же время и историком, и истоки современного либерального государства искал в пьемонтском государстве XVIII века. Идеалом для Эйнауди были принципы Рисорджименто, он преклонялся, подобно многим либералам, перед Кавуром и созданной им системой. Рисорджименто для Эйнауди было идеальным периодом истории еще и потому, что “открыло Италию для Европы”. Эйнауди был европеистом по своему мышлению, он противился любой форме национализма и проповедовал идею единой Европы и солидарности всех народов этого континента. Организация объединенных наций олицетворяла для него признание принципов либерализма, экономического сотрудничества наций, их экономической взаимозависимости. Отсюда последовательно вытекала и его защита идей федерализма внутри самой Италии.

После второй мировой войны Эйнауди активно сотрудничал с либеральной прессой, как например, *Risorgimento liberale*, *Italia e il secondo Risorgimento*, *Città libera*, *Libertà*, *La democrazia liberale*, *Il progresso liberale*, *Bollettino d'informazione del PLI*. В этот период (после 1947 г.) его отношение к дофашистскому либеральному государству несколько меняется. По утверждению Эйнауди, либеральные политики конца XIX – начала XX века стабилизировали на долгое время итальянскую валюту (лиру) и создали налоговую систему, сдавшуюся одной из лучших в мире.

Огромное значение для Италии имело избрание Луиджи Эйнауди президентом страны (1948-1955 гг.). Его работы в этот период – *Prediche inutili*, *Lo scrittoio del Presidente*⁴⁸ – показывают, что Эйнауди окончательно укрепился в своей либеристской концепции. Эйнауди в то же время напоминал, что задача государства – не дав-

развиться безработице. Эту мысль он высказывал еще в письме к Джорджо Ла Пира в 1950 г.

Философия Кроче и либерализм Эйнауди – всего лишь два аспекта послевоенного либерализма. Важно отметить их особую роль в воссоздании Либеральной партии и выработке ее программ.

В то же время период Сопротивления и политическая и идеологическая борьба вокруг разработки проекта итальянской конституции выявили большое разнообразие взглядов и политических позиций в лагере итальянских либералов.

Итальянской историографией пока не изучен политический и социальный состав тех групп, которые вкупе составили и дали жизнь возрожденной Либеральной партии. Однако общим для них всех была ориентация на модель дофашистского либерального государства, а также идеалистическая философская база. Главным также было отстаивание принципиальных позиций либерализма – свободной конкуренции, частной собственности и частной инициативы, либеральной философии.

Анализ либеральных групп середины 40-х гг. может основываться на изучении подпольной либеральной прессы: *Risorgimento liberale*, выходивший в Милане в 1944-45 гг.; *Quaderni del partito liberale*, в Милане же; *Movimento liberale*, возглавляемый Джован Баттиста Риццо и выходивший в Риме с 1 мая 1943 до 14 марта 1944 г.; на юге Италии выходили брошюры, написанные Б.Кроче; выпел также ряд работ, опубликованных в приложении к *Оришоне* в Пьемонте в конце 1944 – начале 1945 гг.

Центральной проблемой для послевоенного либерализма была тема “гарантий свободы”, вызванная, разумеется, длительным периодом бесправия и полного подавления свободы. Многие либералы в первые послевоенные годы заговорили о кризисе идеала свободы. Практически в дискуссиях по проекту конституции вопрос о “гарантиях свободы” выразился не только в обсуждении проблемы границ власти, проблемы децентрализации, но и в стремлении четко обозначить взаимоотношения между институтами власти, имеющими юридические права, и общественными организациями, каковыми были партии, профсоюзы и т.д. Вклад в подобного рода дискуссии был внесен либеральными католиками, являвшимися сторонниками децентрализации и региональной автономии, что и было зафиксировано в программах Христианско-демократической партии. Среди других вопросов, которые вызывали разногласия в среде либералов, следует упомянуть предложения об усилении президентской власти, а также об уменьшении роли партий, как посредниц между юридическими институтами и гражданским обществом.

Как и раньше, одной из основных проблем либеральной идеологии оставалась проблема равенства и социальной справедливости. В применении к послевоенной действительности это означало переосмысление роли государства и власти вообще в области экономической политики. Следует, однако, отметить, что в области социально-экономических концепций послевоенный либерализм продемонстрировал более всего разнообразие подходов и взглядов. Если Эйнауди и его сторонники были последователями либерализма в чистом виде, то на другом полюсе мы видим сторонников либерал-социализма, в основе которого лежали концепции Карло Росселли и Гаэтано Саль-

вемини. В устах либералов звучит требование смешанной экономики, а также необходимости планирования, как на государственном уровне, так и на уровне частного предпринимательства.

Как уже было сказано, единственным стержнем для послевоенных либералов была ориентация на дофашистскую модель государства. Это, однако, не означает, что это дофашистское государство понималось всеми однозначно. И это объясняет, в частности, почему на либерализме 50-х гг. оказались разногласия по вопросу о роли государства. Возвращение к дофашистской модели государства по сути означало воссоздание конституционно-плюралистского государства. Но обсуждение проблем итальянской конституции выявило значительный след в идеологии части либералов той линии, которая прослеживается от концепций Берtrandо Спавенты до философии Джованни Джентиле. Речь шла о той концепции государства, которая в свое время заставила Джентиле перейти открыто к поддержке фашистской идеологии, более того, стать одним из идеологов фашистского государства, и тем самым проложила линию раздела между Джентиле и другими либеральными философами, в частности между Джентиле и Кроче.

Основные газеты и журналы либеральной ориентации в эти годы, в которых дискутировались проблемы либеральной философии и политики, были: *Risogimento liberale*, *La libertà*, *L'opinione*, *La città libera*, *La nuova Europa*, *Critica liberale*, *Lo stato moderno*. Особую роль играл журнал "Politecnico", возглавлявшийся Витторини.

Lo stato moderno можно было назвать журналом либеральной ориентации лишь частично. Им руководил Марио Паджи, в числе его сотрудников были видные деятели Партии действия – Риккардо Бауэр, Эрнесто Росси и Лео Валиани. Журнал ориентировался на правое крыло Партии действия. В журнале обсуждались проблемы перехода от либерализма, как идеологии, к либерализму, как к политической партии. Главными стали вопросы о том, на какой программной основе будет воссоздана Либеральная партия, а также на какие социальные слои она будет опираться – на буржуазный блок, как некогда предлагал Де Руджиеро, или на четко обозначенный слой идеалистически настроенной буржуазии. В конечном итоге Либеральная партия обращалась к средним слоям "вообще" и этим мало чем отличалась от других светских партий этих лет.

Присутствие в составе либеральных идеологов членов Партии действия очень важно, так как позволяет установить идеологическую преемственность между линией представителей этого течения и философией Карло Каттанео и Гаэтано Сальвемини. Однако левое крыло партии вскоре (в 1955 г.) откололось от нее.

Итальянская Либеральная партия была воссоздана в 1943 г. и в 1943-1947 гг. ее возглавлял Кроче. В 1947 г. Итальянская Либеральная партия стала членом Либерального Интернационала.

Очень важной характеристикой Либеральной партии было то, что она не создала своей собственной четко сформулированной развернутой программы. Это было связано во многом с влиянием Кроче, который продолжал защищать не столько партию, сколько предпартию, нечто сродни существовавшим ранее "группам интересов". Хотя позднее это влияние и было в значительной степени преодолено, Либеральная партия все же имела довольно аморфную структуру.

ру. Создание программы затруднялось и из-за разнородности входящих в партию элементов. Вместо четкой программы Либеральная партия руководствовалась общими принципами либерализма, такими как либерализм, правовое государство, свобода частного предпринимательства. Таким образом, Либеральная партия в послевоенные годы практически не выступала с политическими инициативами, а лишь поддерживала законодательные инициативы других партий, с которыми блокировалась. Такая позиция была связана и с тем, что после смерти Кроче Либеральная партия так и не выдвинула ни политического лидера подобного уровня, ни теоретика партии.

Важно отметить также то, что уже в 1946 г., проголосовав за сохранение монархии, Либеральная партия отодвинула себя на правый фланг политической жизни. Эту роль она продолжает выполнять в течение всего послевоенного периода, несмотря на некоторые колебания, связанные, к примеру, с кратковременным присутствием в партии (1951-1955 гг.) левых либералов. Это сказывается в пренебрежении ею многими наиболее существенными проблемами жизни общества, как, например, социальными проблемами – Либеральная партия уделяет большое внимание вопросам стабильности итальянской валюты, но не занимается аграрным вопросом. Многие итальянские либералы выражают недовольство тем, что Итальянская Либеральная партия, по их мнению, предала не только интересы средних слоев, которые она призвана защищать, но и идеалы либерализма.

Вышедшая из Либеральной партии в 1955 г. группа левых либералов, вместе с группой диссидентов-социалистов Альдо Гароши, объединилась вокруг еженедельника *Mondo*, во главе которого с 1949 по 1966 г. стоял Марио Паннуцио. Сотрудники журнала стремились совместить философию Кроче с концепциями Г.Сальвемини. Они указывали на путь – “светский, прогрессивный, реформистский”. Журнал стремился к созданию либерально-демократических левых движений в Италии. Группа, объединявшаяся вокруг журнала – *Amici del Mondo* – организовала ряд имевших большой резонанс конференций и конгрессов по принципиальным темам экономики и политики: монополии (1953), ядерная энергия и электричество (1955), нефть (1955), школа (1956), взаимоотношения церкви и государства (1957), печать (1958) и условия гражданских и политических свобод в Италии (1960).

Идеи либерального социализма получили мощное развитие в трудах Норберто Боббио, одного из крупнейших теоретиков и философов послевоенной Италии, чьи взгляды получили особенно большой резонанс в 70-е – 80-е гг. Родившись и выросши в Турине, Боббио уже в молодости примкнул к кружку интеллигентов, последователей Пьеро Гобетти. Позднее Боббио участвовал в основании Партии действия и принял непосредственное участие в антифашистской борьбе, был дважды арестован. Но после окончания войны Боббио отходит от политической деятельности. Не примыкая официально ни к одной из политических партий, Боббио становится чистым теоретиком, чьи работы используются левыми партиями, в том числе социалистической и коммунистической.

Объявляя себя продолжателем традиций просветителей XVIII века, Н.Боббио говорит о том, что принимает их основные постулаты,

такие как вера в разум и надежда на практическое применение знаний в истории, но более скептично относится к их идеи прогресса. В этом смысле Боббио называет себя “пессимистическим просветителем”.

Развивая концепции Гобетти, Боббио утверждал, что политические и гражданские свободы – это не исключительная принадлежность буржуазного общества, они универсальны и должны быть конечной целью развития всей человеческой истории. Демократия возможна лишь при полной гарантии правового государства⁴⁹.

Отвергая любую форму диктатуры, Боббио вместе с тем утверждает, что социализм – это “идеал, который заслуживает осуществления”, но “его историческое воплощение в жизнь, построенное на неверных теоретических предпосылках, не может быть признано”⁵⁰.

В то же время Боббио считает, что концепция социализма в современном обществе пошла по неверному пути. Он полагает, что необходимо вернуться к ее исходным принципам, к ее основной цели. Единственный путь спасения современного общества, утверждает Боббио, – это развитие демократии, “предусматривающее контроль со стороны всех над земными благами и их равное распределение таким образом, чтобы не было больше, с одной стороны, всемогущих, а с другой – обездоленных, а это и именуется социализмом”⁵¹.

Но какой социализм нужен Италии? – задает вопрос Боббио. Нельзя сказать, что он дает ответ на этот вопрос. Однако Боббио призывает обратить внимание на некоторые существенные моменты, в частности, на вопрос о соотношении социализма и демократии. “Нужно всерьез заняться вопросом, – пишет Боббио, – почему там, где был осуществлен социализм, нет демократии..., а там, где соблюдаются правила демократической игры, социализма пока нет и нельзя надеяться на его скорое появление”⁵². Боббио упрекает марксистов в недооценке гражданских и политических свобод. Вообще, Боббио обращает внимание на полное отсутствие, по его мнению, “теории социалистического государства или социалистической демократии”. Это происходит потому, что марксизм, ориентируясь на неверную концепцию об отмирании государства, больше обращал внимание на вопрос о том, как завоевать власть, чем на то, как ее усовершенствовать. Убежденный сторонник демократии, Боббио полагает необходимым создание такого строя, который “был бы одновременно демократическим и социалистическим”⁵³. Решение этой задачи лежит, по его мнению, в области демократического контроля над экономической властью.

Однако демократию Боббио также понимает не однозначно. Боббио утверждает, что демократия динамична и вместе с тем призывают задуматься над тем фактом, что усиление демократии означает в то же время усиление бюрократии, неизбежное расширение бюрократических институтов. Боббио также противник плебисцитов. “Расширение процесса демократизации должно ныне заключаться не в переходе от представительной демократии к прямой, как это обычно утверждают, а в переходе от политической демократии к социальной”⁵⁴. Еще раз подчеркивая значение гражданских и политических свобод, Боббио утверждал, что “демократия в Италии может быть создана только на основе этих универсальных прав на свободы в либеральной традиции”⁵⁵. Демократия, по мнению Боббио, это и

гарантия правового государства. “Если бы меня не как ученого, а как политического деятеля спросили о моих симпатиях, – писал он, – я бы без малейшего колебания отдал предпочтение правлению законов, а не правлению людей. Правление законов достигло ныне своего триумфа в демократии... Демократия есть правление законов”⁵⁶.

Но утверждая необходимость сочетания демократии и социализма, Боббио, как он и сам говорил, не предлагает “третий путь” развития. Не существует “третьего пути”, утверждает Боббио, существует “третья сила”. Эта третья сила должна находиться в центре партийно-политической системы Италии. Эта третья сила должна, по логике, быть представлена республиканской, социал-демократической и либеральной партиями. Парадокс заключается в том, что Италия “почти утеряла классическую либеральную партию, партию просвещенной буржуазии, способную править страной, находясь в центре политического спектра”⁵⁷. Современная Либеральная партия предлагает решения с откровенно консервативных позиций. Работы Боббио поэтому имеют большое практическое значение для выработки политических решений левыми партиями.

Что касается Либеральной партии, то она продолжала оставаться в русле консервативной идеологии. В 1971 г. ее секретарь Малагоди объявил о принятии партией программы “новой свободы”. Этот новый курс, по существу, означал вступление партии на путь “неолиберализма”. Новый секретарь Дзаноне, избранный в 1976 г., объявил о недопустимости превращения “либеральной демократии” в “массовую демократию”. Дзаноне утверждал, что государство должно оказывать поддержку лишь тем силам в стране, которые являются реальными производителями, т.е. промышленным кругом. Это предлагало снижение расходов на социальные нужды и увеличение вложений в промышленность.

“Неолибералы” 70-х – начала 80-х гг. уделяли большое внимание экономике, ориентируясь на традиционные для умеренного либерализма идеи и указывая в качестве модели на развитие итальянской экономики в 50-е годы, когда преобладала экономическая концепция Эйнауди. Во второй половине 70-х гг. эти идеи начали распространяться довольно широко. Ими руководствовались не только члены Либеральной партии, но и Республиканской, и Христианско-демократической. Лидерами неолиберального направления являются Франко Маттеи, президент Фонда Л.Эйнауди, и Марио Монти, профессор Университета Боккони. Журнал “Mondo economico” назвал Ф.Маттеи человеком, “которому принадлежат заслуги в организации практически всех инициатив по распространению в Италии неолиберальных идей”⁵⁸.

Итальянские неолибералы руководствуются лозунгами “экономической и политической свободы” и берут на вооружение концепции монетаризма. Однако нынешние неолибералы в Италии вынуждены считаться с опытом государственного вмешательства в экономику, который сегодня практикуется в итальянском государстве и который существовал практически всегда. Поэтому неолибералы не отрицают полностью возможность государственного вмешательства, но призывают соблюдать осторожность и ограничивать его. Идеалом для итальянских неолибералов является господство свободного рынка, который “в отличие от политической демократии обес-

печивает полное пропорциональное представительство и способен осуществить не только проведение в жизнь воли большинства, но и защиту интересов меньшинства". И все же государство обязано "исправлять несовершенство рынка"⁵⁹.

Социальная политика неолибералов нацелена на пересмотр социальных реформ 60-х – 70-х гг. Их принципы либерализации предусматривают отмену многих завоеваний трудящихся классов (реальное сокращение заработной платы с целью освобождения средств для расширения инвестиций в экономику, увеличение рабочего дня – "либерализация в определении продолжительности рабочего времени"), ограничение расходов на социальные нужды. По мнению неолибералов, именно неоправданный рост заработной платы, вмешательство профсоюзов в управление государством являются причиной экономического кризиса, охватившего итальянское общество в начале 70-х гг. Этой цели должна была служить выдвинутая правительственными кругами (а идеи неолиберализма были взяты на вооружение правительствами Италии 80-х гг.) концепция "социального пакта", по которому между различными социальными группами должны складываться "отношения солидарности". Эти "отношения солидарности" должны привести к "отмене диктата профсоюзов". Видный экономист Эцио Тарантелли выдвинул идею "программируемой инфляции", предусматривающую торможение роста заработной платы. Лидер Либеральной партии В.Дзаноне подчеркнул, что такая политика имеет целью снижение инфляции.

Характерно для Италии то, что в сферу политики "неолиберализма" была вовлечена и Социалистическая партия, сильно поправившая под руководством Беттино Кракси.

Теории неолиберализма широко распространились в Италии и получили значительный перевес в конце 80-х – начале 90-х гг. Однако современный политический кризис, охвативший Италию, оставляет возможности для альтернативных путей развития либеральной идеологии.

¹ Giolitti G. *Discorsi parlamentari*. II. Roma, 1954, P.725.

² Giolitti G. *Memorie della mia vita*. Milano, 1967, P. 157-158.

³ Яхимович З.П. Становление концепции прогрессивного либерализма Джованни Джолитти (1882-1900 гг.)// Проблемы итальянской истории. М., 1993. С. 93.

⁴ Яхимович З.П. С. 93.

⁵ Giolitti G. *Discorsi parlamentari*. II P. 667.

⁶ Ibid. P. 673

⁷ Ibid. P. 726.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid

¹¹ Гаджиев К.С. Карочки Дж. Джолитти и его эпоха// Эволюция политической стратегии буржуазии XIX-XX вв. М.: ИНИОН, 1974. С. 119.

¹² 11-16 ноября 1922 г.

¹³ Цит. По: Яхимович З.П. С. 100.

¹⁴ Giolitti G. *Discorsi parlamentari*. IV Roma, 1956, p.321.

¹⁵ Ibid., p.611

¹⁶ Croce B. Il presupposto filosofico della concezione liberale. 1927; Concezione liberale come concezione della vita. 1927, Principio, ideale, teoria: a proposito della teoria filosofica della libertà 1939; Ancora sulla teoria della libertà. 1943.

¹⁷ Например: Croce B. Di un libro sulla libertà in Italia// Scritti e discorsi politici (1943-1947). Bari, 1963.

¹⁸ Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. 1928.

¹⁹ Croce B. Principio, ideale, teoria...

²⁰ Croce B. La storia come pensiero e come azione... P. 49.

²¹ Maturi W. Rileggendo la "Storia d'Italia" di Benedetto Croce// Cultura moderna. I. 1952. 6. P. 13.

²² Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. 1928. P. 203.

²³ Croce B. I partiti politici e il loro carattere storico// La storia come pensiero e come azione. Bari, 1945. P. 223-224.

²⁴ Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956. P.468/

²⁵ Gobetti P. La Rivoluzione liberale. Torino, 1974, P. 37.

²⁶ Esperienti di socialismo// Gobetti P. Scritti politici. Torino, 1960. P. 151.

²⁷ Le riviste di Piero Gobetti. Milano, 1961, P. 105-106.

²⁸ Письмо Аде Просперо (Гобетти), опубликованное в Il Contemporaneo. 24 апреля 1954.

²⁹ Rivoluzione liberale. 12 febbraio 1922.

³⁰ Gobetti P. La Rivoluzione liberale. Torino, 1974. P. 192.

³¹ Ibid. P. 192.

³² Salvemini G. Scritti sul Risorgimento. Milano, 1961, P. 434.

³³ Росселли К. Либеральный социализм. Roma, 1989. С. 116.

³⁴ Кракси Б. Предисловие// Росселли К. Либеральный социализм.

C. 11.

³⁵ Там же. С. 119, 120.

³⁶ Там же. С. 121.

³⁷ Там же. С. 121-122.

³⁸ Там же. С. 124.

³⁹ Там же. С. 129.

⁴⁰ Там же. С. 131.

⁴¹ Там же. С. 138.

⁴² De Ruggiero G. Storia del liberalismo europeo. Bari, 1971, P. 327.

⁴³ Croce B. Considerazione sul problema morale dei nostri tempi// Pensiero politico e politica attuale/ Scritti e discorsi. Bari, 1945. P. 139-159.

⁴⁴ La fine della civiltà e L'Anticristo che è in noi// Filosofia e storiografia Bari, 1949.

⁴⁵ Spadolini/ Lotta sociale in Italia. Firenze, 1948. P. 22

⁴⁶ Spadolini G. L'Italia della ragione. Lotta politica e cultura nel novecento. Firenze, 1978. P. 547.

⁴⁷ Einaudi L. Lezioni di politica sociale. Torino, 1949.

⁴⁸ Einaudi L. Prediche inutile. Torino, 1956; Lo scrittoio del Presidente (1948-1955). Torino, 1956.

⁴⁹ Более подробно о концепции Боббио см.: Любин В.П. Общественно-политические взгляды Н. Боббио. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1991.

⁵⁰ Там же. С. 21.

⁵¹ Там же. С. 35.

⁵² Там же. С. 46-47.

⁵³ Там же. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 54-55.

⁵⁵ Там же. С. 61.

⁵⁶ Там же. С. 68.

⁵⁷ Цит. по: Италия в середине 80-х годов. М.: ИНИОН, 1987. Ч. 2. С. 109.

⁵⁸ Petracca O. Chi guida la rivoluzione neoliberale// Mondo economico 1983. 24. Р 44.

⁵⁹ Дубинин С.К. Современный этап развития “неолиберальной” экономической концепции в Италии// Актуальные экономические и социальные проблемы Италии. М., 1986. С. 60.

Глава 10. СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ: МОДЕЛЬ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Либеральная традиция после второй мировой войны была представлена во Франции различными группировками "независимых" и "умеренных". Сколько-нибудь крупной либеральной партии не сложилось: ею не сумели стать ни Национальный центр независимых (1948 г.), ни Демократический центр (1965 г.), ни Республикаанская партия независимых (1962 г.). Ее внутреннее единство проявилось не на организационном уровне, а в системе мышления, связанной с традициями орлеанизма.

Следует отметить, что само понятие "либерал" во Франции наполнено иным смыслом, чем в ряде других западных государств. Консервативный характер французского либерализма (во многом объясняющийся ростовщическим характером французского капитализма, преобладанием интересов финансового капитала над промышленным), резкая поляризация общественно-политической жизни на правых и левых, тормозили и сужали возможность его обновления, пересмотра классических индивидуалистических постулатов. Следствием было то, что само определение "либеральный" воспринималось общественным сознанием как "консервативный", "капиталистический", "правый".

Поэтому проблема идентификации либерализма во Франции упирается не столько в исследование партийных структур, сколько в классификацию политических сил на основе либерально-консервативных кригериев¹.

В послевоенный период либеральные взгляды были сильно поддержаны элитарными, видевшими в государстве основную силу по социально-экономическому реформированию общества. На этих позициях стояли вновь возникшие массовые партии - Христианско-демократическое Народное республиканское движение (МРП), голлистское Объединение французского народа (РФП), и, наконец, партия голлизма у власти – Союз за новую Республику (ЮНР, впоследствии ЮДР, ОПР)

Основные вехи этого периода в истории либеральной правой, наследницы пост-орлеанистской традиции - объединение раздробленных группировок умеренных в Национальный центр независимых в 1948 г; превращение Независимых в одну из основных политических сил Четвертой республики, установление Пятой республики и раскол Национального центра независимых на группировку, оппозиционную голлизму, и на группу Независимых республиканцев (впоследствии Республиканская партия ИР), поддержавших режим в коалиции с правящей голлистской партией ЮНР

Идер Независимых республиканцев Валери Жискар д'Эстен был министром финансов в ряде правительств Пятои республики, а в 1974-1981 гг. президентом. С его именем связана операция по теоретическому и практическому обновлению французского либерализма в 60-70-е годы, известная под названием "передовое либеральное общество". Проект Жискара д'Эстена был направлен на создание "современного демократического общества, либерального по своей структуре передового по высокому уровню экономических достижений общества солидарного по уровню социального и культурного развития", как определил его А. Бrimo². Новое в подходе Жискара заключалось

развития", как определил его А.Бrimo². Новое в подходе Жискара заключалось в том, что он отошел от теорий, для которых первичным был экономический анализ, и исходил из потребностей человека.

В целом речь шла о попытке разработать обновленную реформистскую модель либерализма с неизбежным для нее уделением повышенного внимания социальной сфере.

Отношения независимых республиканцев с голлистской ЮНР были весьма сложными: этот "брак по расчету" не мог скрыть разницу политических концепций двух группировок³. Независимые республиканцы считали голлизм времененным явлением, которое обречено на упадок с уходом генерала с политической арены, а это создавало проблему наследования власти. Стержнем политической силы – преемники голлизма – должны были стать независимые республиканцы; вокруг них объединились бы центристы, в позициях которых Жискар д'Эстен не видел расхождений со своими собственными взглядами. Вера в устойчивость праволиберальной и центристской традиций стала основой политического расчета независимых республиканцев.

На протяжении всей предыдущей истории политические группировки независимых и центристов не проявляли склонности к доктринальным или идеально-программным разработкам. В условиях Франции с устойчивым и отчетливым расколом ее политических сил на два лагеря – правый и левый – именно последний, с эпохи Народного фронта и в течение первых послевоенных десятилетий, воспринимался как носитель прогресса. Поэтому, как признавал директор еженедельника "Эспри" П.Тибо, "в наше время духовная мысль правых может говорить лишь языком предупреждений, ей остается лишь обличать безрассудство левых"⁴. К этому следует добавить, что во Франции "дирижизм" традиционно считается "левой", а экономический либерализм – правой ориентацией. Неприязнь пост-орлеанистских группировок к теории диктовалась и соображениями тактического порядка – нежеланием "связывать себе руки" идеальными построениями, которые ограничивали бы привычную свободу маневра, накопленный за многие годы опыт лавирования в сложных лабиринтах парламентского партийно-политического механизма.

Однако в 60-е годы отношение к идеальным разработкам стало меняться, прежде всего в голлистской среде. В 70-е годы реформистская тема заняла видное место и у лидеров независимых республиканцев. В эти годы публикуются труды В.Жискар д'Эстена, М.Понятовского, Ж.-П.Суассона, Ф.Мало и др., заполнившие идеальный вакuum. В них постепенно складывался образ неолиберальной альтернативы развития общества.

В этом плане весьма показательна книга Филиппа Мало, одного из лидеров независимых республиканцев, озаглавленная "Либеральная революция". В итоге почти монопольного влияния левых идей в общественном мнении, отмечал он, распространилось представление, что либерализм изжил себя, и программы, созданные на его основе правоцентристскими партиями, не имеют будущего. Но в действительности, доказывал Мало, "либерализм во Франции не исчерпал себя, он просто никогда по-настоящему не применялся в правительственный политике, во все времена ориентированной на бюро-

кратически-административные методы. Хотя французы всегда отличались склонностью к индивидуализму и анархии, требуя для себя всевозможных свобод, одновременно их характерной чертой было отсутствие духа свободного предпринимательства⁵. Историческими причинами данного явления послужили чрезмерная централизация и бюрократизация государственного управления, длительное господство католической церкви, насаждавшей презрение к "торгашеской прибыли".

Единственным периодом, благоприятным для развития экономического либерализма, были годы Второй империи, когда во Франции были заложены основы промышленной инфраструктуры. Однако в Третьей республике (1875-1940 гг.), по мнению Мало, опять возобладал "ложный либерализм". С победой Народного фронта в 1936 г. к власти пришла "дирижистская технократия", не выпустившая ее из рук. Только в годы Четвертой республики (1944-1956 гг.), в период нахождения у власти представителя независимых Антуана Пинэ, были приняты меры по ослаблению власти бюрократии и созданию более благоприятных условий для свободного предпринимательства.

Однако с установлением Пятой республики, с ослаблением роли парламента и технократизацией правительства, власть администрации снова стала всесильной, а дух либерализма ослабел. Технократы несут ответственность за монополизацию экономики, "одну из особенностей французского капитализма, действительно подлежащих критике, ибо монополия влечет утяжеление структур и потерю энергии, обусловленных отсутствием конкуренции"⁶, – рассуждал Мало. В существовании "экономики безхозяйственности и разбазаривания" повинны прежде всего государство с его постоянно умножающимися, дорогостоящими и бесполезными административными службами и левые силы, которые, живя за счет капитализма, постоянно пытаются подорвать его устои. Бюрократическое планирование ведет не только к экономической неэффективности, но и к угрозе для политических свобод. "Либеральная альтернатива", подчеркивал Мало, требует убедительной подачи либеральных убеждений, четкой идеино-политической позиции, идеологической непримиримости к противнику.

Основой "либеральной альтернативы" независимых республиканцев стала книга В.Жискар д'Эстена "Французская демократия", в которой были намечены пути обновления классического либерализма с целью создания "передового либерального общества"⁷. Это был своеобразный, несколько запоздавший вариант французского социального либерализма, попытка включить идеи социального реформаторства в систему либеральных постулатов. "Новый либеральный проект" противопоставлялся как классической капиталистической модели, так и социалистической. Согласно определению авторов книги "Жискаровцы" Б.Леконта и К.Соважа, его выразители стремились найти "третий путь" между капитализмом и социализмом⁸. Впрочем, они были недвусмысленны в том, что это общество должно строиться на либеральных принципах – частная инициатива, обладание собственностью как гарантом свободы, оппозиция всему, что ведет к чрезмерной концентрации власти в руках государства. Тем не менее, современная экономика допускает государственное вмеша-

тельство, которое должно сводиться к соблюдению равновесия в главных областях и ориентированию экономики в сторону создания конкурентоспособных структур, главным образом, путем создания глобальной системы экономической информации.

Стройневым же в концепции "передового либерального общества" была ставка на промышленный рост, поощрение нововведений и предпринимчивости как главного пути увеличения общественного богатства и, следовательно, повышения уровня жизни малообеспеченных слоев. В основе его лежал известный тезис экономиста Жана Фурастье, согласно которому чем обширнее "экономический пирог" общества, тем большие куски его достанутся всем слоям общества, включая неимущих.

В условиях Франции такая концепция означала существенный сдвиг в менталитете французских буржуа, традиционно предпочитавших осторожность, накопительство, финансовые операции предпринимчивости и риску. Эта качества поощрялись протекционистской торговой политикой государства, преобладанием финансового капитала над промышленным, существованием колониальной империи. Отныне же в центре внимания независимых республиканцев оказался экономический рост, техническое перевооружение и качественная перестройка структуры всей экономики. Достижение этих целей должно было наилучшим образом послужить решению социальных проблем. Ф. Мало, лидер Национального центра независимых и крестьян, выразил так эту точку зрения: "Всемерное поощрение духа предпринимательства, стремления к нововведениям – такова должна быть сущность либеральной экономической политики; это единственная возможность добиться удовлетворения материальных нужд, повышения жизненного уровня"⁹.

Но экономический рост – не самоцель, он служит в конечном счете повышению уровня солидарности в обществе. Развитием этой мысли был выдвинутый в 70-е годы тезис "нового", "гуманного" роста, предполагающего некоторое замедление темпов количественного роста производства с тем, чтобы уделить больше внимания его качественным аспектам – культуре, здравоохранению, образованию, защите окружающей среды.

"Справедливость требует, – писал Жискар д'Эстен, – уничтожить привилегии и нищету, бороться с дискриминацией"¹⁰. Это – главное поле деятельности для государства: именно оно "должно играть гораздо более активную роль в социальных процессах". По его мнению, современная рыночная экономика вполне способна обеспечить своим гражданам необходимый прожиточный минимум. Однако не следует отождествлять неравенство и различие, которое неизбежно и необходимо, чтобы поощрять усердие, талант, риск и ответственность. Различия и неравенство в обществе, подчеркивал Жискар д'Эстен, вещи отнюдь не тождественные: различия между людьми естественны, ибо люди рождаются с разными природными способностями и наклонностями. Более того, материальные условия их жизни тоже неодинаковы и зависят от профессии, занимаемой должности и т.д. Это справедливо, но до известных пределов. Задача состоит в том, чтобы выявить грань между различиями и неравенством, несправедливостью, постепенно устранивая последнюю в четырех основных областях – доходах, потреблении, доступе к медицинскому об-

служиванию и образованию. Особые усилия следует сосредоточить на облегчении возможностей перехода из одной группы в другую. Целью социальной политики, повышения уровня жизни и образования должно стать расширение "среднего класса", который постепенно и мирно интегрирует все французское общество.

Жискар д'Эстену в годы президентства удалось осуществить некоторые из предложенных реформ (снижение возраста юридического совершеннолетия, включая право голосования, до 18 лет, легализация абортов, законодательное урегулирование проблем развода и др.). Он приложил усилия к проведению налоговых реформ, стремился к регионализации сильно централизованного государственного аппарата: политический либерализм выражался в требовании усиления роли парламента и сената и поиска "диалога" с правительством. В то же время был одобрен принцип избрания президента всеобщим голосованием, как условие "политической стабильности".

Олицетворением либерализма в современной Франции принято считать деятельность и установки, которых придерживается Союз за французскую демократию (СФД) – федерация небольших партийных группировок, объединившихся в 1978 г. вокруг Жискара д'Эстена. Либералами их можно назвать как по принципу самоидентификации, так и потому, что их лидер Валери Жискар д'Эстен на протяжении всех лет оставался либералом в общепринятом значении этого слова. На всех этапах своей политической карьеры он неизменно высказывался за менее централистский и авторитарный стиль управления (принцип "да, но..."), ослабление роли государства в жизни общества, а также за расширение гражданских прав в современном обществе.

В то же время СФД не смогла превратиться в мощную единую либеральную силу: она является коалицией трех партий, каждая из которых имеет свою историю и идеино-политические особенности. Республикаанская партия – наследница прежних независимых и умеренных, то есть традиций орлеанизма; Центр за социальную демократию (ЦСД) – последователь христианских демократов республиканского толка; Радикальная партия продолжала традиции республиканизма и антиклерикализма. ЦСД стремился продолжать дирижистскую линию послевоенного МРП (Народное республиканско-демократическое движение – партия христианско-демократическая), тогда как правые радикалы не принимали идеи усиления роли государства в социально-экономической сфере. В союзе друг с другом партии удерживала, во-первых, оппозицию к голлизму (еще не подвергшемуся трансформациям последних лет, произведенных Ж.Шираком) и к "коллективистской" практике социалистов; во-вторых, приверженность либеральным идеям Жискара д'Эстена, высказанным в его книге "Французская демократия".

Либерализм Раймона Барра, видного лидера СФД, отличает более высокая степень pragmatизма и внимание к "традиционным ценностям", персоналистский подход. По его мнению, либерализм должен служить философским ориентиром, но политическому деятелю необходима свобода рук и внутренняя независимость от доктрины. С этих позиций Барр фактически попытался осуществить синтез идейных традиций французской правой. Из голлистского наследия он заимствовал позитивное отношение к институтам Пятой республики.

лики. В то же время он не принимал дирижистских методов в социально-экономической области, выступая за "восстановление экономической нейтральности государства".

Экономика XX века не может обойтись без опоры на государство, которое, подчеркивал Барр, является гарантом свобод и соединяет интересы отдельных предпринимателей с общим интересом нации. Тем более нельзя не учитывать той роли, которую исторически играет государство во французском обществе. В XVII и XIX веках, – подчеркивал Барр, – оно способствовало развитию французской экономики, хотя, конечно, не могло исправить всех дефектов "рантьерского капитализма". Оно играло важную роль в развитии социальной сферы. После второй мировой войны его деятельность стала решающей в восстановлении французской экономики¹¹.

Французское общество, в оценке Р.Барра, отличается от классической либеральной модели тремя основными чертами: 1) значительной ролью государства, наличием многочисленных форм контроля и регламентации в обществе; 2) стремлением французов к покровительству, социальной защите со стороны государства; 3) наличием "протекционистской жилки" в национальном темпераменте. От этих черт надо постепенно избавляться, но отнюдь не на путях "шоковой терапии", как полагали новообращенные либералы во главе с Шираком. Освобождение от груза исторического наследия Барр видит на путях развития свободы предпринимательства и духа конкуренции; разовьется вкус к прибыли, обогащению, капиталовложениям, а это, в свою очередь, гарантирует занятость и в конечном счете – социальный прогресс. Программа Барра при сходстве целей с платформой голлистов отличалась постепенностью и учетом не только экономических, но и социально-психологических особенностей, существующих во французском обществе.

Резкая критика "государства благосостояния", роста обязательных отчислений в его пользу, справедлива, но не следует торопиться отправлять его на слом. "Благодаря социальному обеспечению, – подчеркивал Барр, – воздействие кризиса на большие семьи, престарелых, безработных не было чрезмерно болезненным. Оно является выражением национальной солидарности и избавляет общество от тяжелого социально-политического травматизма". Он предложил основать политику в социальной сфере на идеях "социального персонализма", восходящего к идеям христианского философа Э.Мунье и к голлистским проектам "участия". Голлизм, социальный католицизм сочетались в концепции Барра с консерватизмом в сфере морали. Барр призывал к защите традиционных ценностей: семьи, труда, родины, религии – выступая против чрезмерного индивидуализма, подрывающего единство нации. "В течение последних 25 лет процветания, – писал Барр, – французам не хватало воли и дисциплины, которые необходимы любой стране"¹².

Сотрудничество либералов и голлистов, продолжающееся с начала 60-х годов по сей день, ставит вопрос: в какой мере сохраняются различия между ними и на какой основе произошло их сближение? Мировоззрением голлиста, наследника, – по определению Р.Ремона, – бонапартистской традиции, является старая якобинско-наполеоновская идея об использовании моши государства для достижения общенациональных целей. На этой основе построена свою политику

де Голль, при котором Пятая республика стала наиболее диралистским режимом в сообществе западных демократий.

Однако в 80-е годы по ряду объективных причин либеральные идеи завоевали общественное внимание, распространившись среди самых различных политических сил не только во Франции, но и в других европейских странах. Во Франции, где с 1958 года политическая власть в стране сосредоточивалась в руках правоцентристского большинства, возглавляемого то сторонниками де Голля, то Жискар д'Эстена, в 1981 году победу одержали левые партии. Пребывание в оппозиции, по мнению исследователей, стимулировало доктринальные разработки правоцентристских сил, в особенности его голлистского крыла. Происходят глубокие изменения в системе ценностей активистов голлистского движения.

Среди них стала расти враждебность к государственному вмешательству, которое представлялось чрезмерным. Отвергалась голлистская концепция "участия" трудящихся в жизни предприятия, росла приверженность идеи "атлантической солидарности". Распространялась точка зрения, согласно которой засилье "технократов" и "бюрократов", сопутствующее чрезмерному этатизму, лишает французское общество таких добродетелей, как чувство ответственности, готовность к инициативе и риску. Расширение функций государства в социально-экономической сфере, подрывающее частную инициативу, сопровождалось упадком его роли в качестве гаранта общественно-го порядка.

Речь шла о фактическом отказе от основных тезисов голлизма, сохранявшихся в программе ОПР до 1981 г. (активное вмешательство государства в социально-экономическую сферу, планирование, развитие системы "участия"). Согласно утверждению Ж.Ширака, поскольку pragmatism составляет "сущность голлизма", ОПР, в соответствии с духом времени, должна поддерживать "консервативную революцию". Еще в конце 1980 г. голлистское движение рассматривало планирование как "пламенный долг" французов, как "выражение политической воли и согласованной деятельности партнеров". В программе, принятой на чрезвычайном съезде в январе 1983 г., ОПР уже объявило главной задачей "ограничение роли государства в управлении экономикой страны", которое, по утверждению ее лидеров, приняло гипертрофированный характер. Жюппе, экономический советник Ширака, предлагал, во-первых, ликвидировать все, что сделало левое правительство в сфере расширения экономических полномочий государства, и, во-вторых, отказаться от экономической политики 70-х годов, вызвавшей "скрытую социализацию" французского общества.

ОПР разработало широкую программу реприватизации национализированного сектора. В программном документе 1985 г. "Пакт ОПР для Франции" содержался призыв денационализировать все предприятия, входящие в сектора, где существует конкуренция. Был намечен ряд мер по сокращению государственных расходов, особенно по уменьшению численности госаппарата. Считая, что французская система социального страхования стала препятствием на пути развития экономики, ОПР намеревалось ограничить "жесткими рамками" расходы на социальные нужды. Все это, вместе с пересмотром политических внешнеполитических ориентаций (фактическое возвра-

щение в военную организацию НАТО и поддержка идеи расширения полномочий Европейского парламента и Совета министров ЕС: фактически выглядело как обращение голлистов, прежде убежденных дирижистов, в неолиберальную веру¹³. Поспешность и стремительность этой трансформации, широкое поначалу заимствование англо-американских консервативно-либеральных рецептов честно ставит вопросы об основательности и необратимости этой эволюции и о содержании этой новой версии французского неолиберализма, как и о степени тождественности ее неолиберализму негативистских республиканцев.

Неолиберальная переориентация голлистской ОПР в целом позволила ей сохранить свое ведущее положение в правоцентристском лагере, завоевать популярность среди более широких социальных слоев. Однако на этом пути перед ней встали немалые трудности связанные с историческими судьбами либерализма во Франции

Исторически французский либерализм никогда не был прогрессистским в отличие от его англо-американских вариантов. В этих странах он противостоял консерватизму, участвовал в борьбе за всеобщее избирательное право, за завоевание других политических и социальных прав. Французский либерализм, напротив, сохранил глубоко элитарный характер и не связан ни с борьбой за демократию ни за социальные права. "Тогда как прогрессистский либерализм Великобритании, – отмечает национальный секретарь ФСП Л. Жослен, – опирается на Кейнса и близких к социализму реформаторов, французский либерализм, отвергающий эволюцию и противостоящий социальным и политическим правам, носит антисоциальный и антиполитический характер"¹⁴.

Во Франции реформаторскую функцию взял на себя не либерализм, становившийся все более и более консервативным, а левые республиканцы, радикалы и социалисты. Вступив на путь обновления при де Голле, правые силы вынуждены были отречься от ряда прежних установок и признать роль общественного сектора, нарушающего рыночный механизм, систему социального обеспечения и т.д. Упадок же голлизма предопределил стратегическую необходимость обращения к идеям неолиберализма. При этом ряд правых теоретиков в известной мере сознает противоречия, сужающие свободу маневра в использовании нового "девиза дня": непопулярность французской версии консервативного либерализма, застывшего в своем развитии на уровне прошлого века, недостаточность форм, заимствованных из англо-американского опыта, к чему во многом сводится нынешняя неолиберальная волна – все это ставит задачу новых активных разработок концепции неолиберализма, основанной на французской традиции и при этом обращенной к проблемам настоящего. "Либерализму ОПР, – отмечает К. Исмаль, – свойственно стремление интегрировать во французскую реальность как можно больше американского и японского"¹⁵. В свою очередь, лидер ОПР Ж. Ширак считает: опыт этих стран "должен существенно обогатить нашу мысль", но "нам надо конструировать собственную модель развития"¹⁶.

Возросшее в 70-80-е годы число исследований по истории и политической философии либерализма демонстрирует как усиление критичности либерального сознания, так и стремление изыскать запор-

ные точки идеиного обновления. Французский политолог Жорж Бюрдо в капитальной монографии "Либерализм" отмечал, что "золотой век" либерализма длился с конца XVIII века до первой мировой войны. Вплоть до настоящего времени идет процесс разрушения устоев "либерального" общества. Вместе с тем главные ценности либерализма сохраняют свою привлекательность и в немалой степени заимствуются другими идеино-политическими течениями, от социалистов до голлистов. Нынешние западные демократии, сотрясаемые социальными конфликтами, подверженные бюрократизации, засилью государства, едва ли могут рассчитывать на привлекательность и консенсус, как либеральный строй эпохи расцвета, имевший в основе "стройную концепцию социального порядка"¹⁷.

Важнейшим устремом либеральной доктрины является утверждение автономии личности, защита ее прав и свобод, и именно этот ее аспект снова встречает повышенное внимание в обществе. Причем речь идет в первую очередь о так называемых "формальных свободах", которые ранее почти не принимались в расчет левой интеллигенцией, предпочитавшей говорить о социально-экономических правах. "Формальные свободы" считались чем-то вроде лицемерной уловки правящего класса, поскольку социально-экономические условия, неравенство сводили на нет их ценность.

"Мы уже привыкли видеть только обман в формальной возможности поехать на Бермудские острова с целью провести там воскресные дни, поскольку она не подкрепляется материальными возможностями. Однако сейчас, в связи со все более широким распространением практики полицейского надзора, обязанности докладывать о своих перемещениях, запретов выезжать за границу, люди начинают осознавать, что еще более, чем материальные средства, важна сама возможность вообще куда-то свободно ездить"¹⁸, – подчеркивал Ж.Бюрдо.

Другой, весьма важный сдвиг в сознании, способствовавший подъему интереса к либерализму, связан с упадком западноевропейского социализма и связанного с ним представления, согласно которому единственным выходом из сложной экономической ситуации представлялось обобществление значительной части производства, перевед его под контроль государственных органов. Морис Фламан, профессор Сорбонны, посвятивший свое последнее исследование современному либерализму, указывал на объективные обстоятельства смены ценностных установок: закончилось время "эйфорического, быстрого" экономического роста, до известной степени позволявшего "распределять" его результаты, однако по мере вступления западных стран в период "трудностей", социализм продемонстрировал свою неэффективность. Но главное, что социализм "надолго разрушил экономическую свободу, являющуюся основой демократии, поскольку она неотделима от политической свободы"¹⁹.

Вместе с тем только экстремистски настроенные приверженцы либерализма могут стоять на позициях "полного антиэтатизма". В либеральной мысли государству всегда отводилась видная роль. Важно только, чтобы государство не брало на себя не свойственные ему функции, "не распыляло, а концентрировало" свои силы. Фламан подчеркивает, что антонимом либерализму является не социализм, а авторитаризм, с которым либерализм всегда боролся во имя интере-

сов индивида и гражданского общества. Прочное гражданское общество с разнообразной структурой является основой силы и стабильности нации. Лучшее, что может делать государство – это служить этому обществу.

Характеризуя проблему либерализм – общество, Фламан делает вывод, что на современном этапе первый берет на себя решение социальных вопросов, что отличает его от классического либерализма, для которого ничто не должно было нарушать законы свободной конкуренции. Современный либерализм остается верен своей логике, согласно которой решение "социальных проблем" возможно лишь в условиях эффективного экономического роста: он "допускает", что часть национального дохода может быть направлена на эти цели, хотя при этом и приходится преодолевать "жесткий индивидуализм деловых людей"²⁰.

Современное состояние либерализма стало темой дискуссии среди французских философов. Сегодня, когда ушли в прошлое исторические, социальные и политические задачи, решения которых добивался либерализм – требование политических прав, освобождение из-под гнета государственной религии, создание современных условий товарообмена – его программа фактически исчерпана. "В концептуальном плане, – пишет Н.Танзер, – либерализм стал жертвой своего успеха: одержав победу, он перестал быть триумфатором, он всюду и нигде"²¹. Либеральной стала демократия, и даже французская социал-демократия с тех пор, как признала частное предпринимательство. Сегодня либерализм стоит перед определением новой сферы своей деятельности: прежде всего, он побуждает к бдительности по отношению к любым ущемлениям свободы и прав гражданского общества, кроме того, перед ним стоит задача обеспечения конкретных свобод человека – в повседневной жизни, культуре, экологии, здравоохранении. Либерализм утверждает приоритет человека и гражданина перед обществом и государством, он не сводит роль индивидуума к роли производителя, потребителя или вкладчика капиталов²², – считает Н.Баваре. Не следует забывать также, что либерализм – это система ценностей или "мораль действия". Либерализм не обладает готовой моделью общества; он утверждает, что несовершенство людей не должно приводить к отчаянию, бездействию, утопиям, в том числе тоталитарным. Следует постепенно и терпеливо создавать равновесие между институтами, регулирующими выражение свобод.

По мере усиления кризисных явлений в западной экономике началось либерально-консервативное контрнаступление, обратившее внимание на "социалистическую деформацию" хозяйственного механизма развитых стран Запада подрыв системы рыночной саморегуляции. Последовательный анализ этих тенденций произвели "новые экономисты" (французская версия либерализма, концепции возврата к классической, чисто рыночной модели, характерной для прошлого века). Современный экономический кризис есть результат отчуждения частной собственности и связанных с этим нарушений механизма рыночной регуляции. В книге "За новый либерализм" А.Фурсан раскрывает понятие "свободных рыночных отношениях" в философском и социологическом аспектах. Система свободных рыночных отношений – это картина мира, основанного на естественных спонтанных процессах. Здесь не нужно ничего организовывать, запрещать

или поощрять, все происходит естественно, как в природе. Но если основы экономической самодеятельности людей подорваны, то все остальные формы проявления человеческой свободы оказываются под угрозой. Вступив на путь государственного регулирования социально-экономических отношений, либералы сделали уступку иному, искусственно конструируемому миру, ведущему в тоталитаризм.

Революция 1789 г. уничтожила внеэкономическую систему привилегий, сословные перегородки, создав открытое массовое общество. В сравнении с ним, с попустительства либералов, произошел контр-поворот к новой сословно-бюрократической системе привилегий: экономических (государственные дотации национализированным предприятиям), профессиональных (вмешательство профсоюзов в отношения свободного найма), социальных (социальные программы и пособия). Все перечисленное оценивается новыми экономистами как "система привилегий", сопоставимым по сути с разнообразными сословными привилегиями феодальной эпохи.

"Рыночная конкуренция, несомненно, главное, если не единственное средство, позволяющее вести эффективную борьбу против монопольных позиций, привилегий, многообразных рент, протекций и незаконных статусов – всего того, что может сохраняться только в силу прямой или косвенной поддержки со стороны государства"²³, – пишет А.Фурсан.

Новые экономисты приводят следующий, весьма важный на их взгляд, аргумент в пользу естественности капиталистического рыночного общества. Рыночная система исходит из естественных человеческих побуждений, она укоренена в человеческой сущности. Государственное же вмешательство, планирование предполагают постоянное навязывание, надзорательство и, в конечном счете, воспитание "нового человека".

Однако можно ли построить всю систему человеческих отношений на утилитарных принципах рыночного обмена? По этому поводу исследователь современного либерализма С.Кольм выдвигает весьма серьезный аргумент: самая убедительная критика рыночной системы – этическая, выступающая от имени социальной справедливости. Что же касается экономической эффективности, то здесь альтернативы рыночному хозяйству нет, и опыт реального социализма, как и плановых экспериментов в других странах со всей очевидностью об этом свидетельствуют: "Поражения плановой экономики сопровождаются повсюду, от Соединенных Штатов до Китая, ренессансом либерализма, который теснит социалистическую идеологию, и особенно у нас, во Франции"²⁴.

Устранив, таким образом, сомнения в своей экономической состоятельности, неолиберализм сталкивается с проблемой внеэкономического порядка – "его совместимостью с человеческой солидарностью", по выражению С.Кольма. Новые экономисты, сознавая эту проблему стремятся доказать, что экономические законы приложимы не только к производству товаров в собственном смысле слова, но и к любому виду человеческой деятельности, что их концепция общественного устройства вполне совместима с гуманистическими чаяниями людей, гуманистической системой ценностей. Построения новых экономистов близки Чикагской школе: их объединяет убеждение в возможности построения общей теории обмена, в рамках кото-

рой будут устраниены противоречия между экономическим утилитизмом и внеэкономическими гуманистическими ценностями.

Пафос новых экономистов направлен против "политически класса государственной бюрократии", в пользу которой осуществляется экспроприация богатств гражданского общества. "Паразитический гуманизм" в интересах различных экономически неэффективных групп, привыкших жить за счет общества, ориентирующийся государство, поставил в центр внимания "опекаемое общество": "Государственный Левиафан поглощает наши ресурсы, парализует ишу энергию, подрывает потенциал нашего роста, и нашу способность адаптироваться к прогрессу", – уверждает Маршелли²⁵.

Экономикоцентризм новых экономистов, как всякая доведена до крайности точка зрения, демонстрирует свою ограниченность, терпимость, "черно-белое" видение действительности. Однако в щей картине либерального контрнаступления они, занимая край фланг, вносят свой вклад прежде всего развернутой критикой да ко зашедшего государственного вмешательства, бюрократизацией непроизводительных расходов, тяжким бременем ложащихся общества.

Любопытно, что аргументация "новых экономистов" более всего находила отклик у неоголлистов, с пылом неофитов осваивавших неолиберальную идеологию в ее "англо-американском" варианте. Идеологический вакuum, образовавшийся в результате отказа от новых тезисов голлизма, ОПР стремилась заполнить, заимствуя идеи "новых экономистов", применивших идеи Чикагской школы французским условиям, и используя разработки правых клубов, и даже всего, Клуба-89 и клуба "Орлож".

Согласно выдвинутой интеллектуалами клуба "Орлож" интерпретации, 1789 год воплощает политику свободы и национального единства, а 1793 год – политику классовой ненависти и борьбы. В ответствии с этим члены клуба дали "республиканским ценностям" трактовку, заметно отличающуюся от принятой во французской политической культуре, заменив лозунг "свобода, равенство, братство" на либеральное сочетание "свобода, собственность, право на безопасность и сопротивление угнетению".

Клуб "Орлож" разрабатывает концепцию "национального лорализма", суть которой выражает формула "укоренение и свобода". Она раскрыта в книге председателя клуба и одновременно членов руководства ОПР И.Бло, выражающей в концентрированной форме уже устоявшиеся точки зрения, в той или иной форме взятые на вооружение правыми партиями. Книгу отличает резко антисоциалистическая направленность. Все разновидности политики дирижируют всякое реформаторство социал-демократического типа она вслед за Ф.Хайеком окрестила термином "конструктивизм", противопоставив его "еволюционизму". На сегодняшний день наиболее очевидные последствия "конструктивизма" автор усматривает в росшейся социально-экономической функции государства, пошней "сужение сферы свобод, снижение чувства ответственности".

Неолиберализм сегодня – это не только обновление старой но практический принцип, которому сегодня следуют ряд правительств стран Европы, США, Япония. Речь идет о дальнейшем вертывании потенциала либеральной идеи, в ходе которого г

ходит ее синтез с постулатами консерватизма. Перелом рубежа 70-80-х годов означает нечто гораздо более важное, чем изменение политической ситуации в результате выборов, чередование у власти левых и правых политических партий. Начался новый период, сменивший почти сорокалетний этап господства социал-этатистских доктрин и политики.

Существует целая концепция, объясняющая этот перелом и разделенная новыми французскими либералами. Согласно ей, во время второй мировой войны, под предлогом военизации экономики государственные бюрократии взяли в свои руки судьбу общества, огосударствление которого намного превысило требуемый войной уровень. Некоторые осознали это уже в ходе войны: это, прежде всего, философ и экономист Фридрих фон Хайек, выпустивший в конце 1943 г. книгу "Дорога к рабству". В ней он показал, что этатизация общества может постепенно стереть все различия между демократическими и тоталитарными государствами. Соблазну социал-этатизма поддались почти все партии: в течение сорока лет он постепенно завоевывал умы и политику, создавая обстановку, в которой либеральная мысль воспринималась как архаичная и реакционная. Представители почти всего политического спектра западных демократий в той или иной мере разделяли социал-этатистские убеждения. Средствами достижения экономического процветания и социальной справедливости должны были стать государственная централизация, социальное перераспределение, демократизация системы образования, прогрессивное налогообложение. Лишь немногие выступали против такой линии: во Франции среди них можно назвать Жака Рюэффа, советника правительства де Голля в первые годы Пятой республики.

Перелом 80-х годов состоял, таким образом, в том, что весь спектр политических сил отказался от вышеупомянутой системы общих принципов социал-этатизма и взял на вооружение новую либеральную систему. "На смену ситуации, когда все были социалистами, последовал призыв "всем быть либералами", ставший новым знаменем партии. Этот парадокс обнаруживается в большинстве западных демократий, и в первую очередь во Франции"²⁷, – писал Ги Сорман (он указывал в подтверждение своих слов, что за три года пребывания у власти социалист Ф. Миттеран повернулся в сторону рыночной экономики, разгосударствления, частной инициативы и снижения налогов, а оппозиционные партии, не слишком демонстрировавшие правительству свои антиэтатистские настроения, также преобразились в кровавых либералов.)

Глубинная причина этого – "конец эры масс". Благодаря революции, которую совершают в промышленности микроэлектроника и кибернетика, то есть изменению технологий, и благодаря прогрессу в области образования, люди стали "более независимыми и более ответственными". Последствием этого является "демассификация" общества. Заканчивается эра масс, которая всегда требовала возможно большего сосредоточения людей в определенном месте для производства максимального объема материальных благ. В производстве, как и в информационном обмене, каждый индивидуум находит свое собственное место и свое предназначение.

"Идеологические системы, опирающиеся на массы, более не соответствуют духу времени, – утверждал Г. Сорман. – Напротив, либеральная мысль, основанная на индивидуальных инициативах и представляющая общество как результат таких инициатив, вновь становится все более актуальной"²⁸.

Устойчивость этатизма идеологии неолиберализма объясняют с помощью теории "нового класса" – управляющих государством бюрократов, чиновников и политиков, естественно, заинтересованных в укреплении своих позиций.

Современные либералы рисуют картину своеобразного "классового противостояния": на одном полюсе – товаропроизводители, предприниматели, которые, подчиняясь законам конкуренции, должны проявлять дух предпримчивости и инициативы; на противоположном полюсе – "новый класс", фактически живущий за счет налогоплательщиков, оправдывая это своим служением "общим интересам". Социализм фактически присвоил себе идею социальной справедливости, став идеологией перераспределения, хотя последнее стало возможным только благодаря либеральному экономическому развитию. На смену же идеи социальной справедливости должна прийти идея социальной солидарности: следует признать, что развитие порождает неравенство, и необходимо оказывать непосредственную помощь тем, кто в ней действительно нуждается – индивидуальными или коллективными усилиями, но не обязательно – государственными.

Современный либерализм отличается активным, воинствующим характером: главная задача либералов сегодня – демонстрировать, что любая общественная проблема имеет "либеральное решение". Именно эту формулировку вынес в заголовок своей книги Ги Сорман. Одна из основных проблем либеральной теории состоит в размежевании государства и гражданского общества, философском и идеально-политическом обосновании и определении сферы деятельности того и другого. На этом пути следует преодолеть ряд противоречий, свойственных либеральной доктрине и практике в различные периоды ее существования. На ранних этапах доминировала "негативная" концепция свободы – "свободы от": ее политическим выражением стало сведение государства до "ночного сторожа" и ничем не сдерживаемая конкуренция на другом полюсе. "Позитивная" концепция свободы – "свободы для" – оказалась чреватой опасностью чрезмерного засилья государства. Балансируя между этими крайностями, современная концепция либерализма исходит все же из понятия "позитивной" свободы, поскольку современная экономика немыслима без координирующей роли государства. В конкретизации ее наблюдаются определенные нюансы. Ги Сорман, отказываясь от "примитивной" оппозиции государству, выступает, тем не менее, за "государственно-минимум", как за "лучшее государство", осознающее пределы своей власти по отношению к гражданскому обществу. "Для нас миссия государства, – поясняет он, – состоит в том, чтобы поддерживать порядок, причем не только на улице, но и в экономике, обществе, внешней политике. Однако если государству надлежит сокращать порядок, то ему не подобает руководить изменениями. Оно и неспособно к этому. Изменения есть дело индивидов: только в гражданском обществе вызревают воображение, любознательность,

вкус к риску"²⁹. Сегодня основная задача либералов сводится к тому, чтобы провести четкую границу между тем, что принадлежит государству, и что – гражданскому обществу. Расширение прав последнего, естественно, связано с приватизацией, которую Сорман считает "прогрессивной" и "обеспечивающей лучшее управление экономикой".

Более усложненную трактовку противоречий либерализма дает Ж.М.Бенуа – философ и публицист, один из лидеров "новой философии", сегодня поставивший свое перо на службу неолиберальным идеям. Его книга "Орудия свободы" (1985 г.) посвящена выработке основ и идеалов "общества свободы"³⁰. Он выводит их из необходимости двух концепций природы, на которые опирается экономический и политический либерализм – природы вещей, как естественного регулятора экономики, и природы человеческой, требующей правовых урегулирований. Для экономического либерализма важна негативная "свобода от" различных стеснений и ограничений; для политического либерализма – "свобода для" эффективного обеспечения функционирования общественного организма. "Свобода от" и "свобода для" – приобщение к естественному порядку и вы свобождение из природного состояния – таковы, в изложении Ж.М.Бенуа, канонические оппозиции между политическим и экономическим либерализмом.

Доверие к "естественному закону", к "регулятивной силе рынка" в конечном счете ведет к ситуации, которую Гоббс назвал "войной всех против всех", – к конкурентной борьбе, стихийно порождающей "левиафанов" экономической концентрации, озабоченных интересами собственного благополучия, а отнюдь не свободы

В свою очередь, "правовое государство", как показала история, может гипертрофически разрастись, если граждане будут постоянно требовать от него защиты от социального риска, предостерегает Бенуа. Источником "социальной патологии" может стать само гражданское общество, если оно "впадет в эгалитаризм", упрекая государство в недостаточности формальных свобод и требуя свобод социальных. В исходном противоречии между двумя ценностными ориентациями – собственнической, восходящей к локковскому учению, и демократической, наследующей французскую революционную традицию, он выбирает первую, и это закономерно: консервативному либерализму одинаково враждебны и концепция "государства всеобщего благосостояния", и программа "разрыва с капитализмом" французских социалистов. И та, и другая способствуют эрозии права собственности, а следовательно, несут угрозу свободам.

¹ Remond R *La droite en France De la premiere Restauration a la Cinquième République* P , 1968, p 269

² Brimo A *Les doctrines libérales contemporaines face au socialisme* P , 1985, p 133, 135

³ Charlot J *Le phénomène gaulliste* P , 1972, p 116

⁴ Thibaud P *La droite livrée au pillage / Le Mond diplom* , P , 1977, janvier

⁵ Malaud Ph La révolution libéral P , 1976, p 33

⁶ Ibid , p 123

⁷ Giscard d'Estaing V Democratie française P , 1976, p 5

⁸ Lecomte B , Sauvage Ch Les giscardiens P , 1978, p 5

⁹ Malaud Ph Op cit , p 129

¹⁰ Giscard d'Estaing V Op cit , p 58

¹¹ Barr R Réflexions pour demain P , 1984, p 35, 36

¹² Ibid , p 37

¹³ Baudouin J Gaullisme et "Chiraquisme" reflexions autour d'une adult tere / Pouvoirs 1984, N28, p 66

¹⁴ Jospin L Un ultra conservatisme dangereux sur tous les plans // Nouv revue socialiste P , 1985, N78-79, p 140

¹⁵ Ysmal C Les française et le liberalisme / Nouv revue socialiste P , 1986, N78-79, p 83

¹⁶ Chirac J La lueur de de l'esperance réflexion du soir pour le matin P , 1978, p 5

¹⁷ Burdeau G Le libéralisme P , 1979, p 232

¹⁸ Ibid , p 239

¹⁹ Flamant M Le liberalisme contemporain P , 1988, p 6

²⁰ Ibid , p 103

²¹ Tenzer N Le liberalisme entre idéologie et politique // Commentaire, P , 1991, vol 14, N53, p 91-94

²² Bavaez N Triomph du marche, crise du libéralisme // Ibid, P , 1991, vol 14, N53, p 343-346

²³ Fourçans A Pour un nouveau libéralisme l'après-socialisme P , 1982, p 44

²⁴ Kolm S -C Le libéralisme moderne Analys d'une raison économique P , 1984, p 9

²⁵ Marchelli N Les aventuriers de l'an 2000 combattre pour réussir, la France ne peut attendre P , 1986, p 108

²⁶ Blot Y Les racines de la liberte P , 1985, p 164

²⁷ Сорман Г. Либеральное решение. М., 1984, с.23

²⁸ Там же, с.27

²⁹ Sorman G L'Etat-minimum P , 1985, p 34

³⁰ Benoist J -M Les outils de la Liberte P , 1985

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XX века дискуссии об историческом опыте и роли западного либерализма приобрели особую актуальность в связи с победой, одержанной западной либерально капиталистической цивилизацией над социалистической системой во главе с СССР. Многие, как в торжествовавших успех странах Запада, так и в признавших свое поражение странах социализма, заявили о том, что именно западный либерализм воплотил общечеловеческие ценности, которые должны быть в полном объеме и без всяких оговорок позаимствованы государствами, желающими встать на дорогу истинного прогресса. Самое известное выражение этот вывод получил в статье политолога Ф.Фукуямы «Конец истории?» Она провозглашала: «Но этот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал: не к предсказывавшему еще недавно концу идеологии, или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма... Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не оставалось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии, как окончательной формы правления».

По завершению настоящей монографии у ее авторов есть основания высказать свое отношение к концепции Фукуямы, которая в России стала своего рода кредо для лидеров и участников радикально-демократического движения, утвердившихся у власти в стране после 1991 г.

Начнем с того, что в концепции Фукуямы представляется истинным. Это то, что именно идеология и практика либерализма снабдили западные страны механизмами увеличения экономического благосостояния, утверждения индивидуальных прав и свобод, в целом обеспечения общественного прогресса. Опыт всех западных стран свидетельствует, что основополагающими среди этих механизмов являются гражданское общество, правовое государство, частная собственность, рынок, политический плюрализм, разделение властей. Очевидно и то, что лучшие механизмы, обеспечивающие экономический рост, ненасильственный прогресс, урегулирование взаимоотношений между классами и иными социальными общностями, демократическое государственное управление, пока не известны. Можно назвать «общий знаменатель» этих механизмов — состязательность и конкуренция во всех сферах от экономики до идеологии, науки и культуры.

Теперь о том, о чём выводы настоящей монографии расходятся с концепцией западного политолога. Фукуяма утверждает о победе либерализма над социализмом, о крахе идеи их конвергенции. Согласно же материалам и выводам настоящей монографии историческая эволюция либерализма заключалась в постепенном соединении его классических принципов с идеалами демократии и социализации, превращении его из классовой буржуазной идеологии в идеологию открытого типа, вбирающую в себя постулаты других теорий в первую очередь демократии и социализма. И если XIX век можно назвать веком соединения либерализма с демократией, то XX век - веком соединения его с социалистическими принципами. И если западная цивилизация утвердила к концу XX века в качестве передовой, то произошло это не благодаря победе в ней либерализма над социализмом, а как раз благодаря конвергенции принципов либерализма,

демократии и социализации.

По иронии судьбы «чистый», или классический, либерализм в ведущих странах Запада (единственное исключение среди проанализированных в книге стран составляет Франция) выступает в конце XX века под именем консерватизма и подчас, как это имеет место в США, демонстрирует резко отрицательное отношение к той идеологии, которая на современном этапе отождествляет себя с либерализмом. Эти перипетии либерализма в концепции Фукуямы, а также его единомышленников, в том числе российских, совершенно игнорируются.

Зададимся теперь вопросом: можно ли считать современную западную цивилизацию воплощением общечеловеческих ценностей, можно ли, как это делают Фукуяма и его последователи, отождествлять Запад с обществом всеобщего благоденствия и общественной гармонии? Ответ на этот вопрос зависит от того, какие критерии будут выбраны для оценки всеобщего благоденствия и общественной гармонии. Одним из таких критериев могут служить позитивистские по своему характеру показатели уровня и качества жизни, используемые многими зарубежными обществоведами. Это продолжительность жизни, уровень детской смертности, содержание потребительской корзины, продолжительность и качество отпуска и досуга, уровень заболеваемости различными болезнями, обеспеченность жильем и его качеством, доступ к образованию, культурным и научным ценностям и т.д. Все эти показатели соответствуют гуманистическим ценностям и объективно характеризуют качество жизни любого общества. Но, конечно, если твердо стоять на гуманистической точке зрения и рассматривать каждого человека независимо от его социальной или национальной принадлежности, то следует проанализировать, как эти показатели выглядят в применении к каждому из трех главных классов западных обществ — высшему, среднему и низшему, как и каждой национальности, религиозной деноминации и другим общностям.

Такой же анализ показывает, что серьезное неравенство в условиях существования социальных слоев сохраняется в западной цивилизации и на современном этапе. Правда, в российском общественном сознании сегодня присутствует мнение, оправдывающее это неравенство по той, в первую очередь, простой причине, что даже низший класс на Западе обладает лучшей потребительской корзиной, нежели большинство наших соотечественников. С точки зрения научного осмысления западных реалий, этот аргумент не может быть признан убедительным. Ведь низшие слои многих стран Запада, неспособные удовлетворить запросы, признанные нормой в этих странах, не чувствуют себя более счастливыми от того, что потребляют продуктов больше наших граждан. Если стоять на научных позициях, то о качестве жизни разных социальных слоев стран Запада следует судить с точки зрения материальных возможностей достигнутых в этих странам и утвердившихся в них социо-культурных норм.

Многие, если не большинство, либералов Запада сегодня разделяют мнение о сохраняющемся отчуждении граждан их стран от экономической и политической власти в обществе о кризисе ценностей индивидуализма и нарастающей дегуманизации под воздействием факторов коммерциализации всех сторон общества, возобладания массовой культуры и универсальных стандартов потребления. Критически настроенные либералы, в отличие от Фукуямы, склонны говорить не о триумфе либерализма на исходе XX века, а о его кризисном состоянии перед лицом острых проблем, привнесенных современной индустриальной цивилизацией. Условная попытка разделения современных западных либералов на пессимистов и оптимистов, подобных Фукуяме вряд ли дала бы преимущество последним.

Наконец совершенно очевидно, не подтверждается вывод Фукуямы о неизбежности повсеместной триумфа западно-либеральных ценностей. Горячее увлечение ими в посткоммунистических странах на рубеже 1980-1990-х гг. очень быстро во многих из них сменилось глубоким разочарованием и неверием в способность освоить и воплотить в жизнь классические либерально-демократические ценности. Российские буревестники западных либеральных ценностей которые как казалось еще несколько лет назад, раз и навсегда утвердились в качестве кумиров россиян многими сегодня воспринимаются как безнадежные утописты.

Посткоммунистическая реальность России отторгла одну за другой либерально-демократические ценности прививавшиеся ей «сверху» при помощи разнообразных законов и реформ. Через несколько лет после начала модернизации России по западным образцам со всей остротой стоит вопрос, а совместима ли вообще российская органика с либерально-демократическими ценностями. Его рассмотрение не входит в задачу данной книги, но одно нам все же представляется очевидным если либерально-демократическим идеалам и суждено воплотиться в России, произойдет это не в однотасье, при этом реализоваться они смогут на основе конвергенции, а не противостояния с российскими цивилизационными характеристиками.